

ОГОНЁК

№ 31 ИЮЛЬ 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Захар Андреевич Зайцев.

ЖАТВА ЛЕГКОЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

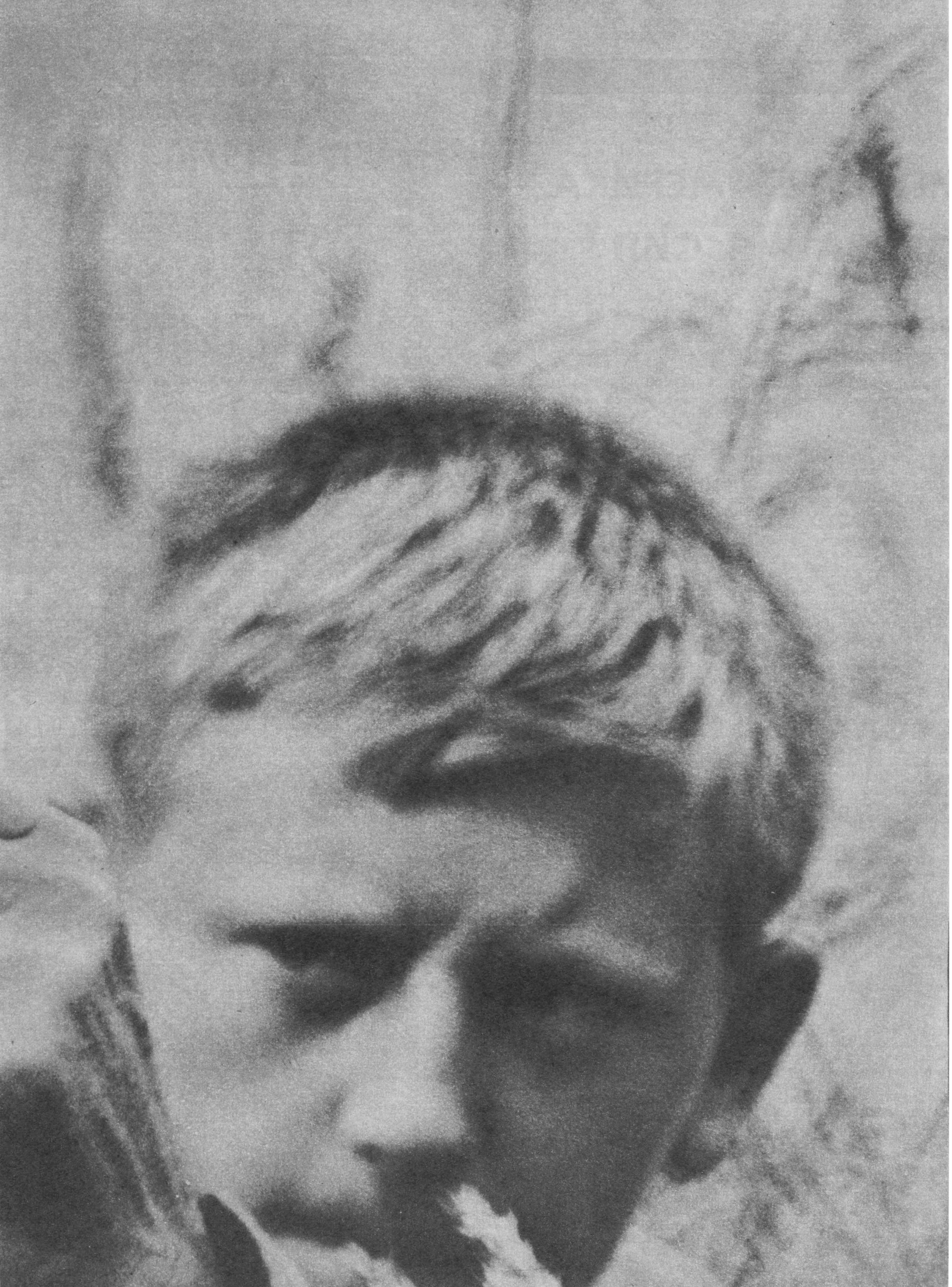
ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 31 (2352)

29 ИЮЛЯ 1972

Фоторепортаж специального корреспондента «Огонька» И. ТУНКЕЛЯ.

НЕ БЫВАЕТ

см. стр. 12—13.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ПОЛЯРИЗАЦИЯ СИЛ

Николай ПАСТУХОВ

Бурные процессы обновления характерны для современного мира. Неизменно побеждают тенденции социальной справедливости, национального освобождения, реализма и здравого подхода в международных отношениях. Не стоит в стороне от этих процессов и Латинская Америка.

Когда здесь, в 150 километрах от американского штата Флорида, родилось первое в Западном полушарии социалистическое государство Республика Куба, Соединенные Штаты одели ее в кольцо экономической блокады и политического эмбарго. Но вслед за Кубой на путь новой жизни вышла еще одна латиноамериканская страна — Чили. Тогда товарищ Фидель Кастро сказал: «Мы себя чувствуем некоторым образом детьми целого сообщества, части света гораздо большей, чем Куба и Чили,— Латинской Америки». Жизнь убедительно показала правоту этих слов.

Все более обостряются противоречия стран Латинской Америки с монополистическим капиталом США. Когда два с половиной года назад губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер совершал по Латинской Америке турне «доброй воли», оно вызвало демонстрации протеста, взрывы бомб и волнения по всему пути его следования.

Нет, это была не «рука Кубы», как считали тогда некоторые американские обозреватели. Это была собственная рука Нельсона Рокфеллера, которая держит контрольный пакет акций ненавистной в Латинской Америке нефтяной компании «Стандард ойл». Разве не красноречивы такие, например, данные: прямые частные капиталовложения США на этом континенте составляют 13,8 миллиарда долларов, причем каждый вложенный доллар приносит представителям американского бизнеса четыре доллара чистой прибыли! В результате такого грабежа 30 процентов населения Латинской Америки неграмотны, а 39 процентов трудящихся не имеют постоянной работы. Все это, естественно, ставит на повестку дня вопрос о проведении на континенте радикальных социальных и экономических преобразований, коренного пересмотра взаимоотношений с США.

Если американский бизнесмен Браун — герой романа «Сто лет одиночества» колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса — в двадцатые годы совершал во имя своих прибылей массовые убийства рабочих банановых плантаций, то современный Браун был вынужден сменить «тактику штыка» на экономический захват целых отраслей промышленности. На выручку Брауну пришли уже обанкротившийся «Союз ради прогресса» и Организация американских государств (ОАГ), находящаяся под контролем США. Но и ОАГ, как показывают последние события, уже уходит в прошлое. Сейчас в Латинской Америке наступает новый период, когда эта организация начинает давать трещины и положение браунов становится весьма и весьма шатким.

Так, например, Чили национализировало медные рудники, принадлежавшие американским корпорациям «Анаконда», «Кеннекот» и «Серро корпорейшн». Перу национализировало «Интернэшнл петролеум компани» — дочернюю компанию нефтяной корпорации «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Венесуэла ввела закон, по которому доля правительства в прибыли американских компаний увеличивается до 79 процентов. И еще одна характерная особенность — латиноамериканские страны охотно идут на сотрудничество с японскими фирмами, поскольку Япония в отличие от США сняла все ограничения на экспорт капитала. «От Мехико до Буэнос-Айреса, от Лимы до Рио-де-Жанейро,— пишет журнал «Шпигель»,— повсюду можно встретить японских предпринимателей и банкиров, стальных королей и судостроителей». Латиноамериканские страны умело используют американо-японское соперничество в борьбе за свою самостоятельность.

Все это примеры из сферы экономической. Но налицо и политические потрясения ОАГ. Недавно состоялось весьма показательное заседание этой организации, на котором Перу внесло резолюцию, разрешающую членам ОАГ нормализовать свои отношения с Кубой. Резолюция вызвала смятение у представителей США. Хотя перуанская резолюция не получила в свою поддержку необходимых двух третей голосов, но результаты голосования весьма красноречиво свидетельствуют о настроениях, характерных для Латинской Америки. В поддержку резолюции голосовали Чили, Мексика, Эквадор, Ямайка, Панама, Перу, Тринидад и Тобаго. Три страны воздержались: Аргентина, Барбадос и Венесуэла. Комментируя итоги голосования, американская газета «Крисчен сайенс монитор» делает такое резюме: «В определенной мере потепление в отношениях Латинской Америки к Кубе является отражением новой воинственной позиции по отношению к Вашингтону. Но дело обстоит серьезнее. Все больше латиноамериканцев считают, что политика изоляции не только провалилась, но что она ошибочна». Венесуэльская газета «Насиональ» публикует статью члена палаты депутатов Хорхе Дахера, который пишет, что различные слои венесуэльской общественности поддерживают идею восстановления отношений с Кубой. «Мрачные времена войны и нетерпимого отношения к Фиделю Кастро,— подчеркивает он,— уже отошли в прошлое. Дело мира на континенте и борьба за независимое развитие наших стран требуют присутствия Кубы среди нас, независимо от идеологической ориентации ее правительства».

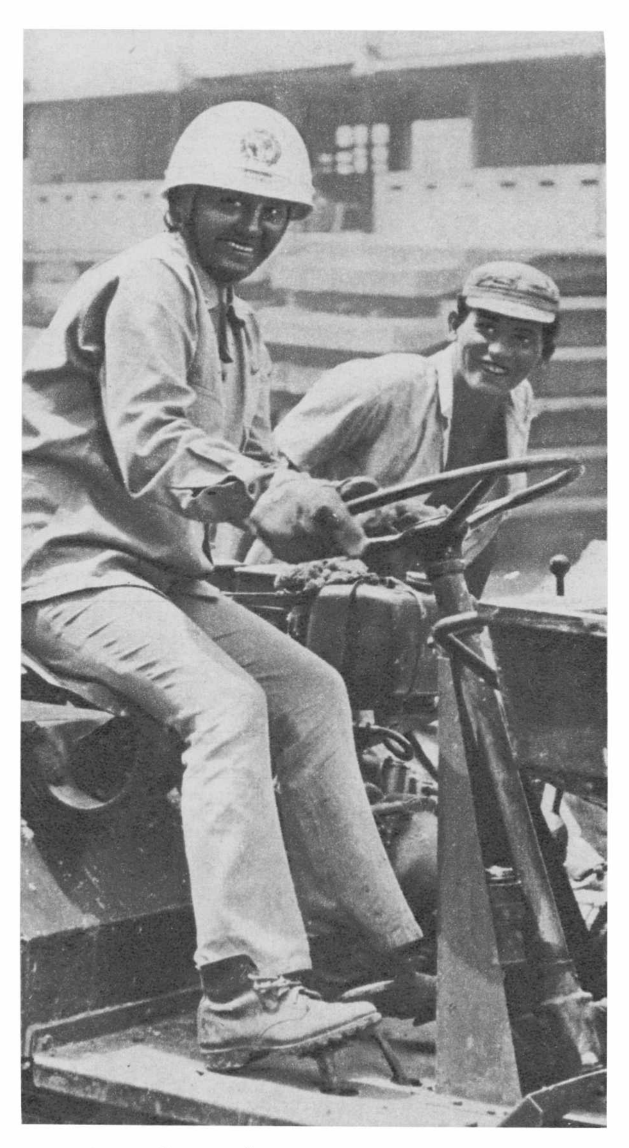
Правительство Перу не только голосовало за свою резолюцию, но и установило дипломатические отношения с Кубой. 17 июля в Гавану прибыл перуанский посол Х. Э. Кабьесес. В аэропорту «Хосе Марти» он заявил: «Я здесь потому, что правительство и народ Перу видят на Кубе братский народ и братское правительство».

Блокада прорвана. Куба неотделима от Латинской Америки.

26 ИЮЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА НАЧАЛА НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ НА КУБЕ

ДОРОГИ, ВЕДУЩИЕ ОТ КАПИТОЛИЯ

Ю. ГАВРИКОВ

Мы из интербригады!

С Педро я знаком почти столько лет, сколько лет кубинской революции. Теперь он работает шофером в Академии наук. Педро везет меня в центр столицы, где стоит величественное здание Национального капитолия. Десять лет назад в Капитолии разместилась Академия наук, созданная Революционным правительством Кубы.

— Читай,— говорит мне Педро, показывая вывеску на большом особняке в районе Ведадо.

— «Институт математики и кибернетики Академии наук»,— читаю я вслух и вижу, как лицо моего друга расплывается в довольной улыбке.

— Читай, читай... — настаивает он, снова притормаживая машину.

И я читаю: «Институт философии», «Институт океанологии», «Институт истории». Я читаю вывески, а на память приходят воспоминания недалекого прошлого...

Вскоре после учреждения академии капитан Повстанческой армии доктор Антонио Нуньес Хименес, назначенный ее президентом, пригласил меня посетить Капитолий.

Мы шли с ним по гулким коридорам и залам, столько видавшим на своем веку. Со дня основания академии прошло несколько месяцев, а в здании уже тогда работали первые академические институты: географии и геологии, биологии, истории. И это в стране, где только что была закончена кампания по ликвидации неграмотности.

В прошлом Куба не была страной с развитыми научными традициями, хотя формально существовали даже звания академиков.

Конечно, это не исключало и в прошлом появления на научном небосклоне звезд первой величины. Кубинцы с благодарностью и гордостью вспоминают ученого-медика Карлоса Финлая, открывшего миру тайну «желтой лихорадки», фундаментальные работы по тропической флоре натуралиста Фелипе Поэй, ученого-этнографа Фернандо Ортиса.

Тернист был путь этих и других ученых. Чтобы получить возможность заниматься наукой, каждый из них должен был иметь какое-нибудь «эмплео» (службу): наука рассматривалась буржуазным правительством как хобби взбалмошных людей.

Мне вспоминается судьба доктора Марио Рамиреса. С юных лет он увлекся наукой о климате, учился у известного норвежского ученого Бьёркнеса. Занимая при батистовском правительстве должность главного синоптика, он тщетно пытался создать на подлинно научной основе единую метеорологическую службу страны. Несмотря на то, что на Кубе от правильного прогнозирования погоды, например, ураганов, зависели жизнь людей, развитие целых областей экономики, предложения молодого ученого так и не вызвали интереса у властей. Его идеи нашли свое осуществление только после революции. Еще в 1964 году на Кубе не было ни одного студента, который бы изучал метеорологию, теперь же в стране подготовлено более 250 синоптиков и метеорологов, из которых 30 человек окончили университет.

Особенно тяжело складывалась до революции жизнь «инакомыслящих» ученых. К числу таких относился и профессор университета в Лас Вильясе Нуньес Хименес. Не раз подвергался он преследованиям и арестам со стороны батистовской полиции. Написанный им фундаментальный труд «География Кубы» переведен теперь на многие языки мира. Книга эта лишь чудом увидела свет: устрашившись ее передовых социально-экономических концепций, диктатор Батиста приказал сжечь весь тираж; совершенно случайно сохранился один экземпляр, который и был переиздан после победы революции.

— Много сложных задач стояло перед молодой академией,— вспоминает ее президент.— Главное — подготовка национальных научных кадров. Помимо университетов, такие кадры стали готовиться и на специальных курсах, созданных непосредственно в академии. Значительную помощь оказали социалистические страны.

В нынешнем учебном году проходят подготовку 1 600 человек, которые в ближайшем будущем придут в научные учреждения академии.

— Задачи нашей академии,— говорит ее президент,— определяются тем, что Куба — единственная социалистическая страна в Западном полушарии и расположена в тропическом поясе. А ведь значительное число научных исследований, уже выполненных в социалистических странах, требует дополнительного наблюдения и изучения именно в этом полушарии или в условиях тропиков.

Почти ровесником самой академии является соглашение о научном сотрудничестве между Академиями наук СССР и Кубы, подписанное в Москве в мае 1963 года. Ученые из СССР — частые и желанные гости на Кубе. При их содействии создавались Институт документации и научно-технической информации, Институт метеорологии, Институт океанологии и недавно был издан фундаментальный «Атлас Кубы». Значительную помощь оказали Кубе ученые ГДР, Польши, Румынии и других социалистических стран.

И вот теперь, когда я вновь посетил Гавану, вместе с кубинскими друзьями я прошелся по Капитолию. Взглянули мы по традиции и на вделанный в пол большой камень диорит, от которого начинается на Кубе отсчет всех расстояний. Сегодня от Капитолия берут начало не только автомобильные дороги страны. Отсюда идут дороги прогресса и процветания социалистической Кубы.

Гавана — Москва.

СДЕЛАЕМ, ФАКТ!

Ю. КРИВОНОСОВ

Строится Сейба-7.

Фото Л. Шерстенникова.

Сотни голосов взметнулись к звездному небу, и грянул «Интернационал». Ряд за рядом, взявшись за руки, стояли юноши и девушки и на десятках языков пели пролетарский гимн. Лучи прожекторов выхватывали первые ряды, и можно было видеть взволнованные лица, а дальше все постепенно уходило в ночь, и казалось: колонне нет конца, словно пришла сюда вся молодежь планеты. Молодежные организации двадцати восьми стран прислали на Кубу своих представителей, чтобы помочь республике строить новую жизнь.

Еще утром, когда мы ехали сюда, в Сейбу, один кубинский товарищ сказал мне:

— Здесь, в районе Сейба, уже шесть школьных городков. Седьмой строит интербригада Всемирной федерации демократической молодежи — двести восемьдесят парней и девчат. Они возводят не только школу, но и жилой поселок животноводческого комплекса, раскинувшегося неподалеку. И там, рядом с ними, работает еще одна бригада с гордым названием «Венсеремос!» — «Мы победим!». В ней — сто пятьдесят ребят из США.

— Вот Америка, с которой мы дружим! — сказал о них руководитель вьетнамской группы Тон Тхат Бон.

Здесь мы сменили винтовки на лопаты. В нашей группе есть Герой Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама Фан Ван Трок, отважный парень. Он доказал, что может быть не только храбрым солдатом, но и отличным строителем. Ему не терпится вернуться в строй бойцов, и каждый уложенный кирпич он засчитывает как пулю, разящую врага...

— Конечно, школа, которую мы построим, удар по врагу,—говорит Герман Сильва, член ЦК Коммунистического союза молодежи Колумбии.— Ведь каждое свершение революционной Кубы — это поражение наших врагов, империалистов, которые хотели бы всегда видеть народы Латинской Америки неграмотными и отсталыми. Куба— страна победившей революции. Упрочить завоевания ее—значит бороться за лучшее будущее и своей родины. Вот почему мы здесь...

— Нас привела сюда солидарность, — вступает в наш разговор вице-президент интернациональной бригады, руководитель советской группы Анатолий Ясько.— Когда наша страна делала первые шаги после революции, нам помогали пролетарии всего мира. Когда в Испании шла битва с фашизмом, солидарность вела в атаку интербригады. В наши дни солидарность—это борьба за мир, и это та самая школа, которую мы, посланцы разных стран, строим здесь, на Кубе.

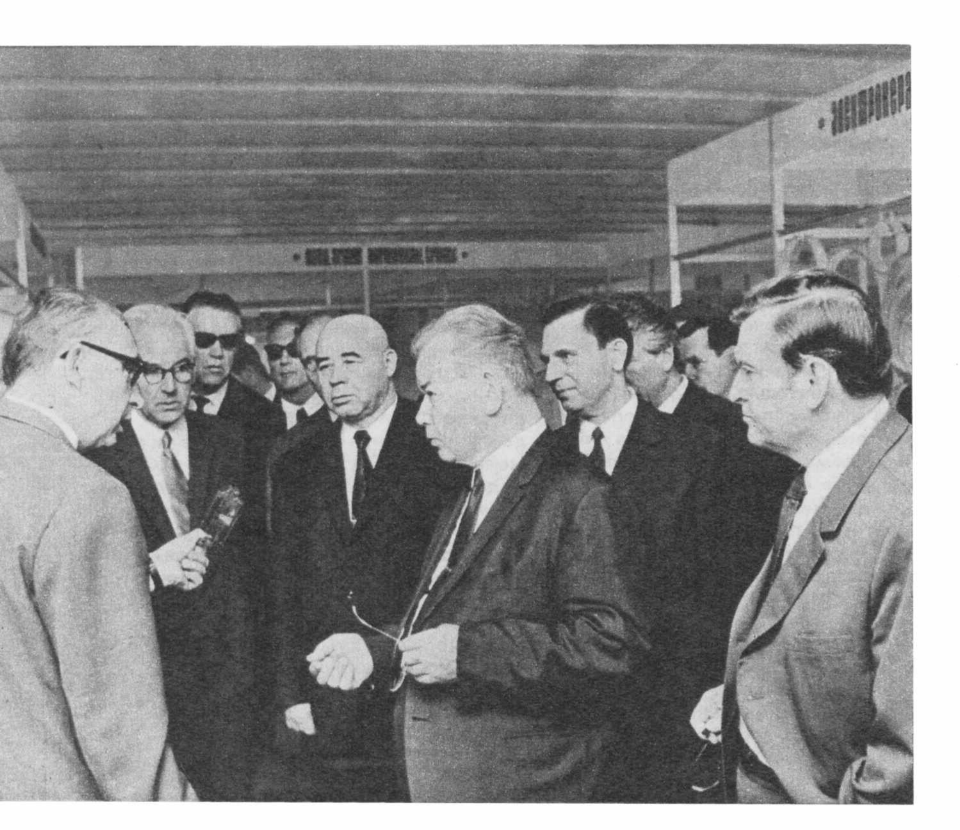
Президента бригады Луиса Фелиппе Васкеса разыскать оказалось не так-то легко. Мы долго плутали в лабиринте панелей, бетономешалок и автокранов, перебираясь с участка на участок, и всюду нам говорили: да тут он, тут!

Наконец мы сидим на ящике из-под каких-то плиток, запиваем ледяной водой кофе, крепость которого не поддается измерению, и Луис рассказывает:

— Вы не думайте, что мы, кубинцы, тут вроде хозяева, а иностранцы — наши гости. Мы все здесь на равных, как бойцы одного подразделения. Наш фронт—стройка. Сейба-7 — одна из сорока восьми школ такого типа, которые возводят сейчас на Кубе. Сорок из них будут готовы к сентябрю нынешнего года и примут в свои стены двадцать тысяч учеников. Нашу же школу мы обязались закончить к празднику двадцать шестого июля.

...А самым веселым было у нас подведение итогов в соревновании. Представляете, первое место заняли сразу пять групп, и с этим ничего нельзя было поделать! Все они получили красные знамена. Четыре группы — второе место, знамена желтые. И лишь одна — строители спортивного городка — получила черное, да еще с черепахой. Хохот стоял — небо тряслось: спорт и черепаха! Только не подумай, что они лодыри— старались вовсю, но только вот нарушали технику безопасности, и кое-кто опоздал на работу. А судили мы строго. Ведь слово дали — к двадцать шестому и ни на день позже! Сделаем, факт!

Гавана — Москва.

ЭЛЕКТРОГРАД В СОКОЛЬНИКАХ

Без малого сто лет тому назад «Московский телеграф» обнародовал сенсацию: на фабрике неких братьев Поповых, что «...в Сокольниках, устроено и приведено в действие электрическое освещение». Не знаю, сохранилось ли что от той фабрики, но вот совсем недавно в Сокольниках был устроен и приведен в действие электроград, поражающий воображение даже тех наших современников, которых трудно чем-то удивить.

Международная выставка «Электро-72» собрала уникальные экспонаты — свидетельства всемогущей силы электричества. Оно ко всему причастно — станки, приборы, механизмы... В эту московскую жару в некоторых павильонах удавалось поддерживать легкую прохладу. Кондиционеры! А это ведь тоже электричество.

...По территории выставки стремительно мчался автомобиль. Машина остановилась, и мы заглянули туда, где обычно находится бензиновый мотор. Нет мотора! В экспериментальном советском электромобиле электродвигатель сменил шумный и дымный двигатель внутреннего сгорания.

Выставка, демонстрируя всемогущество электричества, делала это с ненавязчивой убедительностью. Она привлекла и наших друзей из социалистических стран и многих деловых людей из капиталистического мира.

Самая представительная экспозиция принадлежала Советскому Союзу. Здесь, в частности, широко показаны интересные научные разработки: от настольной солнечной «электростанции» до исследований по передаче электроэнергии на дальние расстояния.

Как и на прежних международных смотрах, блеснули страны — члены СЭВ.

...Совместными усилиями стран — участниц выставки в Сокольниках был выстроен настоящий электроград, которому не найти равных. Потому и понятен успех, выпавший на долю «Электро-72»: 300 тысяч посетителей.

24 июля на выставке побывали товарищи А. П. Кириленко, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Д. С. Полянский, П. Е. Шелест, П. Н. Демичев. Советские руководители с особым вниманием осмотрели экспозицию Советского Союза — впечатляющий рассказ о том, как за короткий исторический срок отечественная электротехническая промышленность стала высокоразвитой отраслью народного хозяйства. Они с большим интересом ознакомились также с экспозициями Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Франции, Италии, ФРГ, Англии, Финляндии, Японии и других стран.

В. Хромов.

На снимке: во время осмотра экспозиции Советского Союза.

Фото В. Егорова (ТАСС).

30 ИЮЛЯ — ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

На вопросы «Огонька» отвечает Главнокомандующий Военно-Морским Флотом адмирал флота Советского Союза С. Г. ГОРШКОВ

ВОПРОС. За последние годы наш флот значительно вырос, появилась новая, сложнейшая техника, голубые дороги наших моряков пролегают теперь за многие тысячи миль от родных берегов. Все это диктует иные требования к личному составу флота. Как можно охарактеризовать эти требования сегодня? Что бы Вы хотели в этой связи сказать тем, кто намерен посвятить себя службе во флоте?

ОТВЕТ. Служба морская издавна считалась почетной и влекла к себе мужественную и пытливую молодежь. Морские походы дают возможность увидеть большой мир, привлекают романтикой приключений и открытий. Это, конечно, так. Однако морская служба никогда не была легкой, и куда больше, чем с романтикой, она связана со строгим порядком, установленным на корабле, порядком, при котором каждый член экипажа независимо от должности постоянно находится в готовности для действий на боевом посту. И командир корабля и рядовой матрос должны в любую минуту быть готовыми встретить любую неожиданность.

Военно-морская служба всегда удел людей особого склада — настойчивых, смелых и отважных, морально и физически закаленных, способных к самопожертвованию во имя общего дела, пламенных патриотов, ставящих своей главной целью поддержание могущества и высокого престижа Родины.

Не случайно история нашего флота так богата выдающимися образцами беззаветного служения Отечеству, храбрости и отваги не только в бесчисленных боях с врагами, но и в повседневных плаваниях, свидетельством чему является великое множество географических открытий и разгаданных тайн Мирового океана и всей нашей планеты. Этими славными подвигами, совершенными русскими и советскими военными моряками и в военное время и в мирные дни, по праву гордится наш народ. И память о них хранит все человечество: тысячи русских имен и названий запечатлены на географических картах всех районов мира.

Неограниченный простор развитию качеств, которых требует от человека морская служба, открыла Великая Октябрьская социалистическая революция, активными участниками которой были моряки Российского флота.

Советские военные моряки, унаследовав лучшие традиции отечественного флота, хранят и приумножают их и сегодня в своем ратном труде, в морских походах, в полетах над океаном. Неотъемлемыми чертами советского военного моряка стали бесстрашие в бою, неукротимая воля к победе над врагом, мастерское владение оружием и боевой техникой.

Можно сказать, без всех этих качеств нет и быть не может настоящего моряка. Ведь каждый, даже самый заурядный выход корабля в море требует от любого члена экипажа предельной дисциплинированности и точности выполнения приказов, бдительности и сноровки.

Если говорить о дальних походах, которые нынче не редкость в нашем флоте, то тут, помимо сноровки, знаний и высокой воинской дисциплины, не обойтись без напряжения всех физических и моральных сил, без способности переносить все невзгоды трудного плавания вдали от родных берегов.

При этом — такова уж флотская служба! — все эти качества не есть удел одиночек, они должны непременно быть присущи всему экипажу корабля, который вместе с командиром должен представлять собой единый, хорошо отлаженный боевой организм.

Требования к военному моряку, будь то офицер, старшина или матрос, фомировались и изменялись в процессе развития флота. По мере обновления и усложнения корабельной боевой техники и оружия, по мере расширения возможностей и дальности действия флота все шире становился и круг требований к экипажу.

Оглянемся назад: еще сравнительно недавно главным оружием флота служила артиллерия, а двигателем кораблей — паруса. Затем корабли стали паровыми. Усложнилось и оружие, пополнилось торпедой, авиационной бомбой. Теперь же на флоте широко применяются атомные и другие весьма эффективные и сложные двигатели и боевая техника. На вооружении кораблей имеются ракетное, ядерное и другие виды современного оружия. Это потребовало от военных моряков более фундаментальных, глубоких и разносторонних знаний. И вместе с тем особой силы воли и выдержки, особых психологических качеств, позволяющих четко управ-

УЖБА НАША, ОРСКАЯ

лять своим грозным оружием и, в случае если придется, добиться победы над сильным врагом.

Можно с уверенностью сказать, что личный состав нашего флота, каждый член экипажа советских военных кораблей отвечает всем этим качествам и настойчиво совершенствует их.

Таков в общих словах характер славной семьи советских военных моряков, влиться в которую хотят многие молодые люди. И я, как Главнокомандующий ВМФ, могу лишь приветствовать такое желание. Мало того — всякому, кто станет военным моряком, могу заранее пообещать и интересную службу, и дальние походы, и морскую романтику, и настоящее морское товарищество, крепче которого нет никакого другого.

Однако стать военным моряком не просто. Для того, чтобы получить направление на флот, надо заранее развить в себе многие качества, без которых новичок даже не может ступить на палубу корабля. Потому-то, если уж ты решил стать военным моряком, готовь себя к этому со школьной скамьи.

Прежде всего надо свято выполнять заветы великого Ленина — учиться, учиться и учиться. Знания будущего моряка должны быть крепкими и обширными. И не только в области, так сказать, «гражданских» наук — в физике, в математике, в русском языке и литературе, но и в началах военных знаний, которые надо еще до поступления на службу приобретать в учебных организациях ДОСААФ. Эти знания будут хорошим подспорьем в подготовке по морским специальностям. Надо развивать в себе привычку к дисциплине и чувство товарищества и уважения к коллективу.

Наконец, самый главный совет — как следует, добросовестно изучить основы учения марксизма-ленинизма. Это компас, с помощью которого партия прокладывает нашему народу курс к коммунизму. Твердое знание этого учения помогает преодолеть трудности и тяготы дальних походов и создает тот самый необходимый морально-политический фактор, на котором зиждется флотская служба и героизм наших моряков.

ВОПРОС. В дни, предшествующие 50-летию образования СССР, мы снова и снова подчеркиваем интернациональную сущность нашего государства, силу дружбы народов Советской страны. Как проявляется эта дружба у военных моряков, с чем они идут навстречу юбилею?

ОТВЕТ. Образование Союза Советских Социалистических Республик — эта выдающаяся победа идей пролетарского интернационализма, ленинской национальной политики нашей партии — оказало огромное влияние на все стороны жизни Советского государства и, естественно, на строительство его Вооруженных Сил.

Независимо от национальной принадлежности все граждане Советского Союза имеют равные права и обязанности, в том числе право и почетную обязанность служить в рядах Советской Армии и Военно-Морского Флота. Для многонациональных частей и экипажей кораблей флота характерной чертой является крепкая воинская дружба, готовность в любую минуту помочь товарищу, единство в достижении благородной цели обороны своей прекрасной Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

Дружба советских военных моряков разных национальностей формировалась в огненные годы гражданской войны, крепла в мирное время от победы к победе социализма в СССР, выдержала суровые испытания в Великой Отечественной войне. И ныне партия Ленина продолжает воспитывать новые поколения военных моряков, бдительно стоящих на страже мирного коммунистического строительства, в духе пролетарского интернационализма, уважения национальных традиций, в духе дружбы с трудящимися других стран.

Свой интернациональный долг советские моряки вместе с воинами других видов Вооруженных Сил до конца выполнили в годы Великой Отечественной войны, в кровавых боях освободив многие народы Европы от фашистского порабощения. Этот подвиг не забыт и ныне народами мира, которые наши доблестные Вооруженные Силы избавили от фашизма. Этот подвиг лежит в основе боевого содружества личного состава флотов стран Варшавского Договора. Оно, это содружество, куется в совместной боевой и политической подготовке, в традиционных встречах советских моряков с трудящимися братских социалистических стран, с их партийными и государственными руководителями.

Свою благородную интернациональную миссию с честью выполняют матросы и офицеры Военно-Морского Флота в портах многих государств на всех континентах, куда советские военные корабли заходят с дружескими визитами, для пополнения запасов и для отдыха личного состава во время дальних океанских плаваний.

Встречаясь с представителями различных слоев населения этих стран, советские военные моряки несут им правду о Советской Родине, своей высокой дисциплиной, культурой и уважением национальных традиций завоевывают симпатии народов к нашей стране, способствуют развитию и укреплению дружбы с народами мира.

В год 50-летия образования СССР на всех флотах и флотилиях развернулось соревнование за достойную встречу этого знаменательного юбилея. Девиз соревнования — «Все, что народом создано,— защищать надежно, бдительно, стойко!» — нашел горячую поддержку личного состава всех наших флотов. Военные моряки своим ратным трудом крепят морское могущество Отчизны, изо дня в день совершенствуют боевую готовность, в дальних морских плаваниях обретают воинское мастерство, морскую закалку, бдительно оберегая наше многонациональное государство, наш советский народ, который под руководством ленинской партии созидает светлое здание коммунизма.

ВОПРОС. Недавно Вы, товарищ адмирал флота Советского Союза, от имени Советского правительства подписали соглашение между СССР и США о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним. Что Вы можете сказать по поводу этого соглашения?

ОТВЕТ. Прежде всего хочу подчеркнуть, что заключение этого соглашения мы рассматриваем как один из тех практических шагов, которые предпринимаются ЦК КПСС и Советским правительством по выполнению Программы мира, принятой XXIV съездом Коммунистической партии. Оно явилось составной частью тех важных соглашений, достигнутых во время советско-американских переговоров в Москве, которые справедливо расцениваются мировой общественностью как исторические.

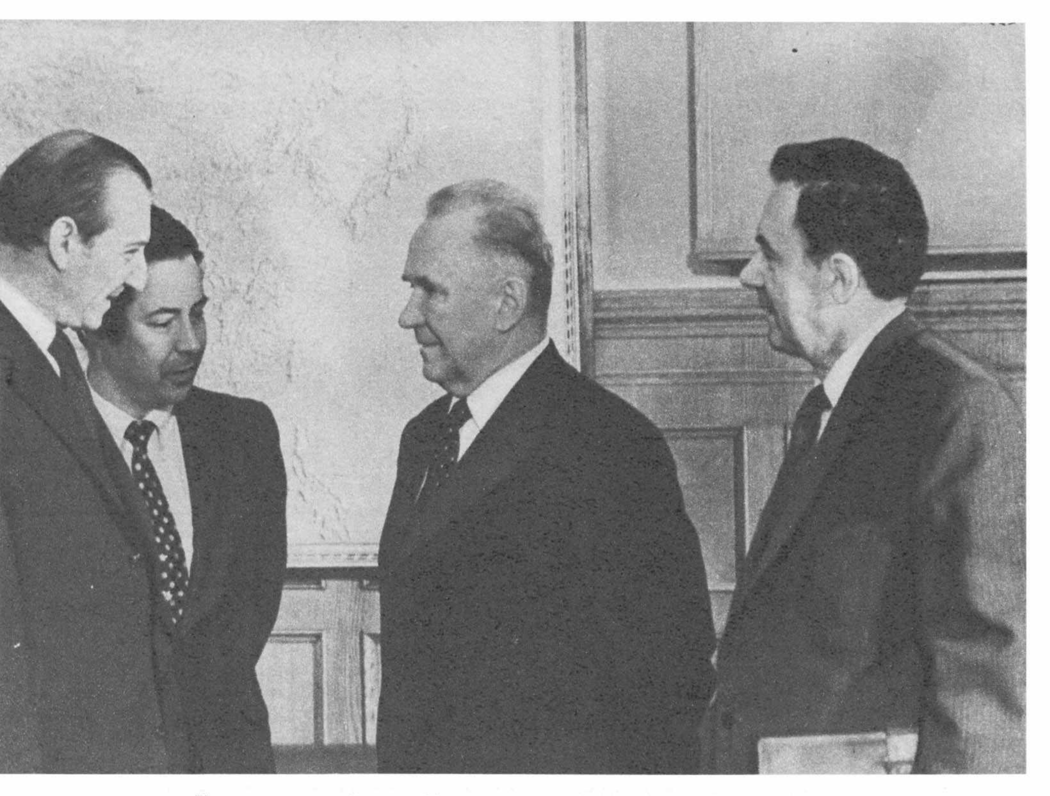
Важность соглашения о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним состоит в том, что оно открывает возможности устранения последствий «холодной войны» в такой сфере, как открытое море, где нередки встречи кораблей Советского Военно-Морского Флота с кораблями и самолетами американских военно-морских сил. Такие встречи были и раньше достаточно частым явлением и в процессе дальних плаваний и продолжительных походов наших кораблей в некоторых случаях заканчивались действиями, которые нельзя было назвать соответствующими нормам международного морского права и принципам использования открытого моря, определяемым Женевской конвенцией 1958 года.

Это, конечно, не означает того, что сам факт подписания соглашения исключает нежелательные ситуации. Он лишь свидетельствует о признании обеими сторонами важности соблюдения командирами кораблей и самолетов существующих международно-правовых положений в условиях, когда кораблям и самолетам приходится действовать в непосредственной близости друг от друга в различных районах Мирового океана. Чтобы сделать их реальностью, нужны определенные усилия обеих сторон. Что касается командиров кораблей и самолетов нашего флота, то они безусловно будут твердо руководствоваться ими в своей практической деятельности.

Это соглашение, как мы считаем, способствует еще более прочному утверждению принципов Женевской конвенции об открытом море 1958 года и облегчает их применение в практической деятельности, поскольку в своей основе направлено на смягчение обстановки и в такой сфере, как открытое море. Рассматривая его с этой точки зрения, мы считаем, что соглашение открывает новые перспективы в деле дальнейшего смягчения обстановки, устранения последствий «холодной войны» в Мировом океане.

Мы выражаем уверенность в том, что подписанное соглашение будет способствовать дальнейшему укреплению принципов использования открытого моря, исключению ситуаций, чреватых неблагоприятными последствиями как для наших стран, так и для дела укрепления мира на Земле.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял 19 июля в Кремле Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма, находившегося в Советском Союзе по приглашению Советского правительства. В состоявшейся беседе были затронуты вопросы, связанные с деятельностью ООН по поддержанию международного мира и безопасности народов, а также в других областях. Обсуждались также актуальные проблемы современного международного положения. А. Н. Косыгин заявил о неизменной поддержке Советским правительством усилий ООН, направленных на обеспечение разрядки международной напряженности и развития сотрудничества между государствами в соответствии с принципами Устава ООН. К. Вальдхайм с удовлетворением воспринял это заявление. В беседе, которая проходила в дружественной обстановке, принял участие министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

20 июля в Доме приемов состоялся обмен ратификационными грамотами советско-иракского Договора о дружбе и сотрудничестве, подписанного 9 апреля 1972 года. Обмен ратификационными грамотами был произведен министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и министром иностранных дел Иракской Республики Муртадой Саидом Абдель Баки.

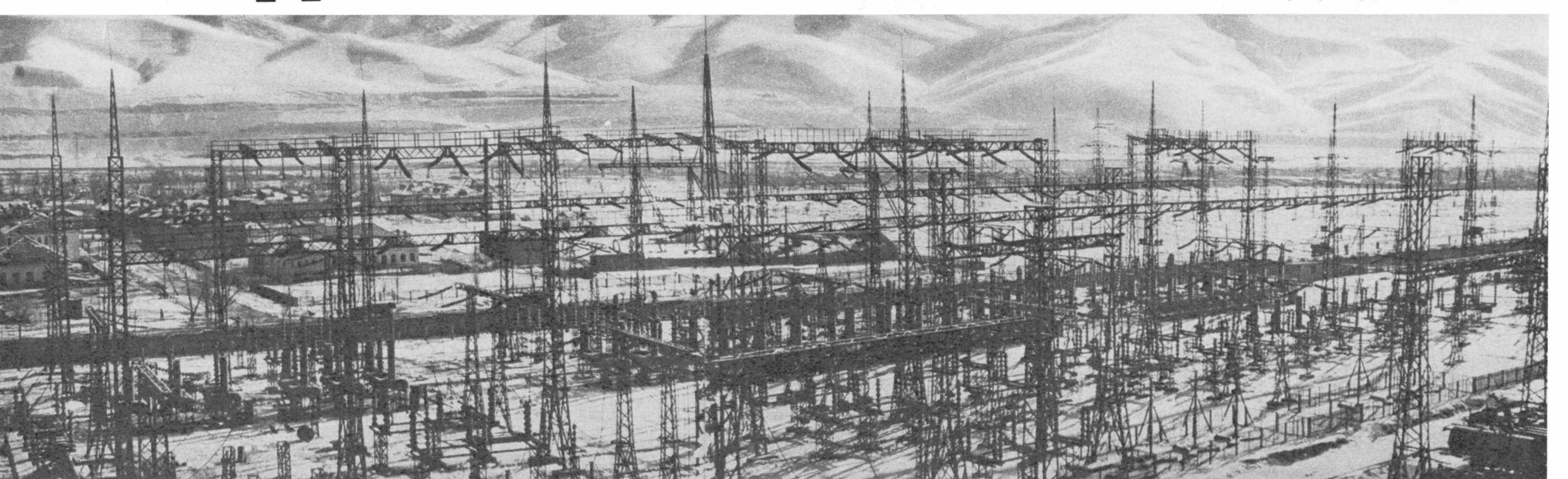
Население освобожденных районов Южного Вьетнама горячо приветствует бойцов патриотических сил.

ПОСТУПЬ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

Опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах развития народного хозяйства в минувшем полугодии. Данные статистики убедительно подтверждают, что страна уверенной поступью идет к рубежам социально-экономического развития, намеченным XXIV съездом партии. В год великого праздника дружбы народов — 50-летия образования Союза ССР—рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция — труженики всех братских республик, сплоченные партией в единую семью строителей коммунизма, неустанно крепят экономическую и оборонную мощь Отчизны.

На основе высоких темпов роста социалистического производства, подъема его эффективности и производительности труда, ускорения научно-технического прогресса неуклонно повышается материальный и культурный уровень жизни советского народа.

Наша промышленность, увеличив производство на 6,8 процента по сравнению с тем же периодом прошлого года, перевыполнила план реализации продукции и выпуска большинства ее важнейших видов. Опережающими темпами развиваются отрасли индустрии, которые обеспечивают технический прогресс, растет производст-

Силы патриотов нанесли ряд ударов по противнику недалеко от столицы Камбоджи и обстреляли промышленный пригород Пномпеня — Такхмау.

В Токио проходят массовые демонстрации в поддержку героической борьбы вьетнамского народа. Участники демонстрации, собравшиеся у здания посольства США, требуют прекратить бомбардировки Вьетнама.

В ряде стран Латинской Америки состоялись демонстрации солидарности с трудящимися Уругвая, которые борются за улучшение условий жизни и труда, за соблюдение демократических свобод, против произвола и насилия. Колонны демонстрантов прошли по улицам Сантьяго (Чили) с лозунгами, требующими освобождения политзаключенных в Уругвае.

Фото ТАСС и А. Гостева.

во товаров для народа. Продолжают улучшаться технико-экономические показатели работы предприятий, производительность труда поднялась на 5,4 процента, снижена себестоимость продукции, больше получено прибыли.

Преодолевая трудности, земледельцы организованно провели весенние полевые работы, расширили посевы важнейших культур. Сейчас, когда развернулась жатва, они самоотверженно борются за то, чтобы быстро и без потерь собрать выращенный урожай, дать государству больше зерна и другой продукции. Немало сделано в решении перспективных задач развития сельского хозяйства, укрепилась его материально-техническая база: за шесть месяцев наша деревня получила 151 тысячу тракторов, огромный парк других машин, 27 миллионов тонн минеральных удобрений.

За прошедшее полугодие снова повысилась заработная плата рабочих и служащих, оплата труда колхозников. Построено еще около 550 тысяч благоустроенных квартир, не считая жилых домов, возведенных колхозами и населением. Расширился объем розничного товарооборота, и, хотя отдельных товаров пока не хватает, продажа их заметно возросла.

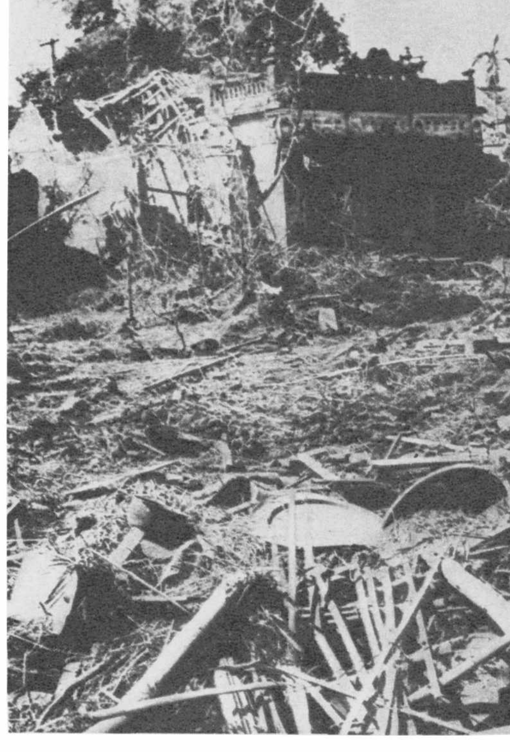
Советские люди вступили во вторую половину 1972 года с патриотическим стремлением добиться новых побед в строительстве коммунизма. Повсюду развертывается соревнование за право заслужить юбилейный почетный знак, учрежденный для лучших коллективов в честь 50-летия образования СССР. И миллионы тружеников, которые несут сегодня вахту пятилетки, говорят с глубокой убежденностью:

— Решения XXIV съезда КПСС выполним!

Благодаря открытию советскими учеными месторождений угля в Ангрене и газа в Бухарской области Узбекистан получил мощную базу для развития энергетики. Сейчас здесь действуют крупные электростанции, одна из которых — Ангренская ГРЭС. Ее электроподстанцию вы видите на снимке.

Фото Г. Пуна (ТАСС).

НЕТ — ВОЗДУШНОМУ ТЕРРОРУ!

Деревня Фудиен. Недавно в этих домах жили крестьяне.

Болью отзываются в наших сердцах вести, поступающие из Вьетнама.

Война, которую ведет против вьетнамского народа американский империализм, принимает все более изощренные формы: наряду с варварскими налетами бомбардировщиков на населенные районы ДРВ американская авиация наращивает удары по дамбам, защищающим густонаселенные районы равнинной части республики.

Как отмечается в заявлении представителя министерства ирригации в Ханое, с 1 по 15 июля совершены 22 бомбардировки 20 важнейших участков дамб и двух гидротехнических сооружений в провинциях Тханьхоа, Намха, Хайхынг, Тхайбинь и Хабак.

Попытки официального Вашингтона опровергнуть эти факты тщетны. Все чаще в мировой печати появляются сообщения, разоблачающие воздушных пиратов.

Ниже мы перепечатываем статью корреспондента агентства Франс Пресс из Ханоя:

«Сегодня, 11 июля, утром более десятка американских самолетов совершили новый массированный налет на ирригационную систему. Группа иностранных журналистов, осматривавших повреждения, причиненные взрывами бомб этой важной для Северного Вьетнама системе дамб, не пострадала.

Все журналисты, в числе которых был и ваш корреспондент, говорят, что американские летчики специально целились в дамбы. Насколько хватает глаз, там не видно ничего, кроме рисовых полей.

Иностранцы в сопровождении журналистов ДРВ прошли по рисовым полям около двух километров, чтобы осмотреть ущерб, причиненный тремя предыдущими налетами, из которых последний был в воскресенье.

Это случилось примерно в 6 часов утра, через час после того, как рассвело. Не успели мы подойти к краю воронки, образовавшейся во время одного из прежних налетов, как услышали звук приближающихся реактивных самолетов.

За два километра от этого места в деревнях, окружающих Намсать (приблизительно в 40 милях от Ханоя), раздался предупредительный сигнал, объявлявший о приближении американских самолетов.

Через несколько секунд можно было видеть больше десятка истребителей-бомбардировщиков, летевших довольно высоко над деревнями.

Затем самолеты спикировали и сбросили на дамбу, на которой мы стояли, несколько бомб и ракет. После этого самолеты сделали еще несколько заходов и сбросили по обе стороны от нас бомбы, очевидно, не слишком хорошо целясь.

Поскольку поблизости не было никакого укрытия, даже дерева, журналисты отлично видели все происходящее.

Журналисты, бывшие непосредственными свидетелями налета, единодушно высказали мнение, что, во-первых, налет явно имел целью систему дамб и, во-вторых, за десятиминутный налет летчики сбрасывали бомбы наобум, а, поскольку в этом месте много дамб и разных контрольных приборов, имеющих отношение к ирригационной системе, каждая бомба могла нанести ущерб.

В районе Намсать 54 километра дамб, существующих уже много десятилетий. Местные жители стараются содержать их в полном порядке».

Дамба вблизи деревни Лай Лионг, разрушенная тяжелой фугасной бомбой.

Фото ВИА—ТАСС.

ПЯТЬ СОЛНЕЧНЫХ СЕСТЕР

Хушбахт ХУШВАХТОВ,
председатель Союза художников Таджикистана

В Москве в начале нынешнего лета расцвел громадный алый цветок на афишах, на широких щитах, украсивших белоколонный фасад Центрального выставочного зала столицы — Манежа. Пять гербов пяти братских республик сияли на пяти лепестках цветка-эмблемы, возвестившей об открытии очередной художественной выставки, посвященной 50-летию Союза Советских Социалистических Республик.

Для всех нас, таджиков, казахов, узбеков, киргизов, туркмен, эта выставка — наш праздник и наша гордость. Ведь даже нам, людям, родившимся и выросшим после Октября — а таких среди экспонентов юбилейной выставки большинство,— просто трудно себе представить, что до 1917 года у наших народов вообще не было станкового искусства. Ни живописи, ни скульптуры... Религия запрещала изображение человека. А сегодня каждая республика имеет свои союзы художников, объединяющие представителей всех видов и жанров большого изобразительного искусства; отделения Союза художников создаются и в областных центрах и в больших городах нашего обширного края.

Нельзя не задуматься над тем, как все начиналось.

И тут невольно припоминаешь собственную биографию, свой путь в искусстве. Потому, что общая большая судьба наших национальных искусств складывается из судеб его художников, во многом схожих с моею.

Наши художнические биографии, если рассматривать их как частицу большой биографии всего среднеазиатского изобразительного искусства, будут разниться лишь в частностях, обусловленных датами рождения: одни в первые годы Советской власти уже были подростками, для других детство совпало с годами коллективизации, третьи пошли в первый класс в тяжкую пору войны, когда те, кого мы зовем сегодня представителями старшего и среднего поколений, вместо кисти и карандаша взяли в руки оружие. Но ведь и эти «частности» предопределены этапами большой судьбы Родины, которые влияли и на развитие искусства наших республик. Каждый, кто переступал его порог, приносил свои темы, свое слово, свои краски.

Почти у всех наших среднеазиатских и казахских художников детство прошло среди родной, любимой природы. Для меня это был приютившийся среди хребтов и вершин величавого Памира кишлак Рушан, что в переводе на русский язык означает «светлолицый». Издревле рушанских девушек считали самыми прекрасными в Таджикистане... Могучий Памир, когда-то озаривший меня, мальчишку, любовью и красотой, и сегодня раскрывает передо мной свои тайны. Все щедрее и щедрее. Спасибо ему, моему прекрасному краю, который люди назвали гордым именем «Крыша мира».

Первые мои детские впечатления — бурная пора 20-х — начала 30-х годов, когда все увереннее разгорался над вековым Памиром принесенный коммунистами свет свободы. Школа. Тогда она уже стала для детворы памирских кишлаков вторым родным домом. Кажется невероятным, что совсем недавно учение грамоте было уделом редких счастливцев. В школе и заметили мою тягу к рисованию. Да и трудно было ее не заметить: тетради я заполнял рисунками, на которых высились горы, жили люди... Учительница, поглядев на все это, вызывала меня к доске: «Хушбахт, нарисуй то, что нарисовано у тебя в тетради. А вы, дети, смотрите, как красивы наши горы, наш Памир». Увлечение было таким сильным, что отец повез меня в Душанбе, к знакомому художнику. Но дорога в большое искусство пролегла для меня, подростка из памирского кишлака, через войну. В феврале сорок пятого семнадцати лет ушел я добровольцем на фронт. И именно в армии, когда умолк последний выстрел и зазвенел над Родиной радостными песнями мир, осознал я свое призвание: буду художником. Непременно. Привезенные домой после демобилизации сделанные во время службы в армии рисунки открыли мне двери сразу на третий курс Душанбинского художественного училища. А вскоре я сдал экзамены в Московский художественный институт имени В. И. Сурикова. Там тайны живописного мастерства открывали мне такие замечательные русские советские художники и педагоги, как П. Покаржевский, В. Цыплаков, передавая мне, таджику-памирцу, великое наследие русской живописной школы. Но особенно сильное впечатление на всю жизнь осталось у меня от встреч с Александром Дейнекой, руководившим мастерской монументалистов. И хотя я не занимался в той мастерской, могучее творчество этого неповторимого мастера, одного из зачинателей социалистического реализма в советской живописи, его яркая личность не могли не оказать громадного влияния на меня, студента. В произведениях Дейнеки выразила себя новая эпоха, рожденная Великим Октябрем. И меня волновала именно эта сила и правда воплощения современности, настойчиво требуя, чтобы и я искал свои средства для выражения нашего времени в моих картинах и пейзажах.

Самой полной и безошибочной проверкой того, насколько я справлялся с этой главной задачей и достигал своей цели, всегда становились выставки. Бывало, работаешь в мастерской над холстом, наконец — последнее прикосновение кисти, кажется, что достиг желаемого. А когда картина повешена в выставочном зале рядом с работами выдающихся мастеров, ты вдруг словно прозреешь: вот как нужно было, вот чего еще тебе недостает! Выставки — это высший экзамен для художника. Ведь учиться нам нужно каждый день, каждый час. У настоящего художника всегда впереди очередной бросок, новое напряжение сил. И лучшая картина — тоже всегда впереди. Если этого нет, художник перестает быть художником. И даже происходит удивительное: искусство его, в котором словно бы ничего и не изменилось, вдруг делается мертвым. А тут просто говорит закон диалектики: жизнь только в движении, обновлении, развитии, непрерывном стремлении к совершенству!

Нынешняя предъюбилейная выставка тоже стала для меня творческим экзаменом. Произведения таких замечательных, любимых моих живописцев, как народные художники СССР У. Тансыкбаев и С. Чуйков, показали мне, над чем я еще должен работать, чего добиваться в своем искусстве. Хочется достичь в пейзажах такой же напевности, широты, как у Урала Тансыкбаева, так же глубоко проникнуть в суть национального характера, как это умеет Семен Чуйков. Интересно мне было посмотреть работы других моих товарищей, коллег. Порадоваться их успехам, сравнить свои вещи, свою живопись с тем, что создано ими. Польза громадная!

Чувство гордости вызывало то, что все глубже оказываются поднимаемые национальными мастерами темы, совершеннее профессиональное мастерство. Что молодежь часто не уступает в этом маститым и ставит свои новые проблемы. Что в каждой республике все теснее, глубиннее становится связь станкового искусства с традиционным национальным декоративно-прикладным искусством. И не случайно, своеобразно выявляя истоки, которые питают мастерство художников —

У. Тансыкбаев
(Ташкент).
ВЕЧЕРОМ.

Выставка произведений художников республик Средней Азии и Казахстана.

М. Саидов
(Ташкент).
УТРО. СЕМЬЯ.

К. Тельжанов (Алма-Ата). ЛЮДИ «БОЗ-АРАЛА» (часть триптиха).

Выставка произведений художников республик Средней Азии и Казахстана.

участников выставки, экспозицию ее открывали произведения народных мастеров с их характерной цветовой и орнаментальной гаммой, отразившей краски природы каждой из республик: темно-красный с тонким узором туркменский ковер, киргизские и казахские кошмы, узбекское сюзане, традиционный таджикский ковер. Тесная связь с древними национальными истоками представала в красках, формах и линиях произведений художников всех пяти республик. Творчество каждого обогащало национальную палитру своим пониманием красоты.

Народные художники Узбекистана Р. Ахмедов, Ч. Ахмаров, Н. Кузыбаев, И. Икрамов, мастера младшего поколения Т. Пирматов, Е. Мельников своими полотнами запечатлевают новые грани образа республики, созданного классиком среднеазиатского пейзажа У. Тансыкбаевым. Жизнь и облик Советского Казахстана предстают на холстах его народных художников — К. Тельжанова и А. Кастеева. Образ казахской женщины воспет живописцами Г. Исмаиловой и А. Джусуповым. Казахстан космический предстает в выразительных, емких образах А. Степанова.

Столь же выразительно, как С. Чуйков, стремятся по-своему воспеть свой край киргизские художники Г. Айтиев, Б. Джумабаев, Т. Койчиев, тяготеющие в своем искусстве к обобщенным образам, или лирик А. Садыкова, или мастер портрета А. Усубалиев. Жаркие краски Туркмении, которые видишь в ее коричнево-оранжевой керамике, темно-пурпурных коврах, предстают в картинах И. Клычева, А. Амангельдыева, М. Мамедова.

Краски моей республики совсем иные: они от светло-голубых, дымчато- или серебристо-фиолетовых, светло-зеленых гор. Вы увидите эти краски и на керамических блюдах, кувшинах, пиалах, созданных руками народных умельцев, и на полотнах живописцев.

Экспозиция таджикского раздела выставки не носила ретроспективного характера. Мы хотели познакомить зрителей с современным состоянием изобразительного искусства республики, с творческими поисками сегодняшних мастеров, показать, чем живут, как работают и чего достигли таджикские художники в наши дни. Больше всего работ тех художников, которые пришли в таджикское искусство в 50-е годы: тематические картины и портреты В. Боборыкина и А. Рахимова, М. Абдурахманова и Г. Яраловой, пейзажи и композиции З. Хабибуллаева, скульптуры Г. Чередниченко, книжная и станковая графика С. Вишнепольского и Д. Винокурова. Творчество художников старшего поколения представлено работами А. Хайдарова, Е. Татариновой, М. Хошмухамедова, М. Шипулина, М. Мухина, И. Волынского, С. Краснопольского, П. Зобнина, К. Туренко...

Полотна, скульптурные композиции, графические серии выразительным языком художественных образов повествуют о первых шагах революции, о гражданской войне, когда узбеки, туркмены, киргизы, казахи, таджики вместе с русскими братьями во главе с большевиками-коммунистами в боях защищали свободу. И неоднократно возникает в экспозиции выставки тема — Ленин, чье имя звучало для угнетенных народов синонимом святого слова — свобода! Художники Средней Азии и Казахстана вновь и вновь обращаются к образам тех, кто первым бросал вызов феодальным обычаям и нравам, рассказывают о женщинах-героинях, первыми сбросивших паранджу, не боясь смертельной угрозы... Годы пятилеток, индустриализация, приход коллективного труда на крестьянские поля, тяжкая година Отечественной войны... Все эти темы вдохновляют наших художников на создание глубоких по мысли и выразительных по форме, талантливых произведений. Но в центре внимания выставки пяти республик — современность.

«Нурек». Замысел этой картины возник у меня во время поездок на строительство Нурекской ГЭС.

Поднявшись на горный склон, я окидывал взглядом величавую панораму социалистического созидания. Потом я спустился к берегам Вахша, увидел людей — героев и творцов этого созидания. Здесь плечом к плечу трудились таджики, узбеки, русские, украинцы... представители более чем пятидесяти национальностей! Могучая сила дружбы народов являла здесь себя во всей своей мощи. И я захотел рассказать об этой дружбе, о том, как молодой национальный рабочий класс моей республики, рожденный волей Советов (до революции у нас такого класса не было), под руководством русского пролетариата возводит на самой большой реке нашей республики — могучем Вахше — одну из крупнейших гидроэлектростанций мира. Первый агрегат гидроэлектростанции даст первый ток к 50-летнему юбилею СССР.

Когда я начинал свою картину, посвященную славному юбилею, там, на берегах Вахша, укрощенного волей советских людей-братьев, когда я делал свои зарисовки и этюды с натуры, то подумалось мне, таджикскому художнику, еще вот о чем. На величавом, поднявшемся до облаков родном моем Памире звенит, журчит в каменистых ложах множество речек. И ни одна не похожа на другую. Та совсем голубая, та прозрачная, словно горный хрусталь, эта кажется розовой... И каждая течет в своем, неповторимом по красоте русле. Не то ли и в нашем большом, многонациональном советском искусстве? В каждой республике трудятся художники, чьи таланты, творческие манеры, почерки, краски не похожи друг на друга, бесконечно разнообразны. Все это щедрое многообразие, рожденное от богатства национальных культур, объединенных и породненных Советской Родиной, сливается в одну большую могучую и прекрасную реку. Зовется эта река советское изобразительное искусство.

Выставка наших пяти республик, яркая, самобытная, красочная, собравшая сотни произведений и многие десятки авторов, привлекшая интерес зрителей, заставившая нас испытать чувство гордости, вобрала лишь часть достижений советского искусства. И можно представить, каким мощным, многоструйным и многоцветным, светлым потоком вольется в Центральный выставочный зал Всесоюзная юбилейная художественная экспозиция, которая соберет все лучшее, что создали к великому юбилею художники всех пятнадцати советских социалистических республик.

РЯЗАНСКИЕ ЛОЖКАРИ

Их никогда не хотят отпускать со сцены: зрители аплодируют им, пока не покраснеют ладони... Так было и в Звездном городке, когда они ездили в гости к космонавтам. И на XV съезде профсоюзов. И на музыкальном смотре во Дворце съездов, устроенном Всероссийским хоровым обществом, куда съехались со всей страны лучшие из лучших ребят-исполнителей; и тут покоряли удаль ложкарей, их веселье и выдумка в «Тачанке», в «Барыне», в «Полюшке-поле»...

Ложкари кувыркаются по-скоморошьи, ходят колесом. Разудалый ритм отбивают ложками. А ложкам аккомпанирует свист и на бересте, и на гребенках, и на свирели, и на рожках; подыгрывают балалайки и гармошки. Пляска растет, ширится и кончается к общему восторгу зрителей тем, что в громадной разрисованной ложке плясуны уносят со сцены ложкарочку...

Кроме этой огромной ложки, в хозяйстве ансамбля и в коллекции его руководителя В. И. Первушина есть еще множество других: расписных, резных, с инкрустацией и без нее... Руководитель ложкарей знает уйму интересных сведений о ложках и рассказывает о них увлеченно.

— Взять манеру!..

Этой командой Виктора Ивановича, мягкой, но требовательной, начинаются занятия. Руководитель сидит посреди актового зала гордо, красиво, как на празднике. А напротив, длинным-длинным рядом,— пятьдесят мальчишек, от третьего до седьмого класса рязанской школы № 44. Сначала сидят кому как хочется: один вразвалку, другой вертится, подталкивает в бок соседа... Но вдруг послышалась эта команда: «Сели! Подтянулись! Манеру взяли!» — и сразу все мальчишки приосаниваются, выпрямляются, головы и плечи не клонятся книзу, вид сразу бодрый, подтянутый...

Богата Русь выдумщиками! На чем только не подыгрывал себе народ, когда веселился! Сопелки из тростника, глиняные дымковские свистульки, рожки... А вот в южных уездах старой Курской губернии играли на ложках... Впрочем, Виктор Иванович Первушин с Дона, но и там ложкари тоже в моде были. С детства запомнился один виртуоз, Васильев, который в молодости по селам и деревням ездил, запоминал наигрыши ложкарей... Его мастерство запало в душу, и вот теперь как бы сама собой, нечаянно пришла Первушину мысль создать в Рязани ансамбль ложкарей.

— Для начала собрал десятка полтора ребятишек. Чувствую, мало. Добавил вдвое, а потом еще и еще увеличил оркестр... Позже пришла мысль театрализовать игру, чтоб не скучно было разыгрывать мелодии. Разделил ложкарей на две октавы: «Первые ложки» и «Вторые ложки». Понял, что надо разнообразить и движения... Ритм часто ребята сами находят, порой импровизируют, как им сердце подсказывает. Столько хочется станцевать и сыграть, что на несколько лет вперед программа продумана...

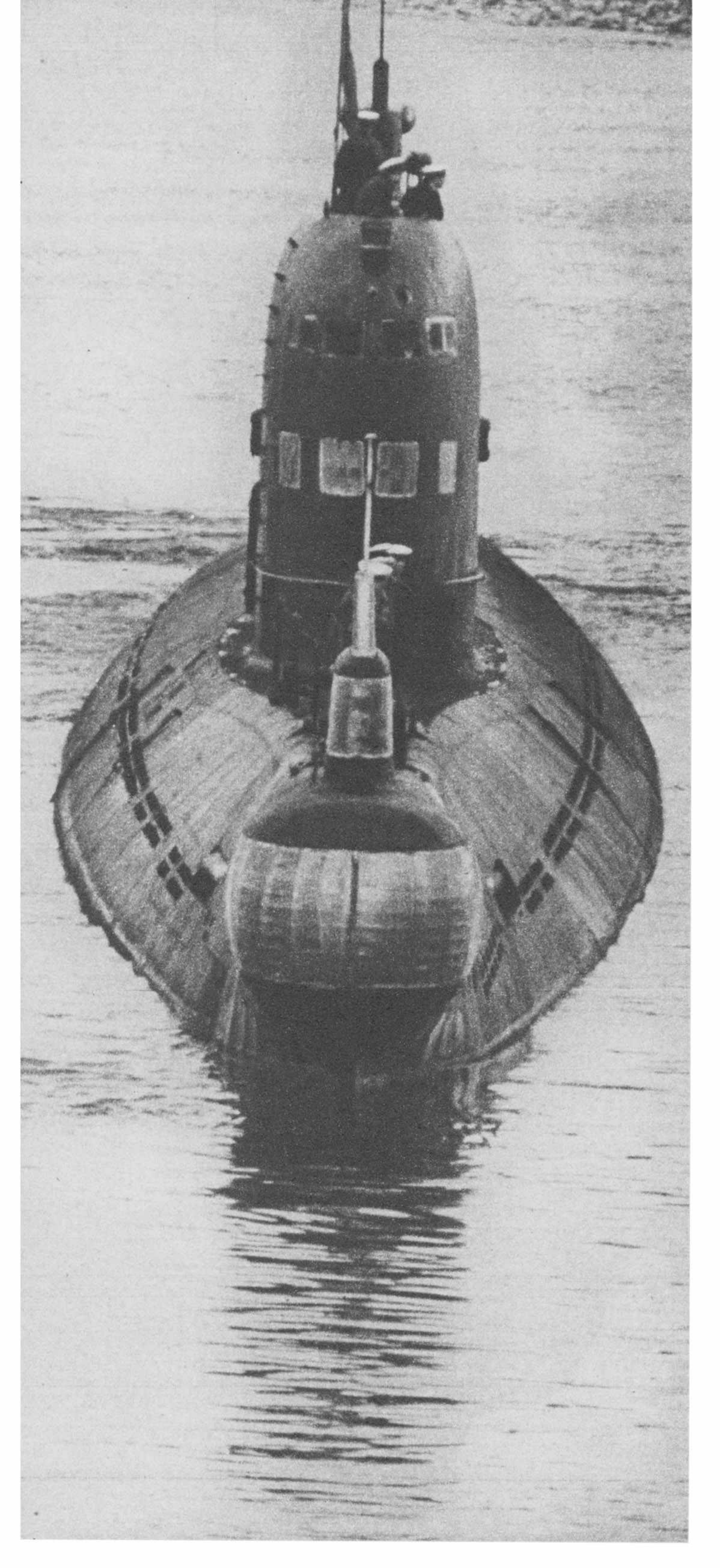
«Отсева» у нас нет, наоборот — все просятся в ансамбль... Школа нам помогает, чем может... Девочки шьют костюмы — со вкусом, изящно. Смотрятся эти костюмы чудесно, а сделаны из лоскутков, из отходов, которые списывает одна из рязанских швейных фабрик.

— Неизвестно, когда успевает Виктор Иванович отдыхать,— рассказывает директор школы Екатерина Аполлоновна Самсонова.— Он настолько увлечен, что даже о выходных забывает. Занятия у него часто бывают индивидуальные: каждого надо послушать, научить, увлечь. Ребята и домой к нему бегают...

По специальности Виктор Иванович — слесарь. А по душе — художник, энтузиаст, человек, одаренный талантом. И воспитывающий таланты.

Г. СМЕТАНИНА

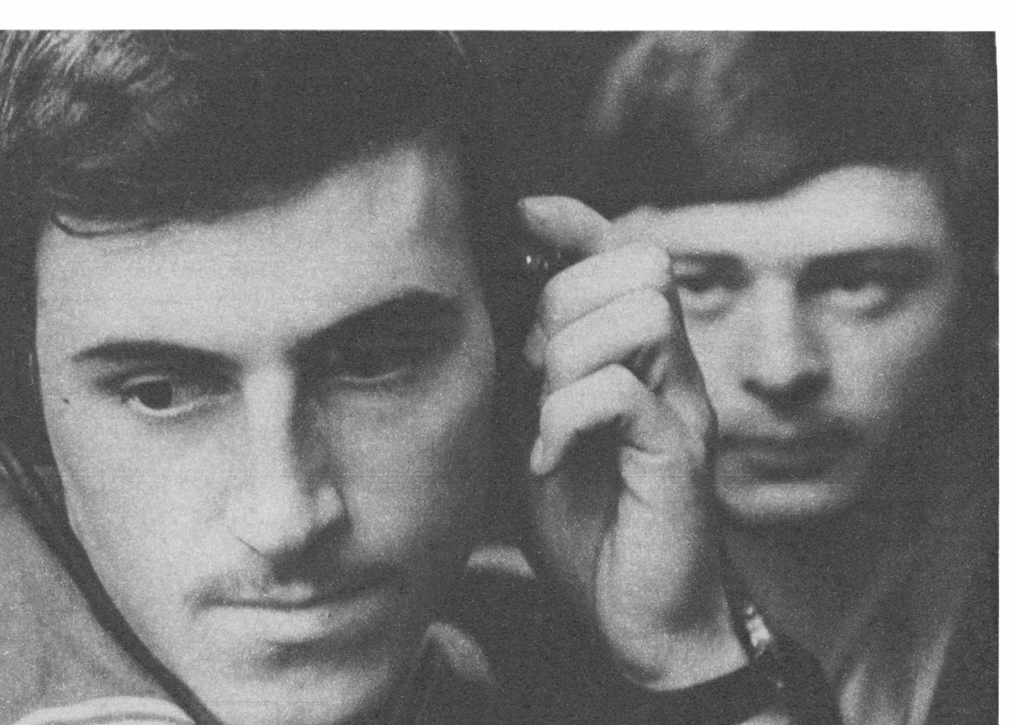
Рязань, школа № 44.

Г. МАКАРОВ, фото автора.

НОВЫЕ КОРАБЛИ

Об этом далеком и суровом уголке нашей земли написаны рассказы, стихи, сложены песни. Здесь, в городке, на многих домах, сбегающих по сопкам к морю, укреплены мемориальные доски с именами прославленных подводников.

Отсюда повел свой корабль командир лодки Столбов, открывший боевой счет части в Великую Отечественную войну. У одного из причалов застыл на вечной стоянке подводный крейсер «К-21». На лобовой части его рубки цифра «17» — число побед над врагом. Это корабль непобедимого Николая Лунина — Героя Советского Союза. Отсюда уходили навстречу врагу экипажи его соратников — Героев Советского Союза Ивана Колышкина, Магомеда Гаджиева, Григория Щедрина, Ярослава Иосселиани, Ивана Кучеренко и других.

Многие лодки стали краснознаменными, а восемь из них получили наименование гвардейских. Невольно перехватывает дыхание перед реликвиями, собранными в комнате Боевой славы, перед обтрепанными ветрами и волнами флагами боевых кораблей, личными вещами героев, фотографиями и другими документами времен Великой Отечественной войны. Среди них потрясают своей правдой и непосредственностью «боевые листки», выпускавшиеся на лодках в дни войны. Их здесь тысячи. Вот цитата оттуда:

«Торпеды просят «добро», в

—НОВЫЕ КУРСЫ

К родному причалу.

●

Моряк — это быстрота.

●

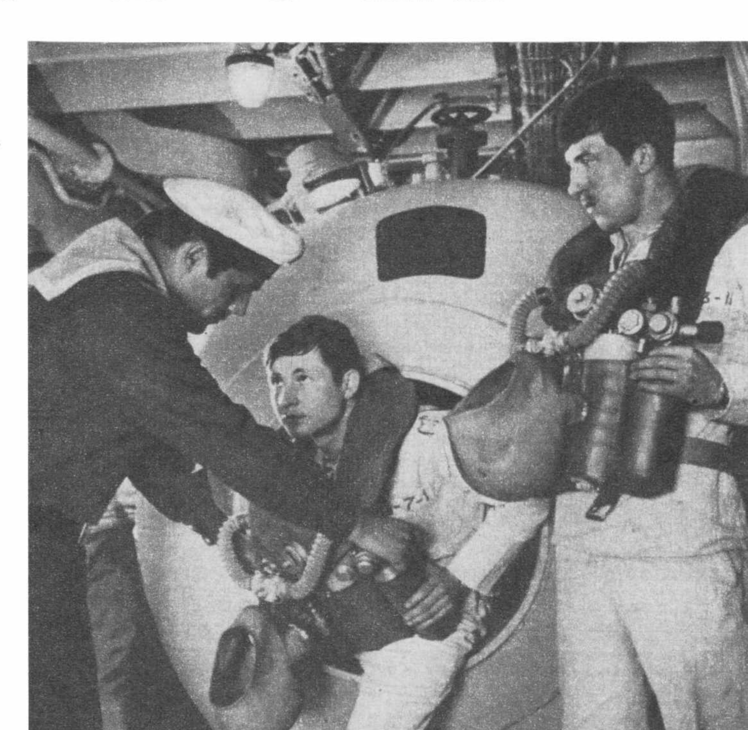
Радиотелеграфисты: старшина II статьи Владимир Баруздин и старший матрос Александр Семерчуков.

●

В отсеке учебного корабля, заделка «пробоины».

●

Водолазы тренируются.

Командир и комиссар «Щ-721» («счастливой Щуки»). Артисты П. Вельяминов и Д. Банионис.

злобе был торпедист Злоказов, что нет цели, но день наступил. Быстрая атака, торпеды у цели».

Листок был выпущен 23 января 1943 года, а 27 июля лодка была награждена орденом Красного Знамени.

Сегодня моряки на новых кораблях ходят по новым курсам, а боевые ордена и медали на груди многих подводников Краснознаменного Северного Флота свидетельствуют об образцовом выполнении заданий командования.

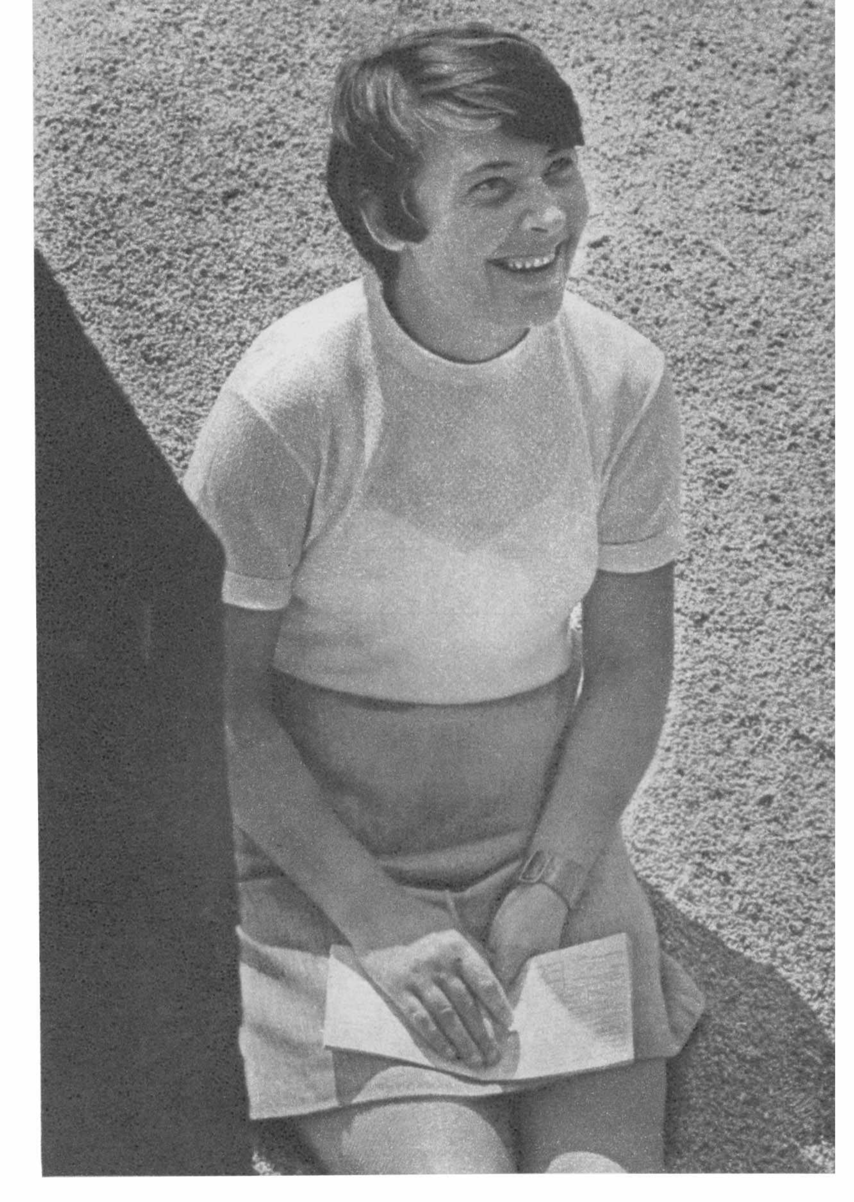
Не так давно на одном из причалов замелькала статная фигура человека в кирзовых сапогах, одетого в потертый бушлат и черную офицерскую шапку с «крабом». С ним рядом был второй, в кожанке. Известно, что моряки особенно ревностно блюдут правила ношения своей военной формы. Поэтому эти двое не могли не привлекать внимания окружающих.

В то же время на катере, возвращавшемся с полигона, заметили всплывавшую подводную лодку. Явление в этих местах не редкое. Но что же это? Перед катером возникал из пены морской совершенно необычный силуэт. Чужой? Все может быть, но за секунды до боевой тревоги с лодки приняли сигнал, и катер, ответив, лег на прежний курс...

В эти дни здесь, в море и на берегу, студия «Мосфильм» снимает картину «Командир счастливой Щуки». Картина расскажет о подвигах экипажа одной из лодок в сражениях Великой Отечественной войны. Вместе с артистами Петром Вельяминовым в роли командира и Донатасом Банионисом в роли комиссара в съемках принимают участие военные моряки.

Не дожили до наших дней прославленные «Щуки». Поэтому на одну из лодок пришлось нанести значительный стальной «грим». Eе-то и встретил в море катер.

ЖАТВА ЛЕГКОЙ НЕ БЫВАЕТ

Внучка Галина.

СЕГОДНЯ НА ПОЛЯХ НОВОАЛЕКСАНДРОВСКОГО РАЙОНА, СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Околица...

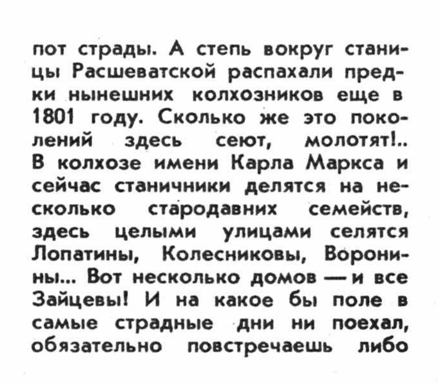

В колхозе имени Карла Маркса более шестидесяти комбайнов.

Володя, один из внуков старого Захара.

Легкой жатва не бывает. Никогда, даже в самые благоприятные годы. А нынче на Ставрополье еще и год такой, будто кто его наизнанку вывернул: зимой и весной сушь держалась, и озимые едва выстояли, а сейчас, когда самое время зерно вымолачивать, ливни по степи гуляют. Небо в июле словно бы прорвало... Трудно взять его, урожай, но ставропольцам, потомственным степнякам, какой бы жатва ни выдалась, радостно ее напряжение и сладок пот страды. А степь вокруг станицы Расшеватской распахали предки нынешних колхозников еще в 1801 году. Сколько же это поколений здесь сеют, молотят!.. В колхозе имени Карла Маркса и сейчас станичники делятся на несколько стародавних семейств, здесь целыми улицами селятся Лопатины, Колесниковы, Воронины... Вот несколько домов — и все Зайцевы! И на какое бы поле в самые страдные дни ни поехал, обязательно повстречаешь либо Лопатиных, либо Ворониных, Колесниковых или тех же Зайцевых...

Ранним утром, только коров согнали, Захар Андреевич Зайцев, можно сказать, старейшина большого хлеборобского рода, вывел мотоцикл.

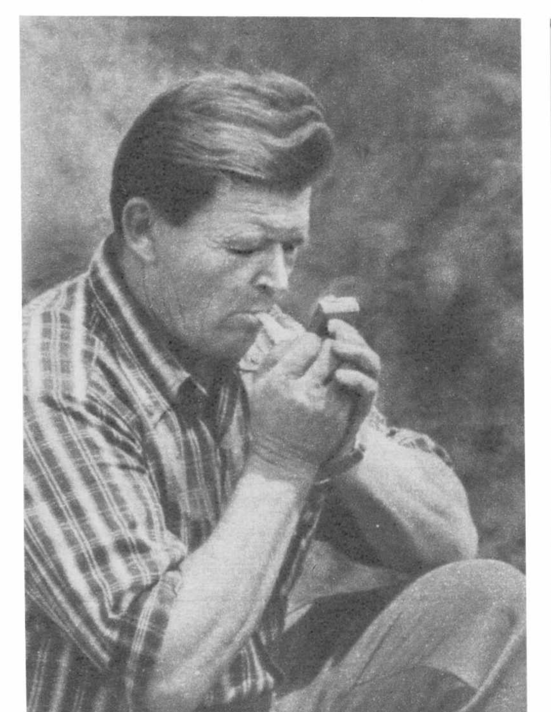
— Куда? Смотри, туча какая...— забеспокоилась жена Анна Кирилловна.

— В бригаду, надо Саше инструмент отвезти...

Отец сорок лет работал на тракторах и комбайнах. Ясно, что дома не сидится. По-прежнему тянет Захара Андреевича в хлебную степь... А там, на золотой ниве, встречают и провожают солнце страды его сыны: Александр и Василий. Младший, Павел, в кузне — точка тоже горячая! Внучка Галина и внуки — кто с отцами на комбайнах, кто на току. Зайцевы пшеницу валят, Зайцевы пшеницу молотят, Зайцевым некогда — у них жатва! А легкой жатвы не бывает...

Н. БЫКОВ

Сыны: Василий...

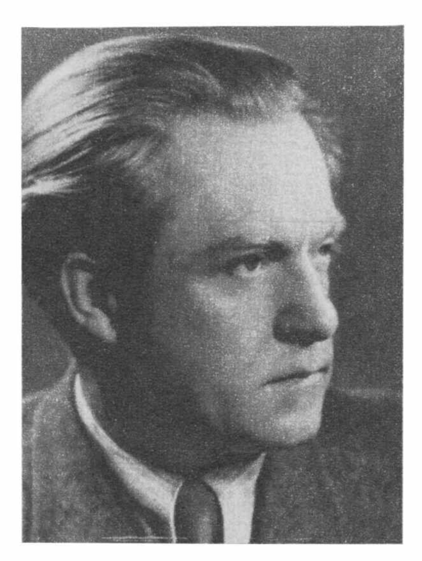

Александр...

Павел...

ЯРОСТНЫЙ ТАЛАНТ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯРОСЛАВА ГАЛАНА

В последней львовской квартире Ярослава Галана теперь уже музей. На рабочем столе — пожелтевшие газеты и рукописи, забрызганные кровью. Он пал от рук бандитов-националистов, как солдат на боевом посту, за письменным столом, во время работы над статьей для газеты.

Эта статья пронизана спокойной уверенностью в завтрашнем дне западноукраинских земель, освобождению которых от вековечного гнета писатель посвятил свою жизнь и творчество. Заглядывая в будущее, он от души радовался тому, что «чудесная советская жизнь победоносно шагает вперед и рождает новые песни, новые легенды, в которых и львы и боевая слава будут символизировать отныне только одно: величие освобожденного человека».

Но здесь же Галан вынужден был с горечью признать, что продвижению Западной Украины вперед мешают большие трудности, и главная из них — пережитки национализма. «Много всякой швали путается еще под ногами»,— сетовал он.

Гнусные убийцы писателя-коммуниста и их злобные хозяева, окопавшиеся в подполье, понесли заслуженную кару. Но за кордоном враги первой страны социализма в наше время не унимаются. Всевозможные диверсионные центры империалистических разведок, нередко прикрываясь невинными вывесками, по-прежнему вербуют предателей и отщепенцев, лихорадочно готовят и засылают в нашу страну лазутчиков под видом «коммерсантов», «туристов» и т. п., снабжая их антисоветской литературой. По-прежнему предпринимаются попытки играть на религиозных чувствах отдельных советских граждан и тем самым сеять вражду и недоверие между ними.

Поэтому и сегодня, в условиях обостряющейся идеологической борьбы двух миров, блестящие статьи и памфлеты Ярослава Галана, с убийственным сарказмом разоблачающие представителей клерикальной реакции, «нейтрального» Ватикана и его униатской агентуры, сохраняют свою актуальность. Достаточно перечитать такие яркие образцы его сатиры, как «На службе у сатаны», «Отец тьмы и присные», «Апостол предательства», чтобы еще раз убедиться в этом.

Мы живем в тревожное время. Кое-где за рубежом существует реальная опасность возрождения фашизма. Рвутся к власти оголтелые «ультра», устраиваются истерические сборища реваншистов. Продолжается варварская американская агрессия в Индокитае. В некоторых странах свирепствуют расисты. Словом, те темные силы империалистической реакции, против которых неутомимо сражался Ярослав Галан почти два десятилетия, далеко не сложили оружия. И как злободневны его гневные и точные по своим характеристикам репортажи, написанные по материалам исторического суда народов — Нюрнбергского процесса («Их лица», «Перед лицом фактов»)! И как тут не вспомнить обошедшую почти все крупные театры страны трагедию «Под золотым орлом», направленную против преступлений англо-американских империалистов и их наемников в Западной Германии в лагерях «перемещенных лиц»?!

Писатель - интернационалист, Ярослав Галан страстно призывал к братскому единению и дружбе всех трудящихся независимо от их национальности. С детства воспитанный в духе уважения к русскому народу, к его великой национальной культуре, он прекрасно знал и пропагандировал произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого и других выдающихся художников слова. Сын украинского народа, он горячо и самозабвенно его любил, как любил он свой родной Львов, разлуку с которым во время войны тяжело переживал. И в то же время Галан с гордостью писал о Москве, столице нашей многонациональной Родины.

С особым волнением воспринимаются его пламенные строки сейчас, накануне славного юбилея — пятидесятилетия образования Союза Советов: «Это, наверное, единственный город, к которому никто не относится равнодушно... Любить Москву — это значит любить человечество, верить в него, верить в его завтрашний день, и ради этого дня работать, бороться, а если надо — и погибнуть в бою. Ненавидеть Москву — значит быть врагом человечества, врагом его наилучших стремлений, врагом грядущих поколений...

На страже свободы и независимости Украины крепко стоит могучая советская Москва — столица и символ нашего великого социалистического Отечества — СССР.

В этом — источник нашей любви к ней».

Родители подарили ему имя, в котором звучит ярость. Ярослав Галан жил и боролся поистине неистово, яро, не зная покоя, не делая привалов на своем трудном пути, полном опасностей и риска, требующем высочайшего мужества. Его нет среди нас, но книги его остаются в строю. Они сражаются за торжество разума, света и свободы на всей нашей планете.

Наш яростный Ярослав, говорим мы, живые свидетели его всенародного признания. Он принадлежит не только украинцам, но всем советским людям, всем борцам за мир и счастье на Земле.

С. НЕГИН

ЧТО ТАКОЕ «ЭКСПРЕСС»?

Лето — пора отпусков, и слова эти мы с удовольствием повторяем каждый год. Однако ни для кого не секрет, что не всегда удается приобрести билет на поезд или на самолет в нужное время. Приходится выстаивать длинную очередь в кассу, нервно подсчитывая, сколько дней осталось до конца отпуска. А возвратиться из отпуска порой бывает еще труднее.

Эту проблему призван решить «Экспресс». Недавно министерства — путей сообщения; радиопромышленности; приборостроения, средств автоматизации и систем управления — разработали систему автоматизации билетнокассовых операций и учета мест на поезда дальнего следования, которая и получила условное название «Экспресс».

В огромном 20-этажном здании установят электронно-вычислительные машины, в них будут заключены сведения о всех поездах, отправляющихся из Москвы, все городские билетные кассы подключат к этим машинам. Как будет работать система «Экспресс»? Кассир на специальном пульте набирает требования пассажира, информация поступает в ЭВМ, там она обрабатывается и передается в специальное устройство, которое и печатает билет с указанием номера поезда, вагона, места. И вся эта операция занимает не более минуты.

Интересно и то, что «Экспресс» будет полностью выдавать финансовую и статистическую отчетность по пассажирским перевозкам, то есть определять, сколько приходится доходов на каждую дорогу и даже на отделение дороги.

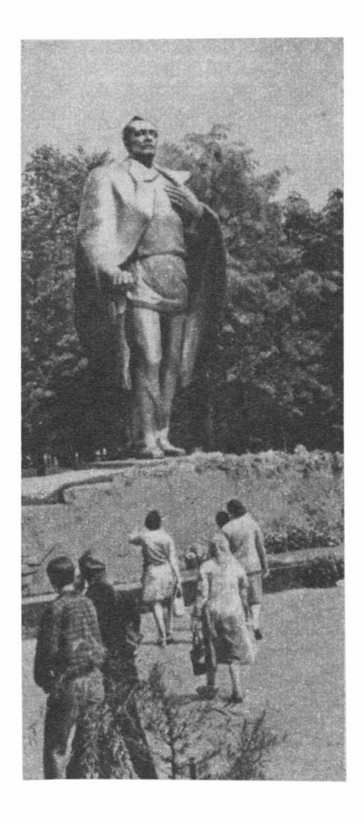
В кассовых залах вокзалов установят автоматические табло, показывающие наличие свободных мест в любом поезде. Пассажиры смогут заказывать билеты по телефону, по почте в Центральном бюро заказов.

Система «Экспресс» уже запущена в опытную эксплуатацию и продает билеты на поезда Киевского направления.

Но, к сожалению, здание для «Экспресса» строится медленно.

Сейчас, в желанную пору отпусков, москвичи и гости столицы, проходя около Казанского вокзала, видят огромный забор, за которым дремлет котлован, и только старая дощечка напоминает о том, что строительство ведется по проекту 8-й мастерской «Моспроекта-1»...

О. ТИТОВА

НАРОДНОМУ ПОЭТУ

Белоруссия торжественно отметила девяностолетие своего великого сына, народного поэта Янки Купалы. В Минск приехали гости — представители братских литератур, почитатели замечательного таланта. В дни юбилея прошли торжественный вечер общественности столицы республики, юбилейная сессия Академии наук БССР, праздник поэзии в Вязынке, на родине писателя, Купаловские чтения; открылась выставка «Янка Купала и Якуб Колас в изобразительном искусстве». В Минске открыт памятник песняру земли белорусской. Его авторы — лауреаты Ленинской премии Юрий Градов и Леонид Левин, а также лауреат премии Ленинского комсомола Белоруссии Анатолий Аникейчик, Андрей Заспицкий и Лев Гумилевский.

А. ЩЕРБАКОВ

Памятник Янке Купале в Минске.

Фото А. Мызникова.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

Интервью «Огонька»

КАК БРАТ БРАТУ...

Первый секретарь ЦК КП Туркменистана
М. ГАПУРОВ

ВОПРОС. Говорят, что если бы республика имела свою визитную карточку, то для Туркменистана такой «карточкой» мог бы быть Каракумский канал. Так ли это?

Ответ. В какой-то мере, пожалуй, так. И возможно, что со временем в государственный герб республики вплетется и голубая лента Каракумского канала. И лучи восходящего солнца, озаряющего гряду гор, пустыню, силуэты нефтяных вышек, заводских корпусов, тяжелые виноградные кисти, ветку хлопчатника, засверкают и в водах реки счастья, как принято у нас называть этот канал. Ибо издревле вода для моего народа была олицетворением счастья. Я родился на берегу Амударьи, но и в наших краях старики помнят, как за пай воды шел род на род, племя на племя... Старики помнят времена, когда говорили: не земля родит, а вода... Вода — это власть и богатство. Так было. Вода символизировала силу бая, купца, феодала. А сегодня вода Каракумского канала — символ дружбы братских народов.

ВОПРОС. Именно в связи с этим «Огонек» готовит фоторассказ о самом канале и обо всем том, что он дал народу Туркменистана. Вот некоторые фотокадры. Не могли бы вы прокомментировать их?

Ответ. За этими фотокадрами мне прежде всего видится грандиозная стройка в пустыне, занимающей $^4/_5$ территории Советского Туркменистана. Мне видится стройка, равной которой не знал мир,— я имею в виду и размах, и темпы, и ярчайший пример содружества братьев: люди тридцати шести национальностей строили канал, 202 советских города посылали сюда технику и материалы.

Русский инженер Г. Сазонов еще в начале века предложил перебросить часть амударьинских вод в дельту Мургаба. Но царское правительство не дало денег. Лишь Советская власть, Коммунистическая партия помогли туркменскому народу воплотить в жизнь его вековую мечту о большой воде. Осуществилось невиданное в истории мировой ирригации перераспределение воды на огромной и очень сложной для строительства территории. Важно отметить и то обстоятельство, что Каракумский канал длиною в 840 километров, не считая 35 тысяч километров примыкающей к нему оросительной сети, сооружен за неполные семь лет. Впереди — еще 560 километров трассы, устремленной к Каспию, к районам, богатым нефтью, химическим сырьем, к районам туркменских субтропиков, где можно выращивать ценнейшие тонковолокнистые сорта хлопчатника. Это завтрашний день Каракумов. Но уже сегодня сельское хозяйство республики перестало ощущать маловодье, уже сегодня колхозы и совхозы, расположенные в зоне канала, получают более сорока процентов хлопка-сырца, заготавливаемого в Туркмении.

На одной из показанных мне фотографий я видел белоснежный катер, летящий по широкой Каракум-реке в пустыне: это не мираж! Не мираж и наполненное водой Восточное водохранилище под Ашхабадом, ставшее любимым местом отдыха жителей столицы республики.

Там, где была пустыня... Сколько там возникло поселков, колхозов, совхозов, маленьких городов, сколько миллионов гектаров пастбищ обводнено рекою счастья! Среди публикуемых вами цветных фотографий — портрет Нури Карягдыева, директора совхоза «Москва», возникшего там же, в пустыне, на трассе Каракумского канала. Директор он молодой, но сумел так организовать дело, что за последние годы в прошлом убыточный совхоз стал рентабельным хозяйством. Я знаю, что в эти дни вы побывали в целинном совхозе «Теджен», беседовали с очень энергичным директором этого совхоза Чары Ханамовым. Значит, вы своими глазами могли видеть маленькое чудо в большой пустыне: огромный совхоз с большим благоустроенным поселком, с двухэтажными домами поднялся там, «...где пески лежали строго, спала пустыня Каракум». Ханамов, вероятно, рассказывал вам, как скептики отговаривали его: «Ничего не получится тут. Пустыня есть пустыня. Хлопка не будет». Большая вода канала плюс трудолюбие огромного многонационального коллектива рабочих заставили такыры дать хлопок. В прошлом году там получили более 24 центнеров с гектара, 3 миллиона рублей чистой прибыли... На Каракумском канале бывает много иностранных гостей. Как-то побывал там корреспондент австралийской газеты «Трибюн» Рекс Чиплин. Вот что он написал перед отъездом: «У нас в Австралии существует аналогичная проблема орошения. В центре Австралии находится большая безводная пустыня, но капитализм не способен сделать то же, что сделали вы...» Да, капитализму не под силу то, что могут сделать Советская власть, Коммунистическая партия, что под силу братской, дружной семье советских народов.

ВОПРОС. В Программе КПСС записано: «Развернутое строительство коммунизма требует все более рационального размещения промышленности, которое... будет содействовать... дальнейшему выравниванию уровней экономического развития районов страны». Как протекал этот процесс применительно к Туркмении?

Ответ. Прежде всего я хотел бы воскресить в памяти читателей дореволюционные страницы истории туркменского народа: каковы были исходные рубежи? До Октября семнадцатого он не имел своей государственности, был разделен на племена, безжалостно эксплуатировался более сильными феодальными соседями, а начиная с последней трети XIX века — российским царизмом... Когда-то великий туркменский поэт и мыслитель Махтумкули писал: «Голодная бедность глотает огонь, напрасно протянута к небу ладонь, стреножен у всадника нищего конь. Ты где, долгожданное время?» В Октябре семнадцатого года мой народ мог радостно воскликнуть: «Здравствуй, время долгожданное! Великий Октябрь поистине спас обреченный на гибель туркменский народ, почти поголовно неграмотный, истребляемый в непрерывных межплеменных усобицах, опутанный страшными родовыми традициями и догмами ислама».

Так вот разве могла бы столь отсталая во всех отношениях страна, как Туркменистан, минуя капиталистический путь развития, подняться к вершинам социалистического общества без Октября семнадцатого, без пятилеток тридцатых годов, без повседневной помощи партии, правительства, без союза братских республик? Никогда! Никогда бы туркменский народ один, без братской помощи великого русского народа, его революционного рабочего класса, украинцев, белорусов, узбеков, казахов, азербайджанцев и других народов не сумел бы обрести государственность, превратиться в республику с развитой промышленностью и крупным механизированным сельским хозяйством. Производство промышленной продукции в Туркмении в сравнении с дореволюционным временем возросло в 50, а нефти — в 120 раз. Республика стала крупнейшим нефтегазовым районом Средней Азии. Сейчас здесь добывается более 15 миллионов тонн «черного золота» и 15 миллиардов кубометров газа. Газовая промышленность — самая молодая отрасль нашей экономики, она впервые дала о себе знать в минувшей пятилетке. Но дала знать весьма и весьма весомо. И за это мы особо благодарим наших братьев из России, Украины, Азербайджана. Вот уже несколько лет, как туркменское «голубое топливо» вместе с узбекским по мощному газопроводу Средняя Азия — Центр идет в крупнейшие промышленные узлы Европейской России.

Решениями Советского правительства, направленными на совершенствование размещения производительных сил страны, в нашей республике были созданы и нефтеперерабатывающая, и химическая, и машиностроительная промышленность. Все более и более комплексно, все более и более быстрыми темпами развивается народное хозяйство республики, особенно после XXIV съезда КПСС. Для этого развития характерно гармоничное сочетание интересов Союза ССР в целом и каждой его республики. Этим ленинским принципом и продиктован более быстрый рост промышленности Туркменистана, природные богатства которого поистине неисчерпаемы. В девятой пятилетке по сравнению с минувшей продукция ее промышленности возрастет на 64 процента. Это значительно больше, чем в целом по стране.

«Одним из самых крупных завоеваний социализма,— подчеркивал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии,— является практическое осуществление партией **ленинской национальной политики** — политики равенства и дружбы народов».

Счастливая судьба народа Туркмении — блестящее тому подтверждение.

ВОПРОС. О судьбе народа иногда красноречивее цифр говорят типичные судьбы его сынов и дочерей. И вот если продолжить разговор в этом ключе...

Ответ. Ну вот хотя бы судьба тех, кто в двадцатые годы лишился родителей, беспризорничал, мыкался, пока не послали их в подмосков-

ный детдом — был в Серебряном бору такой детдом для туркменских детей... Возможно, вы слышали об одном из крупнейших в стране офтальмологов — Сары Каранове, его знают во многих зарубежных странах как большого специалиста по борьбе с трахомой. Читать и писать его научили русские люди в детдоме под Москвой.

...В ауле Атаяб в бедняцкой семье рос Оразгельды Эсарыев. Был он еще мальчишкой, когда отец отдал его баю в батраки. Много горя хлебнул он, пока не приехали из России коммунисты, чтобы помочь братьям-туркменам навсегда покончить с бандами басмачей и баев, организовать колхозы. Сейчас Оразгельды Эрсарыев известен всей стране — прославленный мастер высоких урожаев хлопка, дважды Герой Социалистического Труда, председатель колхоза.

...В Москве, когда встречаешься с крупными специалистами по ирригации, меня иногда спрашивают: «Как там у вас Реджебкули Атаев поживает?» Сын гонимых нуждой бедняков, он лишь по рассказам отца знает, как насмерть бились из-за воды брат с братом. И разве не знаменательно, что Атаев удостоен Государственной премии за внедрение новых методов орошения? Разве не символично, что сын бедняка, всю жизнь мечтавшего о воде для своего ничтожного клочка земли, возглавляет колхоз, в котором проходил всесоюзный семинар по новым методам орошения, предложенным им, Атаевым, Героем Социалистического Труда? Кстати, в этом колхозе имени Калинина он стал председателем в пору, когда здесь было самое отстающее хозяйство. А теперь... Академия знатоков земли!

«Огонек» писал как-то о трудной судьбе народной артистки СССР, депутата Верховного Совета СССР Соны Мурадовой. Но в связи с вашим вопросом не могу не вспомнить и о ней. Отец девочки рано умер, а старшие братья Соны продали ее мать в жены. Так Сона стала сиротою, и немало бед обрушилось на нее с детства... Так было в Туркменистане до революции: женщина, как вещь, покупалась и продавалась. А теперь у нас никого не удивишь тем, что женщина — министр, директор фабрики, секретарь райкома партии... Кандидат исторических наук М. Моллаева — заместитель председателя Совета Министров республики; доктор исторических наук Биби Пальванова — министр народного образования; Герой Социалистического Труда Ханипе Курбанова — секретарь райкома партии. Девяностолетняя мать Ханипе с гордостью говорила пришедшим в ее дом гостям с Украины: «Я воспитала храброго сына Джуманияза, его кровью политы берега Днепра. И вот дочь, Ханипе... Видите, она тоже Герой...»

Я рассказал вам лишь несколько из тысяч подобных историй о судьбах сынов и дочерей Туркменистана. К ним, как и ко многим и многим их землякам, могут быть отнесены слова Постановления ЦК КПСС о подготовке к 50-летию образования СССР: «Сложились замечательные черты советского человека: преданность делу коммунизма, социалистический патриотизм и интернационализм, высокая трудовая и общественно-политическая активность, непримиримость к эксплуатации и угнетению, национальным и расовым предрассудкам, классовая солидарность с трудящимися всех стран. Выросли поколения подлинных интернационалистов...»

Формированию поколения подлинных интернационалистов партийная организация республики уделяла и уделяет особенно большое внимание. Это и разъяснение принципов ленинской национальной политики, это и повседневные практические дела наши, в ходе которых люди на своем трудовом посту, в своей личной жизни познают, сколь чудодейственна сила братства народов. Будь то нефтепромысел, где плечом к плечу идут на ощупь по сыпучим барханам, от скважины к скважине, навстречу свирепому ветру Каракумов туркмен и русский, азербайджанец и татарин; будь то ученые Москвы, Ленинграда и Ашхабада, смело прокладывающие новые тропы к еще не изведанным богатствам недр Туркменистана; будь то волнующие, незабываемые дни литературы и искусства Украины в Туркменистане, когда устами своего поэта республика говорила дорогим гостям: «Есть у моей души одно богатство, я кровью оплатить его готов: народов наших истинное братство и братская священная любовь». В те дни, кажется, весь Туркменистан жил радостным ощущением этого богатства душ братских народов. Шла ли речь о том, что в восемнадцатом году сын белорусского народа С. М. Молибожко был в числе девяти ашхабадских комиссаров, расстрелянных белогвардейцами; или о героических подвигах сынов Туркмении в битве с гитлеровцами; или о наших молодых людях, обучающихся в вузах Киева; или о нефти, хлопке, шерсти, мощных вентиляторах для градирен, посылаемых нами на Украину; или об операх «Абадан», «Лейли и Меджнун», созданных братским содружеством украинских и туркменских композиторов...

Этот процесс взаимообмена материальными и духовными ценностями, взаимовлияния и взаимообогащения как в народнохозяйственном, так и в культурном строительстве стал непреложным законом жизни советских республик.

ВОПРОС. Активно протекающий в условиях социализма процесс совмещения двух начал — тенденции расцвета наций и тенденции их сближения — буржуазные идеологи пытались и пытаются всячески исказить, оклеветать. Причем в последнее время, особенно в связи с подготовкой к 50-летию образования СССР, усилились их злобные нападки на ленинские принципы национальной политики в Средней Азии. Видимо, крах колониальной политики империалистов еще больше подстегивает их идеологов. Не так ли?

Ответ. Да, это так. Как известно, республики Средней Азии уже давно стали яркими маяками социализма на Востоке. Свет этих маяков не дает покоя антикоммунистам, «специализирующимся» по Средней Азии, особенно таким злобным вралям, как Баймирза Хаит — предатель Родины, он подвизается в каком-то западном институте советологии. Клеветники, находясь на службе империалистов, оплакивающих крушение колониальной системы, понимают, сколь велико международное значение опыта строительства социализма в Советской Средней Азии: народы Азии и Африки, поднявшись на борьбу за национальное и социальное освобождение, видят, чего можно достичь, когда сбрасываешь с себя оковы колониализма, когда живешь в социалистическом обществе. На страницах буржуазной печати стали появляться тревожные заявления. «Средняя Азия,— отмечает английский журнал,— начинает играть значительную роль в конкуренции между восточным и западным блоками: отсюда (имеются в виду республики Средней Азии.— **Ред.**) идет советское влияние на народы ислама и всей Азии». Объявив тревогу, наши противники бросают клич: «Свистать всех наверх!» И обрушивают мутные потоки клеветы, измышлений, фальсифицируют все то, что касается государственного, экономического и культурного строительства в республиках Средней Азии.

Разоблачению этих буржуазных фальсификаторов была посвящена недавняя конференция историков Туркменистана.

Правда нашей жизни, объективные закономерности развития социализма не оставляют камня на камне от всяких мифов о среднеазиатских республиках. А мифов нагорожена тьма-тьмущая. Тут и миф о дореволюционной жизни в Туркменистане. Упомянутый мною Хаит до того заврался, что заявил, будто в среднеазиатских ханствах, в этих очагах деспотизма, была бесклассовая «исламская демократия». И миф о том, что «советский режим» в Средней Азии — новая форма колониализма; и миф об «ограничении суверенитета», о «сырьевом придатке» — вот, оказывается, какая она хлипкая, наша экономика; и миф о так называемой «русификации», «подавлении национальной культуры» — господа Уилер, Хаит, Конквест дошли до того, что заявили, будто народы Средней Азии получают только русскую литературу, будто улицы среднеазиатских городов названы именами преимущественно русских людей... Какое им дело до неопровержимых фактов, до улиц имени Махтумкули и Кемине в Ашхабаде, до массовых изданий туркменских классиков? Да, у нас есть и улица имени русского коммуниста Полторацкого, потому что он на заре Советской власти бесстрашно боролся за светлое будущее туркменского народа и хозяева упомянутых мною господ расстреляли его. Да, у нас есть улицы имени Пушкина, Гоголя, а недавно мы торжественно открыли в центре Ашхабада памятник Тарасу Шевченко, ибо трудно переоценить их влияние на развитие нашей культуры. Для нас дружба с русскими рабочими, крестьянами, с русской интеллигенцией — великое благо, источник многих и многих наших успехов, начиная с памятных лет гражданской войны, начиная со строительства первых колхозов,— они и поныне живут и здравствуют в Туркмении, питерские рабочие, приехавшие к нам помогать по-новому строить жизнь хлопкоробов; начиная с поры пятилеток, когда в Твери на фабрике имени Ваганова, в ФЗУ фабрики «Пролетарка», на подмосковной Реутовской фабрике готовились первые отряды квалифицированных рабочих и работниц Туркмении. А для господ Урбана, Уилера это — «страшное зло», это «русификация»...

Конечно, придумать можно что угодно, но, как писал Ленин, «...за наши взгляды вступается сама история, вступается на каждом шагу действительность». Впрочем, даже в стане буржуазных ученых все чаще раздаются голоса, в которых звучат снисходительно-иронические ноты в адрес господ вроде Хаита. В частности, некоторые буржуазные ученые, например, Алек Ноув, скептически оценивая выдумки об «экономической дискриминации» советских среднеазиатских республик, отмечают при этом, сколь разительно отличается здесь советская политика от политики империалистов.

ВОПРОС. Они вынуждены это признать. Ведь и нашим недругам известно, как много сделано в СССР для дальнейшего расширения прав союзных республик, для демократизации деятельности Советов. В частности, что бы вы могли сказать о деятельности постоянных комиссий Советов?

Ответ. Этот вопрос я переадресовал бы товарищу Клычеву — он участвует в нашей беседе, и теперь, пожалуй, ему, председателю Президиума Верховного Совета Туркменистана, самое время вступить в наш разговор.

А. Клычев. Мне приятно сообщить читателям «Огонька», что и в нашей республике получили дальнейшее развитие демократические начала в работе Советов, расширилась, стала более крепкой их связь с населением. И это сказывается на деятельности постоянных комиссий — от Верховного Совета республики до сельского Совета. В республике таких комиссий около двух с половиной тысяч, в них работает более четырнадцати тысяч депутатов. Вот, например, постоянная комиссия Ташаузского областного Совета по сельскому хозяйству. Она глубоко и тщательно изучила работу Управления оросительных систем. Ее дельные предложения внесены на рассмотрение исполкома областного Совета.

Активно действуют и постоянные комиссии Верховного Совета республики. Наделенные широкими полномочиями, они смело, по-государственному берутся за острые социальные и экономические проблемы. Их рекомендации, как правило, отличаются большим знанием дела. И, что еще важнее, они внимательно следят за осуществлением своих рекомендаций. И в этом их горячо поддерживает Президиум Верховного Совета Туркменистана.

ВОПРОС. И последний вопрос к вам, товарищ Гапуров. Расскажите о важнейших, еще не решенных проблемах, которые стоят ныне перед республикой.

Ответ. Республика растет, а в процессе роста рождается и много проблем. В промышленности это более полное и эффективное использование наших природных богатств. Очень богата минералами Чаршангинско-Кугитангская зона. Нам надо поставить их на службу народному хозяйству. Сказочно богат ценным для народного хозяйства сырьем залив Кара-Богаз-Гол. Нужно решать проблему комплексного использования этой естественной лаборатории химического сырья. Надо наращивать добычу нефти, газа, чтобы достигнуть рубежей, намеченных девятой пятилеткой.

Большая вода Каракумского канала позволяет сеять значительно больше хлопка, и прежде всего тонковолокнистых сортов. И тут возникает проблема механизации уборки: пока еще нет усовершенствованных машин для уборки этих сортов хлопка.

Далеко еще не решена проблема животноводства, особенно каракульского овцеводства. И остро стоит вопрос о кадрах.

Трудящиеся Туркменистана, коммунисты республики уверены в том, что они одолеют все эти трудности и с честью выполнят решения XXIV съезда КПСС.

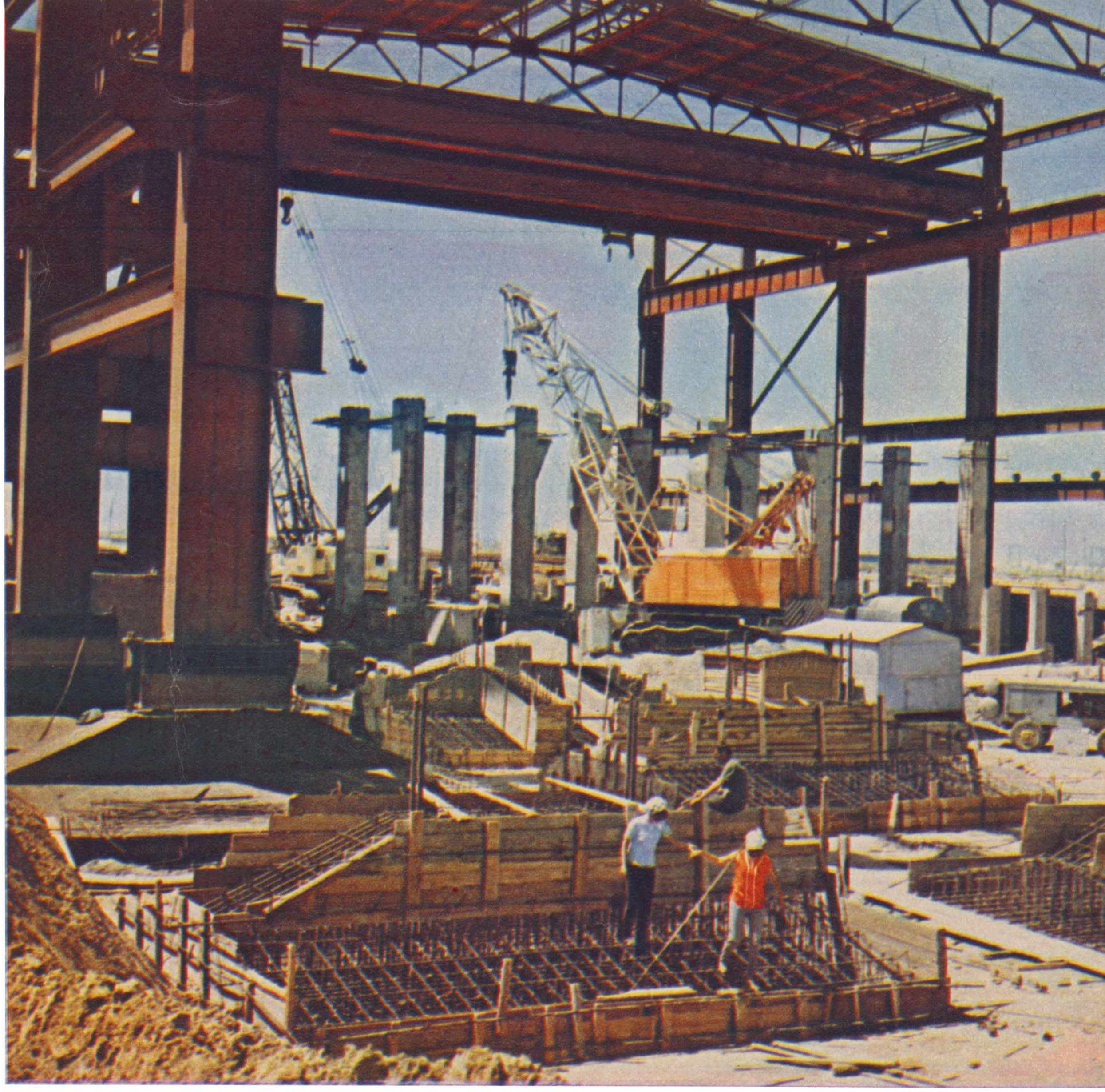
Там, где была пустыня, выросли города и поселки нефтяников. Один из них — Куйджик на крайнем западе Каракумов. Только что сюда вернулась с поисков нефти вахта бурильщиков: К. Сапардурдыев, В. Коновальцев, А. Гараджакулов, А. Мислимов, А. Коновальцева, М. Мяслинская и С. Мураджанов.

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Пустыню прорезала голубая лента широкой Каракум-реки.

О чудесных перем
развороте. Десять ле
ного совхоза «Москва
как и на соседнем
газовиков: недавно
Средняя Азия — Цент
ская ГРЭС. Эти три
тельности профтехучи
что связано со служб

менах в пустыне рассказывают и фотографии н
т назад на том месте, где стоит директор целин
» Нури Карягдыев, были такие же жгучие пески,
снимке, запечатлевшем новорожденный поселок
отсюда газ пошел в большую магистраль
р. И еще одна новостройка в пустыне — Марый-
девушки из коллектива художественной самодея-
пиц; профессии у них самые дефицитные — все,
ой быта. Да к тому же еще в Каракумах.

Верхний снимок подсмотрен скрытой камерой, а нижний сделан по просьбе этих ребят на память об «отмирающем транспорте».

Борис **ИВАНОВ**,
специальный
корреспондент
«Огонька»

ВСТРЕЧИ НА НИЛЕ

ДОРОГИ ИДУТ ЧЕРЕЗ СТОЛИЦУ

Первое, что я увидел, спускаясь по трапу на пышущий сорокаградусной жарой бетон каирского аэродрома,— дула автоматов. С дюжину их было направлено на пассажиров из бронетранспортера солдатами в желто-черных пятнистых комбинезонах. Но никто не вздрогнул, не удивился такой встрече. Каждый прибывший в Египет знал, что в каких-нибудь ста милях от Каира — фронт, возможны провокации. И хотя на фронте сейчас не стреляют, не рвутся в Суэце, Исмаилии, Порт-Саиде снаряды, но нет и мира. Израильский агрессор по-прежнему топчет жаркую землю Синая. Мир еще надо завоевать, освободив территории Египта от оккупантов. Пушки молчат. Воюют дипломаты. Но народ египетский начеку.

Автоматчиков в пятнистых комбинезонах я видел снова и в Каире — патрулирующих улицы, охраняющих здания государственных учреждений, банков, контор, за укрытиями из мешков с песком, сооруженными у въездов и выездов на мосты через Нил. И чем ближе во время путешествия по Египту я попадал к Суэцкому каналу, тем встречал их все больше и больше. И не только автоматчиков...

Эта моя поездка в страну самую древнюю, если вести счет от фараона Менеса, и страну очень молодую, если придерживаться нового летосчисления — от июльской революции 1952 года, не первая. Посчастливилось быть свидетелем осуществления земельной реформы — решительного акта лидера революции Гамаль Абдель Насера, акта, покончившего с феодализмом; присутствовать при закладке высотной Асуанской плотины, Садд аль-Аали, как ее любовно называл весь Египет, ставшей символом строительства республики; наблюдать торжества перекрытия Нила, когда президент, стройный, молодой, с радостной белозубой улыбкой, энергично подошел к невысокой кафедре, расположенной под огромным ковровым шатром, нажал кнопку-сигнал, и тотчас же раздался взрыв, смешавшийся с восторженными криками десятков тысяч людей: вода забурлила по рукотворному двухкилометровому руслу, началось заполнение моря-озера, необходимого для освоения пустынь; ощутить весь ужас и скорбь людей, слушавших печальный, срывающийся голос Насера, который говорил об израильской агрессии и ее последствиях; почувствовать негодование миллионной толпы, запрудившей улицы Каира, и верность клятве: «Насер! Насер! Насер!»

И вот я снова в Каире. Приехал в канун знаменательного праздника — двадцатилетия июльской революции. Прошло не так уж много времени с того дня, когда «Свободные офицеры» во главе с Гамаль Абдель Насером, преподавателем штабного училища, захватили власть, низложив короля Фарука. В экономическом, социальном отношении у страны не было иного выхода (девяносто процентов населения было фактически нищим), в политическом плане Египет был готов к перевороту (правящая верхушка погрязла в разврате, коррупции, предательстве). Поэтому, когда молодые офицеры неожиданно появились у ворот королевского дворца Абдин, весь Египет пошел с ними, хотя никто толком не знал, что это за люди. Фактически народная революция предшествовала военному перевороту, но ей не хватало руководства и дисциплины, пока молодые офицеры не подчинили себе движение и не возглавили его. Дрожащей рукой Фарук поставил подпись на документе об отречении, сделав, обратите внимание, орфографическую ошибку в своем имени. Оказывается, он не умел писать на языке страны, которой его семья правила свыше ста лет. Так завершилась эпоха безобразного правления албанской династии, которую египтяне считают самой ненавистной в своей истории. Отныне — впервые после вторжения персов в 525 году до н. э.— Египтом должны были править египтяне.

И как они справлялись в течение двадцати лет с этим делом? Развернутый ответ на этот вопрос составил бы целый толстый том. Мне же на все про все отведено лишь несколько журнальных страниц. Поэтому свои рассуждения буду строить, повинуясь размеру. Многое революционному комитету пришлось начинать с нуля. Прежде всего земля была отдана феллахам (что из этого получилось, расскажу ниже). Семья может владеть теперь не более чем ста феданами (помещику Бадрава Ашур, например, принадлежало около двадцати тысяч). Создана мощная энергетика, гигантом которой является построенный с помощью Советского Союза асуанский комплекс. Получила развитие тяжелая промышленность: свои автомобили, суда (с Александрийской верфи недавно сошел на воду сухогруз водоизмещением 12 800 тонн. В его сооружении принимали участие и советские специалисты), нефтеперегонные заводы, Хелуанский металлургический комбинат (о нем еще пойдет речь). Трехпрограммные телепередачи египтяне смотрят на голубых экранах отечественных аппаратов. Транзисторы тоже своего производства. А это ведь электроника. Бесплатное образование для всех. Воспитаны национальные кадры инженеров, врачей, учителей (подробнее тоже расскажу ниже). И главное, как сказал мне Хусейн Фахми, один из руководителей газеты «Аль-Ахбар», формируется под руководством Арабского социалистического союза единая идеология. Достижения были бы более значительными, если бы не так называемая тройственная агрессия 1956 года и не оккупация Израилем обширных территорий после шестидневной войны 1967 года; если бы не сопротивление внутренней реакции, особенно в первый период существования республики.

Это маленькое отступление — сугубо концентрированный ответ на вопрос насчет умения править.

Но довольно, ты отвлекаешься, читатель. За мной! Вернемся в Каир. Ведь все дороги в государстве идут через столицу.

Много ли изменилось в городе за четыре года, что я не был здесь? На первый взгляд вроде бы все осталось по-старому, включая, конечно, и признаки близости фронта, о чем я уже сказал выше. Тот же беспрерывный поток сигналящих на все мыслимые голоса машин. Даже велосипедисты, как бы утверждая себя, непрестанно звенят. Они ухитряются не только не быть раздавленными, но и провезти на голове по пуду лепешек, ящики с бутылками и другой разной разности. За крохотными столиками, стоящими на улице у раскрытых кофеен, неторопливо беседуют мужчины. На тротуарах искусно выложены замысловатым орнаментом дыни, арбузы, апельсины, бананы, лимоны, помидоры, сливы, персики, кабачки, клубника, вишня, лук. Этот живой, свежий ковер переливается красным, фиолетовым, зеленым, желтым, синим, оранжевым, манит к себе, пахнет так вкусно, что мимо пройти равнодушно очень трудно. Хочется купить, попробовать. Отпустив товар, продавец, словно фокусник, мгновенно восстанавливает прежний рисунок. В мясных лавках висят туши говядины, баранины, телятины, покрытые каким-то красным составом, предохраняющим от мух и порчи. Те же тележки с пирамидками отваренного риса, бобов, фасоли и горкой лепешек: у кого мало пиастров — пожалуйста, вас ждет дешевый завтрак, обед или ужин в зависимости от времени суток. И уж без чего Каир и не Каир вовсе — это без улыбчивости, доброты и лукавости его граждан.

Ну, а если присмотреться более внимательно? Перемены, конечно, есть. Уже не пристают к вам на каждом шагу чистильщики обуви, не уговаривают столь часто маленькие девочки купить шнурки, спички или зеркальце. Появилась моторизованная полиция в темно-зеленой форме. По вечерам зажигается меньше светильников, притушена реклама. В магазинах почти не увидишь иностранных товаров, но часто можно услышать по-русски: «Добро пожаловать», «Здравствуйте», «Спасибо», «Как поживаете?», «Желаю успеха». Растут новые здания гостиниц. Вклады в это дело как государственного, так и частного капитала поощряются. Через Нил в районе Замалика строится мост с виадуками. Тоннель и пешеходные развязки сооружены на площади у гостиницы «Хилтон». Воздвигаются кварталы жилых домов.

Новостройки сразу трудно заметить, потому что отсутствует привычный нам, советским людям, ориентир — подъемные краны. Тут нужно именно присмотреться, ибо все делается вручную. Основной

механизм — мастерок, веревка, коза да корзина, в которой рабочий перетаскивает песок, цемент, раствор. Объясняется все это обилием свободных рук. Велика рождаемость. Страна не может пока предоставить работу всем желающим, особенно тем, у кого низкая квалификация. А механизация еще больше увеличит предложения на рынке труда. Это одна из важных экономических проблем. Но и она впоследствии будет решена. И прежде всего за счет роста национальной промышленности, увеличения сельскохозяйственного производства, что, кстати, и осуществляется быстрыми темпами, несмотря на военное положение. О чем свидетельствую сам. На одной промышленной новостройке — а ее называют в АРЕ крупнейшей — я побывал.

ХЕЛУАН — ПРОДОЛЖЕНИЕ АСУАНА

Если асуанский комплекс — основная база энергетики и главный резервуар для орошения земель, то Хелуанский комбинат, после того как целиком будет завершен, станет фундаментом отечественной металлургии. Но не только значимость в индустриальном развитии страны объединяет эти два гиганта. Они схожи и по размаху строительства и по той роли, которую призваны сыграть в судьбе египетского народа. В самом деле, Асуан — это не только поток электроэнергии, но и сотни тысяч феданов новых поливных земель, гарантия будущих поколениям от угрозы голода, Хелуан — это металл для строящихся фабрик и заводов, а значит, и кузница новых рабочих мест. А все это, вместе взятое, даст возможность республике повысить жизненный уровень народа.

Чтобы попасть на строительную площадку Хелуана, не надо садиться в поезд или самолет, как я когда-то делал, отправляясь в Асуан. Сорок минут по прекрасной автостраде — и через кроны финиковых пальм вы увидите трубы, ажурные конструкции цехов комбината. Да и жара здесь, на севере (по африканским меркам), вроде поменьше, чем за тысячу километров отсюда, на юге, у асуанских порогов.

Формальности с разрешением проезда на территорию стройки были минимальны, а ждать приема у главного советского эксперта Анатолия Викторовича Сыцко вообще не пришлось. «Завидная четкость»,— подумал я. Он встретил нас энергичным пожатием руки. Невысокого роста, юношески подтянутый. Его голубые глаза во время спокойно смотрят на собеседника. Чувствуется во взгляде не превосходство, а уверенность, привычка вести разговор с любым человеком.

— Оказывается, вы бывали на Асуане,— тихо сказал он. И голос его такой же ровный, как и взгляд. — Тогда вам будет небезынтересно услышать некоторые цифры. Нет-нет, они не утомят. Просто подтвердят, что мы тоже не лыком шиты... — Мимолетная улыбка коснулась губ. — А если по-серьезному, то размах у нас почти равный. Мы уступаем в объеме земляных работ: Асуан — 54 миллиона кубических метров, Хелуан — 22 миллиона,— но превосходим по монтажу металлоконструкций: Асуан — 24 тысячи тонн, Хелуан — 100 тысяч тонн. Видите, в первом случае работ было произведено на Асуане почти в два раза больше, во втором — мы идем впереди на четыре шага. Так-то вот... Асуанский комплекс строился десять лет, нам отведено шесть.

В это время в кабинет к Анатолию Викторовичу зашел его помощник, спортивного вида парень, кстати говоря, хорошо знающий арабский язык. Пока они ведут служебный разговор, хотелось бы накоротке познакомить читателя с жизнью главного эксперта, о которой я узнал позднее. Ему под шестьдесят, чего никак не дашь. Как говорится, вырос на металле. То-то у него такой спокойный, несгибаемый характер. Начал в 1932 году с Кузнецкстроя после техникума. Заочно окончил Свердловский индустриальный институт. Проработал в Кузнецке тридцать лет. Постоянство! Мастер, прораб, начальник цеха, главный инженер, управляющий трестом. В 1962 году уехал в Индию. Главный инженер строительства Бхилайского металлургического комбината. И вот уже третий год в Хелуане. Сын и дочь — тоже металлурги. Постоянство по наследству.

— Мы здесь не первые помощники,— продолжил Анатолий Викторович,— начали западные немцы. Они построили завод проектной мощностью 250 тысяч тонн чугуна и 300 тысяч тонн стали в год. Но давал завод продукции значительно меньше. Работали на привозном коксе. Египетское правительство обратилось за помощью к нашей стране. Начались реконструкции, расширение, а по сути дела, возведение нового комбината: цехов горячего и холодного проката, доменных печей (две), конверторов (три), коксовых батарей (две) и многого другого. Все это сооружается по самому последнему слову науки и техники. Когда комбинат будет завершен (1975 год), республика получит в год 1 миллион 750 тысяч тонн чугуна и 1 миллион 500 тысяч тонн стали. Мощность одного Хелуана станет равна мощности четырнадцати старых металлургических заводов страны. Вместе с арабскими специалистами мы не только строим, но и готовим квалифицированных рабочих.

— А как контакты с хозяевами?

— Самые тесные и дружественные. Это талантливые инженеры. Энергичные и молодые.

При осмотре строительной площадки — а она столь велика, что даже объезд на машине занял несколько часов,— я познакомился со многими египетскими инженерами и монтажниками. Все они полны энтузиазма и ответственности. У одного из них, Али Иуэра, показавшегося моложе других, в чем я и не ошибся, спросил:

— О чем вы мечтаете?

Поправив на широкой переносице роговые очки, он сказал:

— Чтобы цех работал с высокой производительностью, народ жил лучше.

— Вам двадцать пять лет. Почти ровесник революции. Что дала она вам?

— Бесплатно закончить Каирский университет. Но это не все. Университет существовал и раньше, хоть и за деньги, образование получить можно было. Но вот работу?! — Али Иуэра закачал черноволосой головой.— Работа была почти неразрешимой проблемой. С революцией начался бурный рост промышленности. И я без труда получил свое место в жизни.

Почти о том же самом говорил мне и Камаль Бульос, начальник строительства комплекса доменных печей, инженер старшего поколения, воспитанник Каирского университета дореволюционной поры.

— Я почувствовал, как повышается уровень знаний рабочих. А это находится в прямой зависимости от материального уровня. У всех стало больше интереса к жизни. Получил и я возможность развернуть свои способности.

Каждый что-то получил. И так по всей стране. Шаг к народному благополучию сделан. А перспективы куда как обещающие. И если бы не израильская агрессия, шаг был бы шире. Конечно, не обошлось и без потерь. Но они благотворны. Потеряли колонизаторы, крупно проиграли капиталисты и помещики. И поделом!

НЕ РАБ, А ХОЗЯИН

Дельта Нила — благодатный край. Едешь по автостраде Каир — Александрия, кругом вечнозеленые поля, финиковые пальмы, бананы, цитрусы. Тут не встретишь пара, желтой стерни. Один урожай сменяет другой. Поле с кукурузой молочно-восковой спелости, рядом она только пошла в рост. А это изумрудное поле — с первыми всходами. Чуть поодаль идет уборка помидоров. Справа от дороги крестьяне пропалывают рис. Живой, никогда не останавливающийся конвейер.

Нам предстоит посетить сельскохозяйственный кооператив деревни Каха.

— Это — обычное среднее хозяйство,— сказал нам полчаса назад в своем кабинете генеральный секретарь союза сельскохозяйственных кооперативов, член ЦК АСС Мухаммед Идрис, агроном по образованию, сорокалетний отец пятерых детей. Как и большинство египтян, веселый, остроумный человек. Он посвятил нас в историю развития деревни за последние двадцать лет, раскрыл структуру кооператива.— Слово «феллах»,— говорил он,— было до революции чуть ли не ругательством. Бессловесный, презираемый раб. Семьдесят пять процентов — арендаторы. Вот почему первым актом революции была земельная реформа. Феллах наконец поднял голову. Всего было распределено один миллион триста тысяч феданов. Тогда же и начали создаваться кооперативы. Организационно они были слабы. Крестьянин не чувствовал себя хозяином, ибо руководство осуществляли государственные служащие. И только в шестидесятые годы, когда государство выдвинуло социалистическую программу, началась теоретическая разработка кооперативного строительства. Управление — крестьянам. В составе советов кооперативов — середняки и бедняки. Коллективное производство. Распределение же по вложенной земле, ибо она остается в частном владении.

— Значит, каждый заботится о своем участке?

— Да, но эти участки объединяются по культурам. Не так, как раньше: одна культура перемежалась другой. Ныне хлопковое поле — к хлопковому, пшеничное — к пшеничному. Создается единый солидный клин, что облегчает механизацию, повышает урожайность, а значит, и прибыль. Урожайность хлопка, например, увеличилась на 167 процентов. Доход крестьян губернаторства Гиза, занимающихся преимущественно овощами, вырос на 250 процентов. Это позволило электрифицировать дома, учить детей, пользоваться услугами медицины, чего феллаху даже не снилось. Сейчас в деревне есть крестьяне, владеющие одним-двумя феданами. Не густо, прямо скажем. А дети их — офицеры, врачи, учителя, инженеры. Кооператив теперь настолько популярен, что все, кто имеет землю, стали его членами. Можно сказать, стопроцентное кооперирование. Это, конечно, все в общих чертах. Конкретнее узнаете в самой Кахе.

А вот и она, Каха. Расположена у самой автострады. Нас встретила неугомонная гурьба детей, босых, в длинных голобиях. Каждый норовил оказаться в объективе фотоаппарата моего спутника Саши Награльяна. Непременный атрибут деревни — ослы. Один даже упал, то ли разделяя восторг своих маленьких хозяев, то ли негодуя на поднятый ими шум. Кувыркаясь, он создал такую пылевую завесу, что вокруг ничего не было видно. С трудом его оттащили за хвост в сторону.

Просторное кирпичное здание конторы. Трехэтажная школа. Склад с обширным двориком, где хранятся удобрения и различные химикалии, клуб, медпункт, учебный пункт. Полная электрификация. Для советского читателя это не диво. Но ведь каких-нибудь два десятка лет назад все эти феллахи были рабами помещика. Да что два десятка! Всего лишь шесть лет назад, путешествуя по Египту, я видел маленькие глинобитные хижины с лазами вместо дверей. А весь скарб феллаха состоял из циновки, жаровни, деревянного плуга, мотыги, перешедшей по наследству от отца.

В Кахе шел обмолот пшеницы. Трещали ручные молотилки. Одна работала на приводе от трактора. Машина, трактор!

В кооперативе состоит пятьсот семей. Каждый хозяин имеет книжку, куда записывается размер его земли, сумма полученных денег, зерна, удобрений. Словом, весь дебет-кредит. Те же самые данные содержатся и в общей книге, хранящейся в конторе. Имеется еще и карта кооператива, расчерченная на замысловатые фигурки. Это поля, из которых складывается общий клин. На каждой фигурке, или, точнее, микрокарте, проставлена фамилия владельца.

Совет кооператива состоит из девяти феллахов. Он избирается на общем собрании всех пятисот глав семейств. Совет разбирает жалобы, дает рекомендации государственным служащим.

— Как жилось до кооператива? — спросил я феллаха Ибрагима Мухаммеда.

— Трудно.

— Большая семья, мало земли?

— После реформы землицы прибавилось. Пять феданов у меня. Семья семь человек. Выращиваю хлопок, рис, пшеницу и овощи. Трудно же было с семенами, удобрениями. Механизации никакой. Особенно мучился с урожаем. На чем везти, как выгоднее продать? Теперь обо всем этом заботится кооператив. Семья стала спокойно жить. Выкроилось время подумать и о детях. Раньше было не до них. Выстроили в деревне школу. Кто заболеет — больница рядом.

— Ну, а доход?

— Стал больше на шестьдесят процентов.

К нам подошел коренастый парень, вытирая руки ветошью.

— Это наш тракторист Имам Хасенем,— с гордостью сказал Ибрагим.— Первый наш механизатор. Но не последний.

В черных глазах Ибрагима засветилось уверенное довольство. Высокий, худой, он словно еще подтянулся, стал выше, разделяя по слогам «но не последний». Может быть, мне это и показалось. Но то, что египетский феллах выпрямился,— это факт. Со мной разговаривал не раб, а хозяин.

ОБРАЗОВАНИЕ — ДЛЯ ВСЕХ

Когда-то, в годы индустриализации, в нашей стране ощущался острый недостаток кадров. Я не собираюсь проводить никаких параллелей. Но, видимо, есть общая закономерность для народов, встающих на путь самостоятельного, независимого развития. Строить свое будущее невозможно без образованных граждан. С подобной проблемой столкнулся и Египет.

Другие времена — иные песни. Египту было легче справиться с этой трудностью. Рядом с ним были бескорыстные друзья, хорошо понимающие, почем фунт лиха. И здесь в первую очередь пришел ему на помощь Советский Союз. В Асуане я встречал инженеров, окончивших Московский энергетический институт; на химических предприятиях — воспитанников, как они сами говорили, Менделеевки; на Хелуане — питомцев Московского института стали и сплавов; в деревне — дипломников Тимирязевки.

Посылая юношей и девушек за границу, республика и сама всерьез занялась делом образования. Перво-наперво нужно было создавать начальные школы. Их было к 1952 году минимальное количество. Посудите сами: 80 тысяч. Нет, не школ, а школьников! Свою свободу страна встретила почти полностью неграмотной. Научить всех читать и писать — задача тоже не из легких. Где брать преподавателей, учебники?

— Принялись за работу с энтузиазмом,— рассказывает один из руководителей «Аль-Ахбар», Хусейн Фахми,— и добились существенных результатов. Помнится, в течение семи лет строили каждый день по школе. Теперь в начальной школе учатся три миллиона человек. Это почти девяносто пять процентов детей. Планируем в ближайшее время посадить за парты всех наших ребят. Потребуются новые усилия. Опять же нужны дешевые книги, кадры учителей. Но это уже для средних и высших школ. Ведь они у нас тоже создаются в больших количествах. Развивающаяся промышленность требует специалистов не только высшей, а и средней квалификации. Постепенно вводим заочное обучение.

Посмотрев на меня, Хусейн Фахми хитро улыбнулся.

— Хороший пример заразителен. Так, кажется, у вас говорят? В общем, у нас введено бесплатное образование на всех ступенях. Рост культуры повысил интерес молодежи к политике, философии. Это естественный процесс. Ему нужно дать выход.

— И какой же?

— Для пытливого ума у нас открыты все двери, все семафоры. До революции любой разговор о марксизме, социализме жестоко подавлялся. Теперь для этой идеологии расчищена особо широкая улица. Работа, однако, еще предстоит большая. Империализм, реакция пытаются строить баррикады на этой улице. Нужны усилия, чтобы не дать молодежи подпасть под дурное влияние.

— А какова роль Арабского социалистического союза в воспитании молодежи?

— Созданы молодежные организации. Они занимаются просветительской и пропагандистской деятельностью. Готовят подрастающее поколение к работе в новой политической системе страны. Перестройка в самом АСС несколько затормозила эту работу. Но темпы мы набираем. Особое внимание обращаем на разъяснение цели сионизма, который пытается затормозить прогрессивное движение, отделить арабский мир от передовых сил мира. Оружием здесь для него является агрессия. Воспитывается решительность в борьбе с врагом, уверенность в победе. Методы самые разнообразные: собрания, митинги, встречи с интеллигенцией, особенно с писателями.

— А нельзя ли и мне встретиться с кем-либо из писателей?

— Нет ничего проще. Хотите увидеться с Юсуфом Идрисом, замечательным прозаиком? Он известен и советскому читателю.

— Что же может быть лучше!

Два телефонных звонка, короткий разговор, и я, как по волшебству, оказался уже в другой редакции, в газете «Аль-Ахрам», где сотрудничает Юсуф Идрис. Это плотно сложенный, с крупной головой и удивительно глубокими синими глазами человек. Он больше сдержан, чем оживлен. Эмоциональные движения его души лучше читаются в его глазах, чем в мимике. Разговор сразу начался с влияния литературы на молодежь.

Идрис много курит. Подперев щеку рукой с дымящейся в тонких пальцах сигаретой, говорит негромко, не спеша:

— Прогрессивная литература в Египте родилась в канун революции. Она взяла на себя три обязанности: подготовка, призыв и продолжение революции во всех областях культуры. Эта новая литература образовала, естественно, нового читателя. Поколение молодых получило социалистические идеи. Его долг — их подхватить и развивать. Есть ли противоречия, дискуссии среди писателей? Было бы неправдой их отрицать. Есть. Но спор в нашем кругу идет не о том, что лучше — социализм или капитализм. Ищутся пути быстрейшего претворения в жизнь идей Насера. Существуют в Египте писатели и другого толка. Сомневающиеся, скажем помягче. Но перспективы у них малообещающие.

— Спор о судьбе романа еще не заглох. Как вы к нему относитесь?

— Жанр этот живуч, как бы его ни хоронили. Но форма меняется. Ему стала присуща динамика. Раньше герой произведения чаще всего развивался в своей среде. Я имею в виду египетскую действительность. Теперь, в век электроники, коммуникаций, он мыслит шире. Полон сомнений. Ему нужны правда жизни, факты. Человек, например, приехал в город из деревни. Но еще не стал горожанином. Он на пути. Перед ним не два знака: плюс—минус, а значительно больше. Труднее выбрать правду. У нас идет процесс становления. В общем, время Горького и наше время разные. Национальные черты произведения остаются.

— Вы упомянули имя Горького. Какое влияние оказала на вас русская литература?

— Конкретно: Лев Толстой, Достоевский, Чехов, Горький. Вообще я воспитанник русской советской школы. Самой гуманной в мире.

— Родила ли революция новые имена?

— О-о да! — с удовольствием произнес Идрис.— Назову лишь несколько. Это Ибрагим Аслан, Магия Тобия, Хаким Кесам. Его роман «Семь дней человека» не задерживается на полках. Порадовал читателя и наш старейшина Нагиб Мафрус своей книгой «Разговор на Ниле». Как и наша республика, египетская литература и искусство в движении и борении. Выходят в свет не только новые книги. Больше стало в стране литературно-художественных журналов. Заботами московского Большого театра создан балет. Есть национальная Академия искусств. Реалистическое направление получил театр. И я решил написать для него новую пьесу.

— О чем она, если не секрет?

— От друзей секретов не держу. Называется пьеса «Остров золота». Два героя, офицер-египтянин и врач-израильтянка, оказались на одном острове.

— Ну, и...

— В этом и весь вопрос.

Идрис хитро посмотрел на меня. Задал, мол, задачку. И неожиданно спросил:

— Вы были на фронте? Нет еще? Поезжайте. Может быть, увидев все, вы и поможете мне решить этот вопрос.

Мы распрощались.

А на следующее утро я отправился на фронт.

С ЧЕМ СРАВНИТЬ!

Уже в начале очерка я говорил, что чем ближе к фронту, тем больше автоматчиков. И не только автоматчиков... Суровость обстановки с приближением к Суэцу чувствуется на каждом шагу: в часто встречающихся контрольно-пропускных пунктах, в отсутствии на дороге гражданских машин, а главное — суровостью, напряженностью дышит горячая, желтая пустыня.

Суэц, порт Тауфик, Исмаилия, Порт-Саид, когда-то, да что когда-то, совсем недавно славившиеся на весь мир своим гостеприимством, четким рабочим ритмом, яркостью вечерних огней, беззаботностью туристов, веселостью граждан. На рейде стояли корабли под флагами всех стран. Словно гигантские лебеди, проплывали суда по каналу из Красного моря в Средиземное и обратно. До 80 судов проходило в сутки. Около 10 тысяч человек работало в Суэцком порту. Когда спадал зной, в многочисленных кофейнях под открытым небом местные жители пили чай, турецкий кофе, обсуждая неторопливо мирские дела. Развлекались на террасах ресторанов иностранные гости.

Это как бы портрет с натуры. Сам все видел. И вот перед глазами другая картина. С чем ее сравнить? Я воевал. Знаю, что такое кровь, слезы, разрушения. Перед глазами встает Сталинград, Орел, Мценск, Ливны. Другого сравнения не подыщешь. Оно самое точное. Ну, а как передать это ощущение молодым, которым трудно — и счастье, великое счастье, что трудно,— все это представить? Но ты, может быть, видел, молодой читатель, макет нового города, которых у нас строится очень много. Помнишь, макет сделан из папье-маше, картона, гипса? Наверное, видел. И вот представь себе, что по этому хрупкому белому макету протопали тяжелые, пыльные сапоги. Представляешь, а? Так вот это все, что осталось от прекрасных, белостенных, живых городов Суэцкого канала.

Они мертвы.

— Разбиты заводы, затоплены корабли. Суэц испытал жестокие бомбардировки,— рассказывал нам губернатор Суэца Мухиддин Хафаг в своем бомбоубежище, служащем ему и домом,— количество артиллерийских обстрелов трудно подсчитать. Беспрерывно днем и ночью. Нанесен ущерб в пятьсот миллионов фунтов. Это только Суэц.

В городе остались те, кто обеспечивает фронтовиков водой и электричеством, да служащие больницы. Есть два-три жалких магазинчика, торгующих парфюмерией, консервами, расческами, сигаретами.

— Торговли как таковой не существует,— сказал мне хозяин магазинчика Кямель Али.— Разве это ассортимент? Аллах свидетель, все пропало.

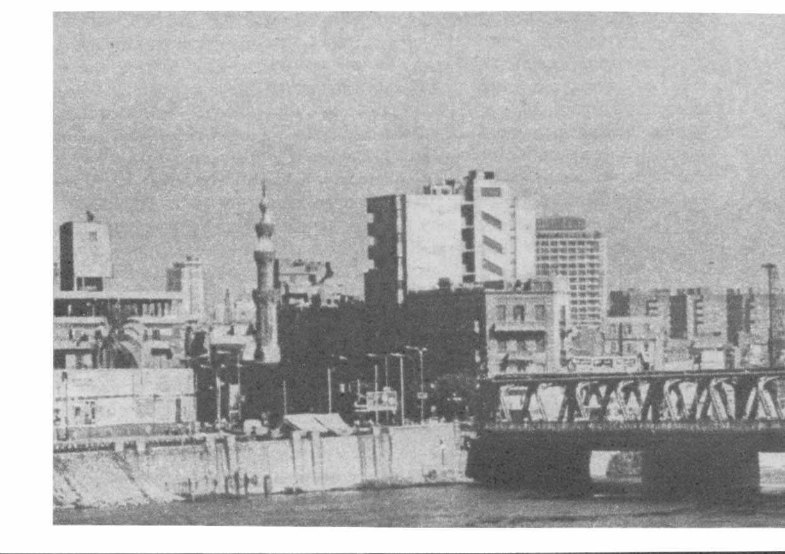
Раз есть магазин, хоть и такой, должен быть и покупатель. И он не заставил себя долго ждать. Пришел купить мыло Аяд Искандер. Рассказал о себе. Работал в порту. Дом его разрушен. Четверо детей и жена эвакуированы. Оставлен в команде по поддержке уцелевших судов.

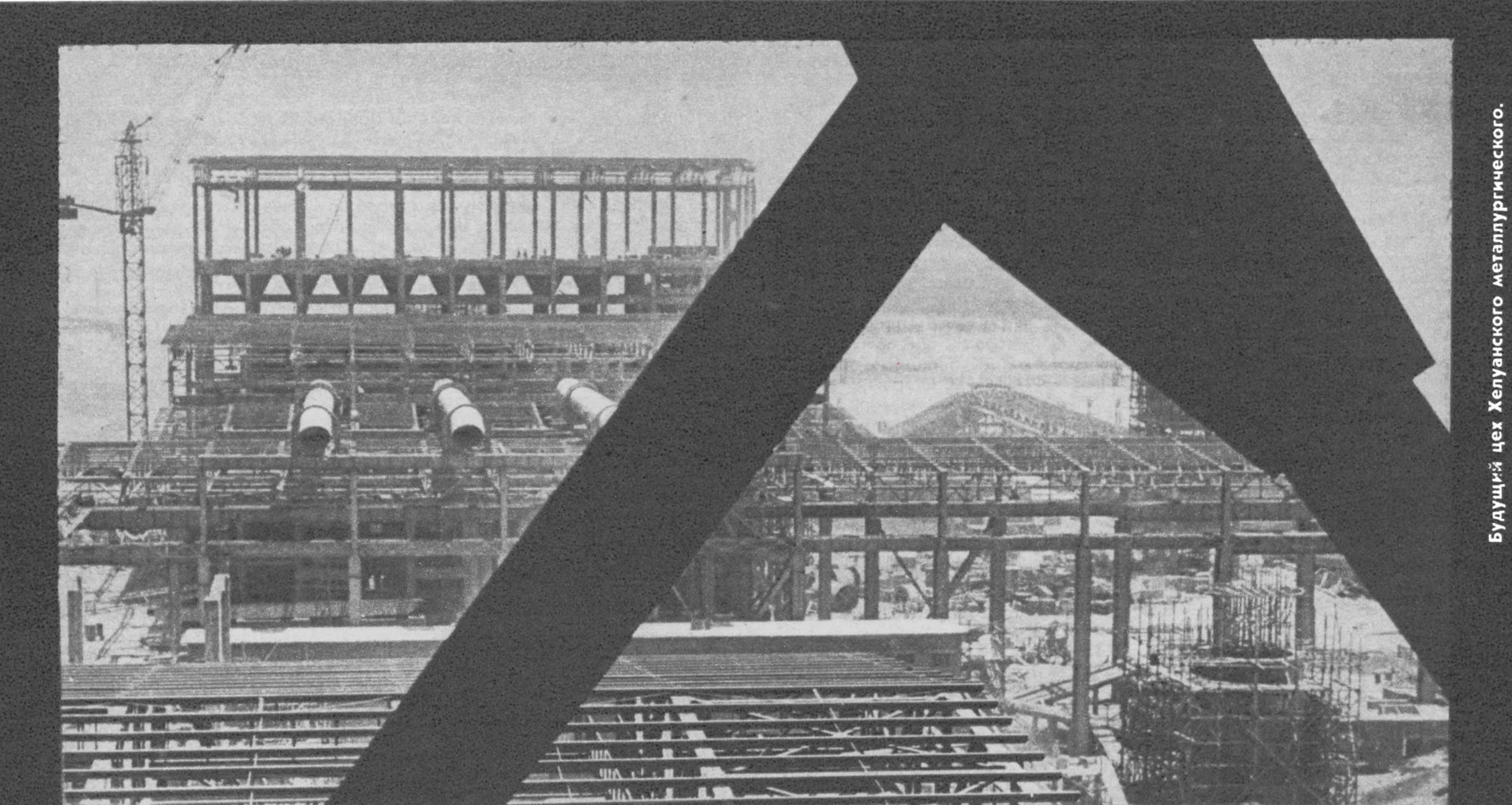
Уезжал я обратно в угнетенном состоянии. Но, встречаясь с египтянами на предприятиях и в деревне, на улицах Каира и Александрии, в их фигурах, жестах, речах я видел, чувствовал, слышал уверенность, гордость, силу и понял: будущее за ними.

Каир — Москва.

Они вместе строят доменную печь на Хелуане: инженеры Камаль Бульос и Евгений Блинов.

АРЕ

Будущий цех Хелуанского металлургического.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА
специального
корреспондента
«Огонька»

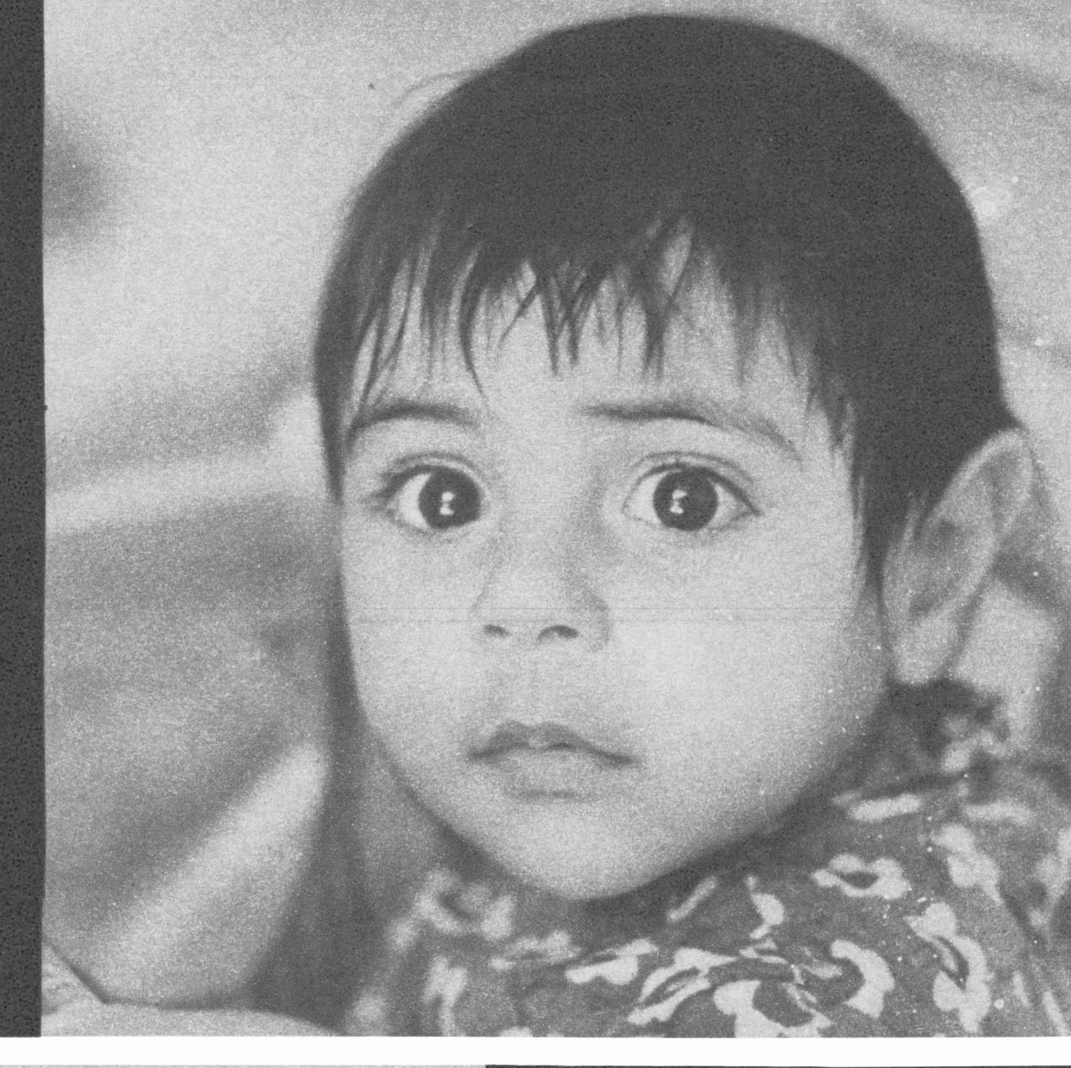
Египет. Как много связано с этим именем в истории человечества! Колыбель цивилизации. Величайший оазис земного шара — называли его географы. Здесь процветали науки — математика, физика, астрономия, создавались удивительные скульптуры и фрески, поэмы и стихи, сооружались архитектурные шедевры, до сих пор удивляющие мир своим изяществом, четкостью пропорций, совершенством строительного мастерства.

Перед гением прошлого современник почтительно склоняет голову.

И вдруг все это живое и гордое замерло. Страну как бы закрыли непроницаемым колпаком. Пришли оккупанты и тысячелетия грабили, терзали, уничтожали.

Века и десятилетия...

На древнюю землю пришла свобода.

Широко открыты глаза на мир. Каков он! Мир должен быть добрым.

Центр Каира.

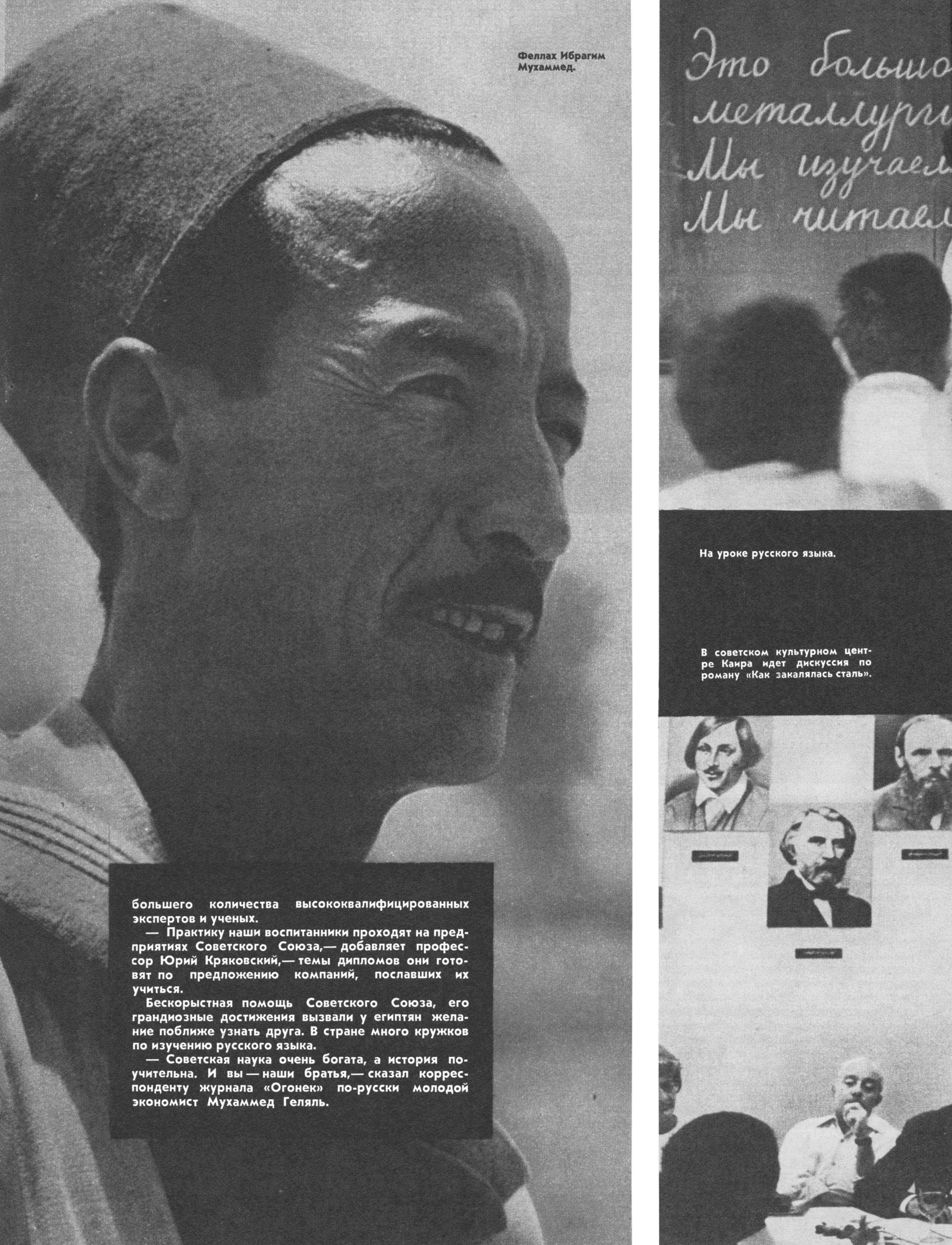
Это улица порта Тауфик.

Навсегда были изгнаны колонизаторы. Народ вздохнул полной грудью. И принялся строить с таким упоением и страстью, словно разом отдавал свою энергию, хранимую тысячелетия, для счастливого дня.

Феллах наконец стал хозяином земли. Возникли новые фабрики и заводы, электростанции и деревни. Да, да, деревни. Иссохшая пустыня наконец-то получила влагу. Во весь голос заговорили поэты и художники. Открылись аудитории вузов и классы школ. Страна строит и учится. Новый Эль-Таббинский горно-металлургический институт. В его многочисленных лабораториях совершенствуются и овладевают новыми знаниями будущие командиры тяжелой индустрии Арабской Республики Египет. Здесь, как и на многих предприятиях страны, рядом, рука об руку трудятся советские и арабские специалисты, профессора, доктора наук.

— Этот институт,— говорит его ректор доктор Ахмед Рашед,— является фундаментом развивающейся тяжелой индустрии республики. Она требует все

Феллах Ибрагим Мухаммед.

На уроке русского языка.

В советском культурном центре Каира идет дискуссия по роману «Как закалялась сталь».

большего количества высококвалифицированных экспертов и ученых.

— Практику наши воспитанники проходят на предприятиях Советского Союза,— добавляет профессор Юрий Кряковский,— темы дипломов они готовят по предложению компаний, пославших их учиться.

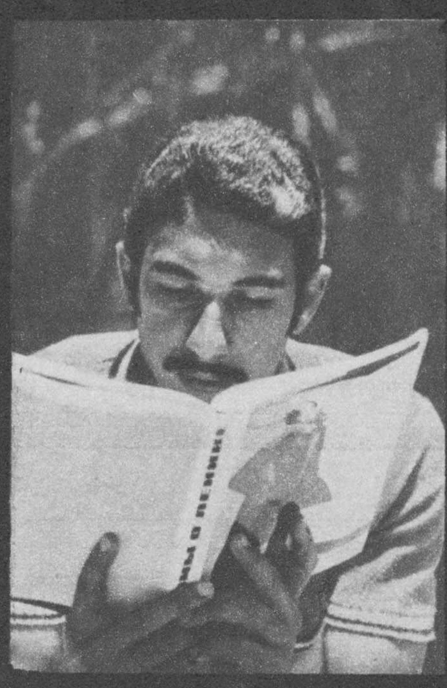
Бескорыстная помощь Советского Союза, его грандиозные достижения вызвали у египтян желание поближе узнать друга. В стране много кружков по изучению русского языка.

— Советская наука очень богата, а история поучительна. И вы — наши братья,— сказал корреспонденту журнала «Огонек» по-русски молодой экономист Мухаммед Геляль.

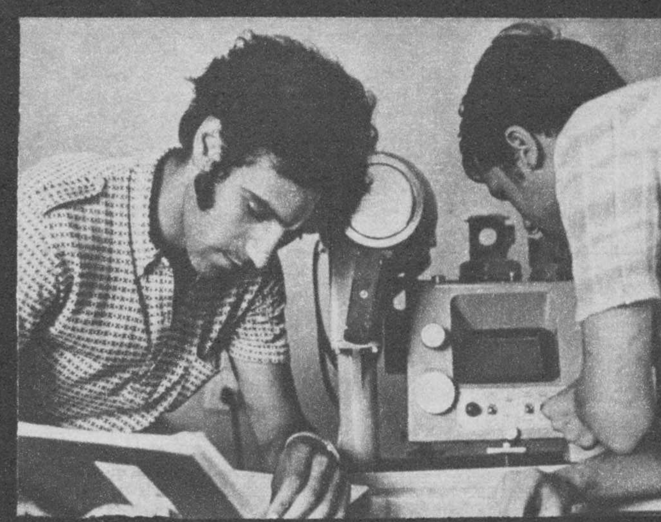
Достижения АРЕ были бы еще более значительными, если бы не война, не агрессия Израиля. Но народ Египта теперь узнал, как бороться за свою свободу. Покорить его нельзя. Даже древние камни встанут на его защиту.

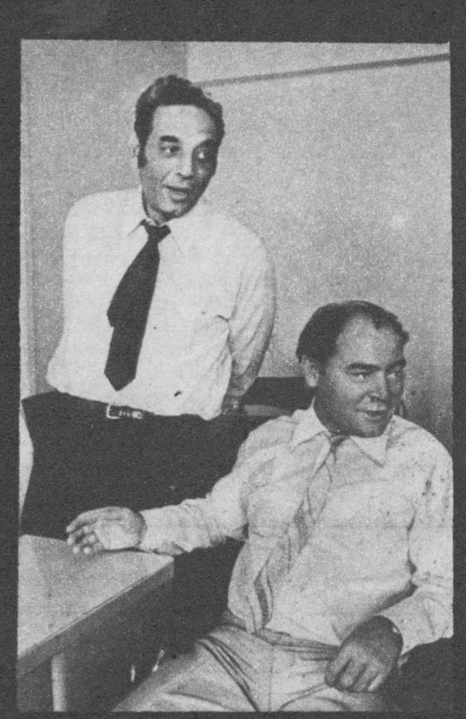

Мухаммед Геляль читает «Поэму о Ленине».

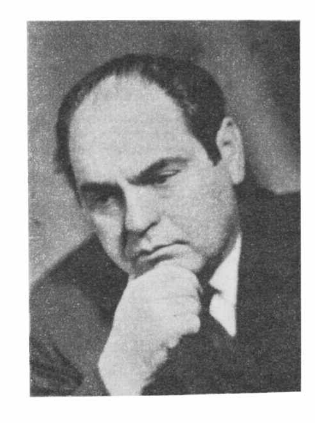

Инженеры-металлурги Ахмед Надин и Хамди Зиеда в лаборатории.

Руководители Эль-Таббинского института доктор Юрий Кряковский и ректор Ахмед Рашед.

ПРОТАЛИНКА

Василий НОЗДРЕВ

БОЧАГИ

У речушек русских много бродов,
Много темно-синих бочажков!
В их незамутненных, тихих водах
Уйма пескарей и окуньков.

В ранний час, когда зарею — зримо
В бочаги нисходит тишина,
Путнику с тропинки ощутимо,
Как прохладой дышит глубина.

Что ни месяц, то своя погода,
Наконец приходит к нам жара.
В бочаги ныряет прямо с хода
Деревень прибрежных детвора.

Полюбил я бочаги отчизны,
С детства полюбил и навсегда:
В них необходимая для жизни
Чистая, прозрачная вода.

ПАМЯТЬ

Природа дарила нам память,
И это был умный расчет:
И в светлые годы и в замять
Ведет она строгий учет.
Свершеньям великим, провалам,
И взлетам, и темным делам,
Потом, как ни в чем не бывало,
На суд отдает это нам.
Кто мыслил и жил недостойно,
Не спит по ночам неспроста,
Тот старость лишь встретит спокойно,
Чья совесть, как детство, чиста.

ДЕДОВСКАЯ ЛИПА

Сестре Ульяне

Цветет у окон липа молодая,
Настоян воздух сада на меду.
Я нынче вспомнил снова, дорогая,
Ту, нашу липу в дедовском саду.
Она была высокой, многолетней,
У всей деревни нашей на виду,
Дышал ее настоем вечер летний,
Заря купалась лебедем в пруду.
И каждый день в ту пору был воскресным,
Слетались пчелы ближних деревень,
И нам казалось, колокол небесный
Гудит, не затихая, целый день.
А если глыбой туча грозовая
Нежданно повисала над селом,
То пчелы, низко-низко проплывая,
Живою сетью закрывали дом.
Летели пчелы мирные, летели,
Отяжелев, теряли высоту.
Стрижи, кружа, от воздуха хмелели,
Ныряли, кувыркались на лету.
Во ржи терялись тропки полевые,
В аллеях лип растили мы мечту,
Как в небо рвались липы вековые,
Так наши души рвались в высоту.
Цветет у окон липа молодая,
Настоян воздух сада на меду.
Я нынче вспомнил снова, дорогая,
Ту, нашу липу в дедовском саду.

КАПЕЛЬ

Сегодня робко на рассвете
В окошко постучал апрель.
Я, подбежав к окну, заметил,
Как с крыши падает капель.

Сначала нехотя и редко,
Цепляясь в страхе за карниз,
В сугробный круг, стреляя метко,
Летели капли с крыши вниз.

И было ясно, было ясно,
Что первые умрут в снегу.
Но не напрасно, не напрасно
Они замерзнут на бегу.

И пусть зима шипит и злится,
И нынче пусть она сильней,
Но из капели зародится
И побежит к реке ручей.

ДОВЕРИЕ

Зверье нам, людям, доверяет
Безоговорочно, вполне:
Вот лис зайчишку настигает —
И он летит под ноги мне.
В крови, превозмогая муки,
Пришла дворняга на крыльцо,
Доверчиво глядит в лицо,
Ждет помощи и лижет руки.
Когда, спасаясь от погони,
Придет во двор усталый зверь,
Услышь страданье в тихом стоне,
Открой ему, как гостю, дверь.
Знай, завтра по лесной округе,
Когда он вновь уйдет в тайгу,
Весть о тебе, как верном друге,
Вольется песнею в пургу.

* *
*

Знаю я, что в жизни будут вечно
И друзья и сильные враги.
Недругов своих рази, конечно,
А друзей, как сердце, береги.

Будет верность, будут и измены,
Будет и великая любовь:
В жизни бесконечны перемены —
Старь уходит и приходит новь.
И законам мировым согласно,
Непрерывно в жизни будет бой.
Человеку лишь одно опасно:
Душу развращающий покой.

ТРЯСОГУЗКА

На ней из серых перьев блузка
С манишкой черной на груди,
Поет на липе трясогузка
И робко на меня глядит.

Поет, как за куделью пряха:
Тихонько — для себя поет.
Но отчего же песня птахи
Меня так за душу берет?

Спасибо памяти крылатой:
С ней можно в прошлом побывать,
Увидеть дедовскую хату,
За прялками сестер и мать.

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Миновали и канули
В вечность те годы,
Когда мы расточали
Богатства природы.

С каждым годом сильнее
Желанье в народе
Быть поближе к земле,
Быть поближе к природе.

В белых шапках леса
Иль в уборе зеленом —
Мы спешим на свободе
Под вечности кроны.

Расцветают по-детски
Суровые лица,
Коль журавль затрубит
Над Москвой иль станицей.

Вижу я: у природы
Душа нараспашку,
Знать, она отвечает нам
Лаской на ласку.

ПРОТАЛИНКА

Снега, снега в лугах Десны,
Но от сосны — тепло весны.
Какая радость: хоть и маленькая,
На бугорке живет проталинка!
Когда к ней подойдешь поближе,
Проталинка — теленок рыжий.
И пар над ней висит пеленкой,
Как в час рожденья над теленком.
И дед пророчит на завалинке:
— Весна идет. Снимайте валенки.

Д. Байрамов (Ашхабад). СОВЕТ СТАРЕЙШИН.

Выставка произведений художников республик Средней Азии и Казахстана.

С. Акылбеков (Фрунзе). ОСЕНЬ НА ЮГЕ КИРГИЗИИ.

Х. Хушвахтов (Душанбе). СТРОИТЕЛИ НУРЕКА.

Выставка произведений художников республик Средней Азии и Казахстана.

Ф. ШАХМАГОНОВ

НАЙТИ ВОСКРЕСШЕГО

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. БЛИОХА.

4

Искать Шкаликова...

С чего начинать? Ну, конечно же, выписали прежде всего названия городов, станций, поселков, откуда шли Клавдии Ивановне переводы. И выходило, что Шкаликов только тем и занимался, что следы свои запутывал, все пятнадцать лет провел на колесах. Пятнадцать лет! И каждый месяц — перевод. Сто восемьдесят переводов из разных мест. И что особенно удивительно... Идет денежный перевод из Волгограда в Верею. Это в январе. В феврале в тех же примерно числах перевод отправлен из Ташкента. В марте — из Баку, в апреле — из Егорьевска, в мае — из Новороссийска, в июне — из Москвы, а в июле — из Владивостока. В этом перечислении каких только городов не было!

Собрались у меня в отделе на совещание. О Василии Михайловиче Снеткове я уже говорил. Он включился в расследование и в поиски Шкаликова с первой минуты, как только все это у нас возникло. Григорий Иванович Волоков, подполковник, обычно занимался у нас разработкой документов, изучением архивных материалов. Он поднял протоколы Колобкова, искал и другие документы. Немалая работа. Архивы разбросаны по стране, не сразу и определишь, что и в каком архиве искать. Подключил я опытного человека, майора Сретенцева. Он как раз и решал головоломку с переводами.

Попросили его доложить, как продвинулось разрешение головоломки.

— Закономерность пока не обнаружена! — коротко доложил он.

— Вариант железнодорожного проводника? — спросил я его.

— Проводник...— начал он раздумчиво.— Я вас понимаю! И проводник при таких условиях — иголка в сене...

Но эта версия слишком на поверхности... Проводник — это железная дорога. Фотография Шкаликова у нас есть... Разослали бы по управлениям кадров всех железных дорог, некоторое время спустя он и обнаружился бы! Много их, проводников, но это все же была бы надежная ниточка. Отправной момент, что ли... Не проводник он! Спрятался в глухой угол, сидит смирно.

— Хорошенькое «смирно»! Каждый месяц из разных городов весточку подает. Когда только успевает?

— Один человек этого сделать не может! — заключил Сретенцев.

— И два не могут! — заметил Волоков.

— Как сообщаются между собой все точки отправления? — спросил я Сретенцева.

— Все до одной? — переспросил он.

— Да!

— Всяко сообщаются! — ответил он.— И железными дорогами они между собой связаны, и авиалиниями, и водой...

— Вы хотите сказать, что железнодорожный узел отпадает?

Сретенцев поднял глаза, мы встретились взглядами. Вижу, тяжело ему. Не нашел точки опоры. И понимает, что торопиться надо.

— Все годится, товарищ полковник! И железнодорожный узел и аэродром... С водными путями полегче. На сто восемьдесят переводов пустяк... Важен здесь принцип: не откуда шли переводы, а кто их делал. Зацепиться не за что! Разные стоят на квитанциях отправления фамилии. Ничего не значат эти фамилии. Любую поставить можно. Но я нашел десяток схожих почерков. Считайте, что десяток переводов сделан одним и тем же почерком. Ни один из этих почерков Шкаликову не принадлежит. Значит, делали переводы многие и многие люди по его просьбе! В этот круговорот втянуто более сотни людей!

— Что же вы думаете делать? — спросил я наконец Сретенцева, догадываясь, что какое-то предположение у него есть и не очень-то он уверен в нем.

Прежде всего Сретенцев предложил подумать вот о чем... Шкаликов слал не письма, а деньги. Так-то уж первому встречному он и доверял? Проверить же, получила ли его жена перевод, он не мог... Стало быть, доверяя деньги, он должен был как-то подстраховываться возможностью встретиться с тем, кто делал перевод.

— Поставим вопрос так,— после установившегося было молчания заговорил я.— По какому принципу отбирал Шкаликов своих «первых встречных»? По внешности, по глазам, из бесед, что ли, он устанавливал, что перед ним честный человек?

— Все эти категории ненадежны! Он делал переводы через проводников пассажирских вагонов и товарных поездов. Я остановился бы на этом варианте!

Понравился этот вариант и Василию. Он оживился.

— Конечно, проводники! Через проводников! Всегда остается возможность проверить, сделан ли перевод. Подгадает, когда приходит поезд, встретит... И проводник знает, что отправителю он известен, и никуда не денется!

Сретенцев попросил две карты железных дорог страны и положил их рядом.

— Вы согласились, товарищ полковник,— начал он,— что мы можем поискать закономерность в этих переводах. Я отбросил все непонятные отклонения... На сто восемьдесят переводов да еще при такой системе могли быть и всякие неожиданности. Если отбросить исключения, хотя их немало, мы вдруг увидим...

Сретенцев начал перечислять по одному из своих списков города и железнодорожные станции. Он попросил Василия отмечать эти пункты отправления переводов на карте красным карандашом. Они находились в разных частях страны, и сначала мы не могли уловить в этом их перечислении ничего любопытного. Но вот города и станции начали повторяться. Один за другим пункты отправления переводов как бы нанизывались на невидимую ось. По просьбе Сретенцева на мой стол лег железнодорожный справочник движения пассажирских и товарных поездов. Я отодвинул справочник.

— Здесь долго копаться! Вывод?

— Все эти города,— продолжал Сретенцев, внимательно глядя на меня,— связаны одним железнодорожным узлом... Василий Михайлович, проследите по карте, где этот железнодорожный узел... Прочертите красным карандашом...

Легла одна линия, вторая, третья. Еще и еще линии, и все они скрестились в Рязани.

— Рязанский узел! — воскликнул Василий.— Но это же все можно разбрасывать и из Москвы. Москва — тоже центр пересечений!

— Справедливо! — немедленно согласился Сретенцев.— Вот тут нам должны помочь исключения... За пятнадцать лет определилась одна странность! Десять переводов пришли с железнодорожных станций... И все десять — весной. Апрель... Иногда в марте... И все десять переводов из Рязанской области... Словно бы какое-то препятствие вставало перед Шкаликовым, и он не мог попасть в Рязань... Словно стена перед ним вырастала!

— Весной? — переспросил Василий.

— Весной...

Сретенцев начал зачитывать пункты отправления весенних переводов. Василий наносил их на карту. Десять наименований на пятнадцать лет...

Василий отметил последний пункт, и все определилось. Все десять переводов ушли с левого берега Оки. Весенний разлив!

Сретенцев поставил точку:

— Мостов через Оку, действующих во время разлива в Рязанской области, нет!

Итак, сто тринадцать переводов оказались связанными между собой рязанским железнодорожным узлом, десять пришли с левого берега реки — из Рязанской области, остальные шли вразбивку, не предусмотренные никакими путями сообщения. За мной оставалось последнее слово. Никто из присутствующих гипотезу Сретенцева не отвергал.

Можно было предположить, что площадку для поисков Шкаликова, необозримую и безграничную, мы сузили до масштабов области. И не только области: левобережья Оки в области... Все же легче. Это не вся страна... Но и здесь, конечно, могли быть неожиданности.

Всех нас волновал, конечно, и незнакомец, этот неожиданный ночной гость. Он тоже искал Шкаликова. Искал своими путями. Одно было известно: если он ищет Шкаликова, то не сличением квитанций от переводов. Какой же поиск короче? Кто найдет Шкаликова быстрее, если он все же его ищет? Сколько могло оказаться жителей в левобережье Рязанской области? Сколько там городков и деревень, сколько глухих углов, где может затаиться этот Шкаликов?

Решили так. Василий поедет в Рязань, попросит помощи в областном управлении Комитета государственной безопасности и выйдет на станции. В Рязани две железнодорожные станции: Рязань-I и Рязань-II. На станциях, в проходящих поездах, он мог опрашивать проводников, не делал ли кто через них денежные переводы. Мы снабдили Василия фотографиями Шкаликова.

Сретенцеву тоже надо было ехать в Рязань и искать Шкаликова с рязанскими товарищами, искать на левобережье какую-то закономерность в возможных передвижениях отправителя переводов. Именно отправителя. Никто нам еще не дал гарантии, что переводы из Рязанской области Шкаликов отправлял самолично.

Уехали...

5

Волоков между тем нашел Раскольцева и Власьева.

Николай Павлович Власьев обнаружился в Сибири. Далеко же он забрался! Когда посмотрел я справку, что-то дрогнуло у меня. Село Третьяки. Есть у Оби приток Чулым. Это таежная река. Редко на ней встретится городок, не чаще и деревня. У Чулыма тоже немало притоков. Есть и приток Чичкаюл. Кучумово царство... Уходит дремотная история этих мест в глубь веков, во времена покорения Сибири. Чичкаюл тоже таежная река. На иной карте не отмечено на этой реке ни одного жилья. Но жилые места есть, и там обживались русские люди. Село Третьяки... На берегу Чичкаюла. На сто верст вокруг нет ни одного человеческого жилья. А в полутораста верстах стоит большое село Зимовское...

На дороге от Третьяков на Зимовское я родился. Отец мой, Алексей Федорович Дубровин, отбывал в Третьяках царскую ссылку. Мать приехала к нему на правах вольной поселенки.

Настало время появиться мне на свет. Урядник запретил ссыльному «за политику» сопровождать роженицу. Повез мою мать на лошади к фельдшеру хозяйский сынишка. Было тогда Мише Проворову пятнадцать лет. Положил мальчишка в сани берданку от лихой и неурочной встречи с серыми хозяевами леса, завернули мать в тулупы, заложили сеном, чтобы не замерзла.

Миша Проворов... Он стал близким человеком

Продолжение. См. «Огонек» № 30.

в нашем доме. Я его помню, да и как не помнить? Он стал одним из первых наших чекистов, провожал меня накануне войны в первый путь, готовил к забросу на нелегальное положение в Германию.

Третьяки... Много раз я собирался съездить на свою родину...

Власьев Николай Павлович был в Третьяках председателем большого животноводческого колхоза. Вернулся туда сразу после плена. Отлежался, отдохнул... Выбрали председателем. В конце пятидесятых годов ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

...Раскольцев был рядом. Врач с обширной частной практикой, специалист по сердечным заболеваниям. До войны он успел окончить первый курс медицинского института. Вернулся, поступил на второй курс. Окончил институт с отличием. Был направлен в одну из московских клиник, работал ординатором у известного специалиста. От него частично и унаследовал практику.

Шкаликов прятался за закрытыми ставнями, Раскольцев и Власьев не прятались, жили на виду, и даже очень на виду. Так кому же отдать предпочтение, кому мы могли бы поверить?

Но лишь только мы именно так поставили вопрос, как поняли, что он бессмыслен, не говоря о том, что и неправомерен. Вопрос о доверии к тому или другому мог встать только после встречи с ними.

Тогда мы поставили вопрос несколько иначе. К кому безопаснее обратиться, исходя из интересов дела?

Предположим, что тот, кто ищет Шкаликова, пришел бы в своих поисках к Раскольцеву или к Власьеву. Как бы выглядел этот приход?

Раскольцев — врач. Он принимает в клинике и у себя на даче. Частная практика. У него есть квартира в Москве, но на квартире он не принимает больных. Квартира невелика. Дача в двадцати минутах езды на электричке от Москвы. Там он ведет прием. К нему приезжают каждый день.

Встреча его с таким вот посланцем, который навестил Шкаликовых, могла пройти незамеченной. А если бы этот незнакомец поехал к Власьеву?

До Томска он мог доехать на поезде или долететь на самолете. А от Томска до Чичкаюла? Там ему пришлось бы пересесть на самолет местной авиалинии или плыть на пароходе. На пароходе долго... На самолете. Самолет местной авиалинии, это уже только десять пассажиров. Каждый новый человек приметен и остается в памяти. На этом перегоне, не доезжая до Третьяков, мы уже обнаружили бы следы незнакомца.

Но это еще только часть пути. В Третьяки рейсовые самолеты не летают. От последнего аэродрома местного значения до Третьяков около двухсот километров. Двести километров лесной дорогой.

...И вот прыжок на самолете до Зимовского — и мы на последнем до Третьяков аэродроме. Здесь местные жители знали друг друга в лицо. Знали здесь все и Николая Павловича Власьева. Наш товарищ из областного управления без труда установил, что за весь год к Власьеву и в Третьяки ни один человек, сколько-нибудь похожий на посетителя Шкаликовой, не приезжал. И вообще не заезжал сюда никто из лиц неизвестных. Приезжали из областной газеты корреспонденты, работники обкома партии, приезжали работники разных областных организаций. Сам Власьев не выезжал из Третьяков с весны. Весной он был на совещании, которое собирал обком партии. А дальше — посевная, сейчас в разгаре сенокос. Не до поездок председателю колхоза. Я еще не решился встретиться с ним, как вдруг в Зимовском меня настиг телефонный звонок Василия...

6

Вернемся немного назад и посмотрим, что происходило на станциях Рязань-I и Рязань-II.

Василий несколько дней кряду выходил к поездам дальнего следования и опрашивал проводников. Не так-то это было легко.

Представиться по форме нельзя. Ему могли ничего не ответить, а Шкаликову сообщить, что им интересуются чекисты.

К станции Рязань-II подошел поезд Волгоград — Москва. Василий начал опрос с первого вагона. Шел от проводника к проводнику. Приглянулась ему проводница попроще и подобрее, угадал он общительный ее нрав.

— Скажите,— начал он,— вам никогда не приходилось делать денежные переводы?

Что и говорить, вопрос от незнакомого человека довольно удивительный и даже в какой-то степени нелепый. Но надо знать Василия. Очки, несколько растерянный и отрешенный вид. Проводница удивилась и переспросила:

— Переводы?

— Деньги по почте никогда не посылали?

— Посылала! А вам зачем знать? — сердито ответила проводница, но любопытство взяло верх, и ей уже хотелось знать, почему ее об этом спрашивают.

А Василию того и нужно было — удивить, а затем и разговориться...

— Свои или чужие? — вновь спросил он.

Это уже было совсем удивительно.

— Это зачем же чужие? А кто вы такой?

Василий снял очки, и сразу беспомощным, наивным сделался весь его облик.

— Да вот тут...— заговорил он невнятной скороговоркой.— Отца разыскиваю... Ушел из дома... А деньги посылал, пока я рос. Да все под чужими фамилиями посылал, незнамо откуда! Мать не искала его... Я хочу найти, отец все же!

В точку попал.

— Вот оно что! — воскликнула проводница.— Слыхала я что-то! Беги в десятый! Спросишь Пчелкина!

Василию пришлось действительно бежать. Поезд стоит недолго. Пчелкина упустить никак нельзя.

У десятого вагона беседовали два проводника.

— Кто из вас Пчелкин? — спросил, подбегая, Василий.

— Ну, я! — ответил проводник постарше.

— Мне на вас из третьего вагона указали...

— Семечки, что ли, покупаешь? — спросил в ответ Пчелкин.

— Нет, не семечки.. Отца разыскиваю!

Пчелкин оказался человеком не без юмора. Он тут же ответил:

— Я детей не терял!

Смех — великое дело. Рассмеялись Пчелкин и его товарищ, и все стало близким и возможным, холодок отчужденности при встрече незнакомых людей растаял. Василий, как бы оправдываясь за свое неудачное обращение, объяснил:

— Ушел из дома... Отец ушел... Пятнадцать лет посылал мне деньги, пока рос, и никак не объявлялся! То из Баку, то из Волгограда, то из Арчеды... Мать не искала его! Я ищу! Все же мне-то он отец родной...

Пчелкин снисходительно улыбнулся.

— Знаю я твоего отца!

На встречный путь в это время подошел поезд из Москвы. Итак, в Москву поезд шел из Волгограда, а из Москвы — в Баку.

Пчелкин отвлекся, высматривая знакомых проводников. На платформу высыпали пассажиры. Кто совсем приехал, кто вышел прогуляться.

— Знаю, знаю я его...— продолжал Пчелкин.— Он даже мне фамилию свою называл... Запамятовал.

Василий, как и Пчелкин, оглянулся на проходящих мимо пассажиров. Прямо на него, в сером костюме, в зеркальных очках и в соломенной шляпе, шел человек, удивительно схожий с тем, которого нарисовала дочка Шкаликова, чей словесный портрет попытались перенести на бумагу наши специалисты. Василий, как говорят, не поверил своим глазам: в такую минуту всякое могло привидеться. И он пропустил гражданина мимо.

— Знаю я твоего отца! — твердо заявил Пчелкин.— Посылал я деньги по его просьбе. Он мне и фамилию свою называл...

Василий оглянулся на человека, похожего на посетителя Шкаликовой. Тот отошел уже достаточно.

— Прибытков, Прибыткин, Прибылков...— вспоминал проводник.— Он все выпить уговаривал. А мне нельзя, я на должности... Сунул в карман мне бутылку.

Василий стиснул зубы. Вот сейчас здесь будет поставлена точка. Как он его может упустить, этого незнакомца? И путь к нему короче, чем от проводника к Шкаликову. А Пчелкин говорил и говорил, не называя главного:

— Он здесь где-то неподалеку живет... Постой-ка! Он говорил, что у него дочь, а не сын...

— Так он же, наверное, нарочно так говорил! — нашелся Василий.— Скрывался — вот и говорил...

— Притыков! — воскликнул проводник.— Герасим Иванович! Точно! Каждое второе число он здесь на платформе появляется.. Найдешь?

— Спасибо! — воскликнул Василий и нырнул в поток пассажиров, не упуская из вида поразившего его человека.

— Постой! Погоди! — крикнул ему вслед удивленный Пчелкин.

Может быть, этот возглас сыграл роль, а скорее всего таков был принцип у Сальге — он вдруг поднялся в вагон. Сразу за ним в тот же вагон подниматься было нельзя. Это все и сразу провалить, обнаружить, что за ним слежка. Василий остановился возле проводника соседнего вагона. Площадки вагонов соседствовали.

— Места есть? — спросил Василий, чтобы как-то завязать разговор.

— Есть места! Есть! — воскликнул проводник.— Куда ехать?

В этой спешке выпали из памяти у Василия все промежуточные станции.

— В Баку! — ответил он.

— В Баку! Надо билет, браток, взять! Беги! Поезд еще постоит.

Надо отходить, больше здесь делать нечего. Василий сделал два шага к тому тамбуру, в котором скрылся Сальге. Дверь была открыта и на другой стороне тамбура. Василий поднялся и заглянул внутрь вагона. В коридоре стояли несколько пассажиров. Так вот просто и без билета в «мягкий» вагон не сядешь. Осторожно, не сразу высовываясь, Василий поглядел на платформу с другой стороны поезда. У самых вагонов кое-где стояли пассажиры этого поезда. Вышли поразмяться. «Его» не было видно. Здесь тамбур был открыт на две стороны, так могло быть и в других вагонах. Василий опустился на ту платформу, по которой шли пассажиры на переход через пути. И на этой платформе его не было.

«Если бы это не «он», не исчез бы!» — так рассудил Василий.

По междугородным телефонным проводам он начал поиски и нашел меня в Зимовском.

Доклад был лаконичен.

— Говорю из Рязани! На нашего «друга» вышел... Известна фамилия... Видел незнакомца... Ушел! Он тоже ищет!

— Поспешите! — приказал я Василию.— Берегите нашего «друга»!..

7

Итак, вот он и Власьев. Сталинградец, гвардеец... Тот, кто выдержал сталинградскую оборону...

Невысок он ростом, сибиряки больше в кость раздаются. Легко спрыгнул с коня, провел пальцами по усам, стряхивая пыль, и к нам. Мы его в правлении ждали.

Твердая поступь, не смягчилась солдатская выправка. Окинул нас коротким взглядом из-под седых, надвинувшихся на глаза бровей. Поздоровались... Сел за свой стол, еще раз посмотрел на нас. Томский товарищ и Волоков вышли. Мы остались вдвоем. Таиться было нечего. Я представился. Он удивился.

— Полковник? Из Москвы? Что же такое стряслось? Далекие наши края. Не говорю — глухие: нет глухих мест, где человек живет... Однако далекие.

Он еще раз взглянул на мое удостоверение.

— Дубровин? Алексеевич? У нас тут знают Алексея Федоровича Дубровина...

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Алексей Федорович — мой отец...

— Взглянуть, значит, решили, где он жил?

— И это... Но еще и дела... К вам просьба, Николай Павлович! Разговор должен остаться между нами...

— Такое уж у вас учреждение. Понимаю... Так что же? Не плен ли вспомнить приехали?

— Плен...

Власьев сдержанно вздохнул.

— Много раз вспоминать приходилось! Забыть и сам не забудешь...

— Вам что-нибудь может подсказать из далекого прошлого фамилия Шкаликов?

— Как не может! Обязательно даже может! Только что же покойника вспоминать?

— Покойника? Откуда у вас такая уверенность, что он умер?

— Как меня председателем выбрали, написал ему письмо... Знаю... По себе... Трудно нам было, кто в плену побывал. А мне люди нужны. Приглашал его работать в колхоз. Жена ответила: умер, дескать!

— Жив Шкаликов...

— Жив? Удивляться не хочу! Всякое может быть... Фокус, конечно, занятный! Но плохого вы от меня о нем не услышите! Жизнь он мне спас!

— Вы что же, без него не решились бы на побег?

— Побег? Оттуда? Из немецкого лагеря? Каждый час о побеге думал! И не я один! Только бежать некуда! Далеко не убежишь! Так хоть надежда какая, свои вот-вот придут! А побег — это очередь из автомата!

— Вас выводили на работы... Это было за пределами лагеря. Завалы, разрушения...

— Протокол нашего допроса, я вижу, вы изучили, Никита Алексеевич! Сохранился?

— Сохранился...

— Со Шкаликовым не беседовали?

— Ищем, чтобы побеседовать!

— Нового он вам ничего не расскажет! Бесполезно! Хотя придется объяснять, зачем умер!

Власьев грустно усмехнулся.

— Выжил я, товарищ полковник, потому, что умел молчать. Разные там и всякие подворачивались с разговорами о побеге... Может, кто и искренне искал попутчиков, а чаще — от лагерного начальства проверку делали... Игру такую любили. Сколотит провокатор группу для побега, соберутся. Немцы даже помогут. Только из лагеря долой — они следом... И весело, и начальству реляция: вот, дескать, какие мы молодцы ребята! Никто от нас уйти не в силах! Так и говорили: оставь надежды, всяк сюда входящий! Это чтобы у нас надежды не оставалось... Шкаликова откуда-то перевели. Шальной он, что ли, или испугался, что из нашего лагеря уже никуда и не переведут. Он прямо, в открытую предлагал всякому и каждому: бежим, и все тут!

— На этот раз вы не испугались, что это провокация?

— Я опять же ничего ему не ответил... Завалы, обвалы там всякие... Это все несущественно... Шкаликов сбил очки у солдата, тот растерялся, и Голубев вырвал у него автомат. Как застрелили фашиста, я сразу и решил: можно бежать! Если Шкаликов — провокатор, то и ему беда! Не простят! И в побеге он не выдаст...

— Вы этого не рассказывали на допросе...

— А если Шкаликов не провокатор, а просто отчаянный малый? А? Загубил бы я его таким предположением! Потому и не рассказывал...

— Почему именно он пошел на хутор договариваться? Голубев считает, что по своей смелости...

— Голубев доходил... Он обессилел от голода... Куда ему идти? Раскольцев сам не спешил... Я так считал: если Шкаликов — провокатор, зачем тогда ему в хуторе с немцами советоваться, заранее бы сказали ему, в каком месте будут они нас ожидать в засаде. Вызвался идти, пусть идет.

— Ну и как сейчас вы считаете? Провокатор он или нет?

— Никак не считаю... Не знаю! Всем, чем могу помочь, помог бы ему оправдаться!

— Помогите! Почему вы решили, что мы обязательно хотим его в чем-то обвинить? Во всяком расследовании всегда есть две стороны. Я тоже был бы рад, если бы он оказался честным человеком. Может быть, так оно и есть... Человек он сложный...

— Мне он там особо сложным не показался... Говорю, скорее шальным! Так я его для себя и объясняю... А этот фокус с тем, что он вроде бы как умер, объяснить не могу! Не виделись с той самой поры, как к следователю из особого отдела ходили...

...Все, однако, смешалось в моем повествовании. Но вернемся на аэровокзал.

...Нейхольд дождался своего гостя. Вот его приезд для нас был неожиданностью.

Я уже уехал с аэровокзала, собирался уходить домой. Доложили, что Иоахим Пайпер, он же Сальге, никуда не заезжал. Проехал в гостиницу, взял номер и спустился обедать в ресторан. О шофере такси, который, как видно, специально за ним приезжал в аэропорт, дали мне справку. Юрий Александрович Гамузов. Шофер 2-го класса. На такси работает два года. Беспартийный. Семейный: жена, двое детей. Замечаний по работе не имел. Отличный специалист. Живет под Москвой, на станции Томилино. Я попросил товарищей заняться Гамузовым.

В это время позвонили с аэродрома и доложили: прибыл господин Эдвардс. Прибыл под чужим именем...

Это уже было похоже на мистификацию. Пять лет тому назад полковник одной из иностранных разведывательных служб приезжал сюда туристом. В туристской карте указывалось и место его работы. Как же он мог решиться приехать под чужим именем? К туристской карте прикладываются обычно фотографии. Пять лет не такой уж срок, чтобы человек мог измениться до неузнаваемости. В туристской карте есть и подпись Эдвардса. Не мог за эти годы измениться и почерк. Правда, подпись за него там, в его стране, мог поставить кто-то другой. Сличение фотографии с оригиналом... Как он этого собирается избежать? Рассчитывает, что первый его приезд остался незамеченным? Или это еще более тонкая игра?

Наш интерес ко всей этой истории возник, как мы видели, с визита нынешнего Иоахима Пайпера к Шкаликовой...

Эдвардс посетил нашу страну несколько ранее. Турист, да еще в группе. Он ходил по музеям, по выставкам, осматривал достопримечательности Ленинграда и Москвы. Обычный туристический маршрут. Ходить по пятам за ним мы тогда не имели никаких оснований. Позже стало известно...

Пойдем, однако, по порядку.

Жил-был художник-реставратор Евгений Прокофьевич Казанский.

Евгений учился в Суриковском институте, но разошелся с профессурой в оценке своих работ. Не приняли его «самовыражения». Таких «самовыраженцев» в художественной среде всегда больше, чем талантов. Однако Казанский, порвав с институтом, освоил ремесло реставратора. Реставрация тоже искусство, но терпит она на второстепенных ролях и ремесленников, достаточно, конечно, искусных. Для того, чтобы платили деньги, надо было овладеть ремеслом. Евгений им овладел...

В мастерской он расчищал древние иконы.

В его мастерскую, которую он разместил в гараже своего друга на окраине Москвы, привели однажды корреспондента иностранной газеты господина Нейхольда.

Нейхольд, конечно, сразу оценил, с кем он имеет дело.

Очередная корреспонденция в газету. А дальше? Дальше видно будет. Как на все это отреагирует Казанский? Через реставратора можно что-нибудь купить из модной так теперь древней живописи.

Опять же все это осталось бы мелкой авантюрой, и только.

Черный рынок, какой бы там товар ни шел, всегда привлекал внимание разведок. Торговля иконами из-под полы, сопутствующие этому валютные сделки и есть та самая мутная водица, в которой рыбку ловить!

Статья на Западе обрадовала Казанского. С легкостью необыкновенной он аплодисменты врагов принял за международное признание.

Нейхольд купил у него несколько картин. Расплатился щедро. Сделка была совершена без нарушения закона. Нейхольд заплатил советскими деньгами. Казанский купил кооперативную квартиру и оборудовал ее под мастерскую.

Нейхольд привел к нему в дом своих коллег. Евгений Прокофьевич быстро усвоил, что́ производит впечатление на западного человека. Ему и невдомек было, что «впечатление» наигрывалось.

Он расставил по стенам огромные иконы в сияющих бронзовых ризах, которые за полной ненадобностью отказывались брать музеи, расписал потолки библейскими сюжетами на тему Страшного суда. В большой комнате с потолка на посетителей глядел огромный немигающий синий глаз, в зрачке отражался человек без головы.

Примерно к этому времени он отпустил густую черную бороду.

Дальше все шло по схеме: Нейхольд изъявил желание купить у него новую картину. Художник уже входил во вкус своей славы на Западе. За картину он заломил несуразную сумму. Нейхольд замялся. Казанский решил не уступать. Тогда Нейхольд объяснил «сомнения». Он купил бы. Но сумма велика! Она и не велика, но... Словом, Нейхольд разъяснил, что на эту сумму он должен обменять доллары в банке. По официальному курсу. Если Казанский согласился бы взять долларами, ему, Нейхольду, было бы легче. Они могли бы сделать пересчет стоимости на доллары по курсу черного рынка. Нейхольд просил засчитать ему доллар за три рубля.

Сделка была для Евгения Прокофьевича фантастически выгодной. Он взял доллары и этим нарушил закон о валютных операциях.

Доллары Казанский пристроил по пять рублей за один.

Он купил «Москвич» по доверенности. Побаивался все же, что кто-то заинтересуется, на какие деньги купил машину скромный реставратор.

Нейхольд, как нарочно, интереса к его картинам больше не проявлял. Не покупал. Казанский намекнул ему, что они могли бы повторить комбинацию. Нейхольд пожаловался, что терпит затруднения с деньгами... Но вот его друзья, люди очень богатые, хотели бы приобрести старинную икону... Хорошую икону. Не классику, конечно, но чтобы это была работа настоящих мастеров иконописи. Нашлась и икона в коллекции Казанского. Сделка состоялась через Нейхольда. Казанский опять сбыл доллары. Еще икона. Еще и еще...

Сделал Нейхольд и особый заказ. Попросил для клиента, миллионера, икону пятнадцатого или шестнадцатого века, из круга больших мастеров. Казанский объяснил, что такого рода иконы — большая редкость, но Нейхольд продолжал уговаривать Евгения. В его уговорах проскользнула даже подсказка... Что, дескать, миллионер в древней живописи не специалист, а Казанский — такой мастер-реставратор...

И вот с одной из старых, но утраченных икон он снял паволоку. Наклеил на доску. Изготовил левкас и выбрал сюжет...

Время шло...

Нейхольд привез Эдвардса. Встреча льва с котенком.

Изобразить миллионера Эдвардсу не составило труда. Он осмотрел мастерскую, картины Казанского, иконы. Восторгов не выражал, он был весь «нетерпение»...

Казанский, в душе все же робея, положил на стол свою подделку.

— О-о-о! — воскликнул Эдвардс и посмотрел выразительно на Нейхольда.

Нейхольд на немой вопрос ответил легким кивком головы. Казанский мог оценить, что западный друг блюдет его интересы.

Эдвардс лениво опустил руку в боковой карман и извлек оттуда бумажник. Двумя пальцами вытащил из бумажника пачку стодолларовых купюр и небрежно бросил ее на стол.

Нейхольд подвинул пачку Казанскому.

— Здесь тысяча долларов, господин Казанский! — сказал он. — Мой друг просит вас написать ему точное название сюжета иконы, обозначить школу и время исполнения... Желательно также знать ее происхождение...

— Пишите! — предложил Казанский. — Пишите, я продиктую...

Нейхольд отрицательно покачал головой.

— Моя запись, господин Казанский, ничего не стоит... Нужна ваша запись... И подпись... Это как заключение эксперта.

Просьба обеспокоила Казанского. Подпись, заключение. На столе лежала зеленая пачка. Он давно имел заказ на такую сумму долларов от спекулянтов валютой. С другой стороны, чем могла грозить такая запись? К чему она относилась? Кому он ее дал? О чем она говорит?

Казанский написал фламастером на обратной стороне доски: «Иоанн Предтеча. Ангел пустыни. XVI век. Вывезена из Каргополя, Архангельской области. Предположительно новгородская школа. Е. Казанский».

Казанский не отказал себе в удовольствии небрежно, не считая, бросить доллары в ящик стола.

Столь же небрежно он предложил:

— Коньяк? Виски? Джин?

Сам того не ведая, он демонстрировал Эдвардсу выучку, которую прошел у Нейхольда.

Налили коньяк.

Евгений Прокофьевич оживился. Начал пояснять:

— Редчайший сюжет! Ваш друг, господин Нейхольд, останется доволен. Не всегда турист может похвастаться такой находкой...

— Находка стоит тысячу долларов! — заметил Нейхольд.

Казанский нашелся:

— У вас на Западе она стоит в десять раз дороже...

— Все может быть! — слегка насмешливо согласился Нейхольд. — Если нет ошибки и это действительно шестнадцатый век... Последнее время очень много ошибок, дорогой Евгений!

Тогда же Нейхольд пообещал встретить Казанского в Европе и познакомить с самыми известными художниками.

— Пора, пора, Евгений, выходить вам по-настоящему на международную арену! — воскликнул он.

А скоро Казанский купил путевку — туристический маршрут вокруг Европы. Выехал он

двумя месяцами ранее визита незнакомца к Шкаликовой.

Нейхольд сдержал слово. Они встретились в одном из крупных европейских городов. Нейхольд позвонил в гостиницу по телефону. И здесь Казанскому надо было бы задуматься, откуда у Нейхольда такая осведомленность. В городе группа советских туристов должна была пробыть всего лишь два дня.

Договорились по телефону, что Казанский ночью, когда его товарищи по группе лягут спать, выйдет к подъезду гостиницы.

Евгений вышел. К подъезду бесшумно подкатил черный, сверкающий лаком «ситроен». Казанский быстро нырнул в машину, «ситроен» поплыл по улицам ночного города.

— Я рад вас видеть, Евгений, на свободной земле! — воскликнул Нейхольд.

Казанский промолчал. На этой земле, однако, у него уже было имя художника...

Нейхольд привез его на одну из конспиративных квартир полковника Эдвардса.

Эдвардс в России не знал русского языка. А тут он обратился к Казанскому на русском языке, и не без иронии:

— Коньяк? Джин? Виски? Лучшие сорта!

— Вы говорите по-русски?

Эдвардс живо ответил, и даже акцента не слышалось:

— Я коллекционирую русские иконы! Надо изучать русский язык!

Резким движением Эдвардс подвинул кресло. Дальнейшее развернулось в стремительном темпе.

Эдвардс снял со стены икону, приобретенную у Казанского, и строго спросил:

— Это ваша икона?

Евгений взял икону из рук Эдвардса, провел по ее поверхности пальцами, перевернул доску. Эдвардс указал на надпись:

— Это звучит как утверждение! Именно ее я купил у вас за тысячу долларов? Не правда ли?

— Она самая...

— Я хотел бы, Евгений, расторгнуть сделку! Вашу икону осмотрели эксперты... Они признали ее подделкой! Когда я могу получить обратно мои доллары?

Не знал Казанский и другого: он продавал доллары валютчику, которого навел на него Нейхольд. Эдвардс совершенно точно знал, что его доллары уже давно ушли.

Вступил в разговор и Нейхольд.

Он сухим, деловым тоном проинформировал, что по законам той страны, где они находились, подделка произведения искусства каралась очень и очень сурово.

Казанский снял пиджак, часы с руки и предложил все это взять у него в залог. Эдвардс опять усадил его в кресло. Пошел главный разговор.

— Мы понимаем, — начал Эдвардс. — Художнику, чтобы стать известным, нужно много денег! Холсты, краски, представительство... Зачем же, Евгений, добывать деньги с таким риском? Продавать иконы за доллары! Это у вас в стране называется спекуляцией и нарушением валютных правил. Продавать подделку за подлинник... Это еще опасней! И еще опаснее продавать доллары!

Тогда, впрочем, делаю оговорку, этим намеком о продаже Казанским долларов Эдвардс и ограничился.

— Угроза... и обещание помочь? Как вас понимать? — спросил Казанский.

И Эдвардс сказал:

— Успокойтесь! Я предлагаю вам более простой и легкий способ заработать деньги! Много денег...

— Шпионаж?

Эдвардс насмешливо посмотрел на Казанского.

— Шпионаж — это профессия, господин Казанский... Вы художник! Я предлагаю вам маленький бизнес... К вам обратится человек, который попросит передать... Придется передать посылочку. Кому? Мы скажем в свое время... Абсолютно безопасно!

— Что я должен буду передать?

— Оставьте! Это менее опасно, чем торговать иконами...

— Коньяк, виски? — спросил насмешливо Нейхольд.

— Виски! — с сердцем ответил Казанский.

Тиски сжались. Он наконец почувствовал, что с ним играют, как кошка с мышкой, что этой силе, этому давлению он здесь ничего противопоставить не может!

Оставалась какая-то надежда затаиться и... Но и здесь Эдвардс отсекал ему пути.

— Мы не берем у вас подписки! Это нам не требуется. Я надеюсь, понимаете, что если нам понадобится, мы вас найдем! Теперь пароль... Его назовут вам... Вы знаете, что такое пароль?

Нейхольд взял со стола икону. Повертел ее в руках, как бы в раздумье проговорил:

— Ангел пустыни... Эффектно? И ошибки не будет! Кому в голову придет употребить такие слова?

— Для подтверждения: привет от Эдвардса! — добавил Эдвардс и встал, давая понять, что разговор закончен.

Казанский вернулся в Москву в растерянных чувствах. Но шло время. К нему никто не обращался.

И вот Эдвардс в Москве. Второй раз, пять лет спустя... Под чужим именем!

Продолжение следует.

ГОСТИ ИЗ ФРГ

Имя этой энергичной женщины — Элизабет Ноэлль Нойманн. Когда ей было еще восемь лет, Ноэлль решила стать журналисткой. В десять лет она уже выпускала в школе газету. Первая неудача, первое столкновение с жизнью: директор закрывает газету и впредь не разрешает ее выпускать. В Германии приходит к власти фашизм. Ноэлль Нойманн в 1937 году уезжает в США, где поступает на журналистские курсы, затем готовит кандидатскую диссертацию на тему: «Что делают американские газеты для того, чтобы вызвать интерес у женщин-читательниц?». Тогда еще молодой Джордж Гэллап, ныне руководитель крупнейшего в США Института общественного мнения, в работе над своей докторской диссертацией впервые применил метод массового опроса граждан. Это очень заинтересовало Ноэлль Нойманн.

Вернувшись из США, побывав во многих других странах, Ноэлль решила создать в Германии институт общественного мнения. Но началась вторая мировая война. Дерзкие планы были отложены. Ноэлль пишет статьи, но они явно не устраивают гитлеровцев. Два судебных процесса. Гонения. Только через два года после окончания войны она сумела осуществить свою мечту. Начало созданию института было положено. Ноэлль проводит первый опрос по заданию газеты «Ди вельт». Институт пускает корни и превращается в крупную признанную организацию, которой руководит профессор Ноэлль Нойманн.

Недавно она уже второй раз посетила Москву и побывала в редакции журнала «Огонек» вместе с советскими учеными Н. С. Мансуровым и В. М. Ковченковым, которые занимаются изучением общественного мнения в нашей стране. Правда, сказал нам Мансуров, характер массовых опросов у нас различен, ибо оба наши института представляют разные общественно-социальные системы, но взаимный обмен опытом в методах работы представляет большой интерес и открывает возможности сотрудничества между институтами.

Мы обратились с рядом вопросов к г-же Ноэлль Нойманн.

ВОПРОС. Не могли бы вы рассказать о последних работах института?

ОТВЕТ. В последнее время, особенно в период борьбы за ратификацию договоров ФРГ с СССР и ПНР, мы получали много заказов от журнала «Штерн». Выполнять их надо буквально в течение нескольких дней. Вы, наверное, помните, когда в бундестаге был поставлен вопрос о недоверии Брандту? Наш институт по заданию журнала «Штерн» немедленно провел опрос населения на тему: «Вы за Брандта или Барцеля?».

ВОПРОС. Каковы же были итоги этого опроса?

ОТВЕТ. За Брандта — 55 процентов, за Барцеля — около 30 процентов.

ВОПРОС. Не могли бы вы сказать, в каком направлении после второй мировой войны развивалось общественное мнение ФРГ?

ОТВЕТ. До 1961 года среди населения ФРГ царила атмосфера замкнутости. Но затем стал все больше расти интерес к восточным странам. С 1967 года наступил резкий перелом в сознании людей. Тогда я опубликовала статью «Совершенно другая атмосфера». В этот период среди западных немцев начала расти тенденция к налаживанию отношений с ГДР. Я могу с полной уверенностью сказать, что правительство Брандта начало проводить политику мирного сосуществования по воле населения.

Март 1971 года. Опрос нашего института подтверждает: большинство населения выступает в поддержку восточных договоров. Журнал «Штерн» публиковал результаты наших опросов. И я должна заметить, что это подействовало отрезвляюще на ряд политиков, которые раньше блокировались с оппозицией.

ВОПРОС. Сколько ваш институт проводит исследований в течение года?

ОТВЕТ. Около двухсот.

ВОПРОС. Каково ваше впечатление от второго визита в Москву?

ОТВЕТ. Я здесь не турист. Все свое время я трачу на посещение ваших научных центров. Впечатление самое благоприятное. Ваши студенты и аспиранты занимаются конкретными исследованиями. Они работают интенсивно, заинтересованно. В институтах мне задавали конкретные и деловые вопросы. Это говорит не о вежливости, а о научной заинтересованности. Я твердо убеждена, что имеется много сфер, в которых мы могли бы работать совместно. Хочу еще добавить, что в Москве я чувствую себя великолепно.

В. ПЛАХТЮРИН

На снимке: профессор Ноэлль Нойманн и ее помощник Фойзер в редакции журнала «Огонек».

Фото А. Гостева.

ЧИТАТЕЛИ О ПОВЕСТИ АНАТОЛИЯ КАЛИНИНА «ВОЗВРАТА НЕТ»

«Мы, работницы фабрики, прочитали повесть А. Калинина «Возврата нет» (Огонек» №№ 34—38, 1971 год). Очень она нам понравилась... и будем еще читать — и до тех пор, пока не появится на экране... Все нам нравится в повести. Читали — и картины одна за другой менялись; нам хотелось: вот бы кино такое показали». И подпись: «А. К. Крепкова и ее подруги по работе». Ниже приписка: «Извините, если что не так, это от хорошего чувства я не могла удержаться и не написать, хотя никогда и не писала».

Трудно пройти мимо такого письма.

Выяснили, что повесть собирается экранизировать известный советский кинорежиссер Алексей Александрович Салтыков. С его фильмами хорошо знаком зритель: «Председатель», «Бабье царство», «Директор». Работа над сценарием близка к завершению. Уже найдена актриса на роль Антонины Кашириной — Нонна Мордюкова. «Влюблена я и в образ и в книгу», — призналась она. Есть кандидаты и на другие роли: Олег Стриженов — Никитин, Ольга Прохорова — Ирина, Николай Еременко — Григорий, Борис Кудрявцев — Неверов.

На вопрос, что же привлекло режиссера в повести «Возврата нет», А. Салтыков ответил: «Особая нравственная красота простой деревенской женщины, человека наших дней». Мы попросили раскрыть эти слова, рассказать, каким он видит свой будущий фильм.

— Мне кажется, что и в облике и в судьбе, а главное, в характере Антонины есть что-то подобное летящей птице, — сказал режиссер. — Птица, одиноко гнездящаяся на яру и радующаяся, что кончилось ее одиночество. Она как бы встрепенулась и вся раскрылась для любви — и вновь одинока. Да, это была ее первая и последняя любовь. Есть, говорят, птицы-однолюбы. У Антонины ничего не может быть и нет вполчувства. У нее вообще нет золотой серединки, которая устроила бы таких, как Неверов. Она наделена даром любви настолько, что ей его хватает и на Никитина, и на Григория, и даже на Ирину. «Выше любви ничего не может быть». Ей, узнавшей наконец, что такое любовь, это особенно хорошо известно. Вот почему у нее и ничего утаенного, скрытого от любви нет и быть не может. Ибо она, любовь, и только она в с е смывает. Так она в конце концов смывает — если это большая любовь — вину Никитина и Ирины перед ней. Антонина и теперь благодарна, что пятнадцать лет была с ним счастлива

ИСЬМА ИДУТ...

своей любовью. Только Антонина и способна понять Никитина, а значит, и Ирину. И кто знает, может быть, Антонина первая «открывает глаза» Никитину на достоинства Ирины, обращает его внимание на то, что ее есть за что любить...

Антонина так чиста и так, ей кажется, защищена своей любовью к Никитину, что ей ничего не стоит признать эти достоинства за другой женщиной.

Конечно, если говорить о фильме, то здесь должно быть показано, что она способна понять. Это возможно лишь в том случае, если, помимо Никитина, она первая разглядела в Ирине то, что достойно любви. Необходимо взглянуть попристальней на Ирину, глазами Антонины. Не раз и не два. Необходимо развернуть в фильме те ремарки и «справки», которыми обмолвился автор.

Интересно, что у Анатолия Калинина нигде в повести Антонина не берется судить и осуждать Ирину, более того — Антонина всегда на ее стороне.

И тогда, когда в мыслях спорит с Григорием, сыном. И тогда, когда дает отпор Настюре: «Люди от жары искупаться захотели...» И тогда, когда обвиняет себя: «И на нее, невестку, пусть смотрит на здоровье. Что ж из того, на нее и вообще приятно посмотреть, на такую молодую, красивую, жгучую». Что-то чувствует Антонина в Ирине своим чутким сердцем такое, за что мог полюбить ее Никитин. Что же? Это, повторяю, нам еще надо развернуть.

...Есть на Дону яр, как птица, раскрылатившийся над Задоньем, и живет в доме на яру женщина с душой — скажем прямо — столь же крылатой, предназначенной для любви. И потом, взглядывая на яр со всех сторон в разное время года и вообще в разное время, хочется взглянуть со всех сторон и на жизнь, на судьбу этой женщины, развернув вокруг яра киноповесть, разумеется, не иллюстративно. И доказывая, убеждая, почему же «возврата нет».

Просьба экранизировать новое произведение А. Калинина прозвучала не в одном письме. И будем надеяться, что придет то время, когда читатели встретятся на экране с ожившими героями повести...

Не случайно, что и в объективе читательского внимания — образ Антонины Кашириной.

«Не оставьте без внимания наше письмо», — настоятельно просит Людмила Дудникова из поселка Новостройка, Магаданской области. — В журнале была опубликована повесть Анатолия Калинина... Много было у нас споров, разных мнений, но все мы целиком и полностью на стороне Антонины Ивановны. Мы как бы вместе с ней прошли все испытания, не каждая женщина могла поступить так, не каждая может иметь столько силы и воли».

«Автор показал женщину большой души, глубоких чувств, героических поступков. Выражение ее любви противоположно обывательскому подходу к «своему» мужу. Еще, к сожалению, встречается проявление любви в виде незаслуженного охаивания другой женщины или унизительного цепляния за мужа, у которого не осталось теплых чувств к жене. Прошу передать тов. Калинину спасибо за его труд и уважение к советской женщине» — так написала нам персональный пенсионер М. М. Иоффе из Свердловска.

«Просим передать автору повести наше письмо. И большое женское спасибо за создание образа русской женщины. Образ достоин глубокого уважения... Так и стоит Антонина в глазах, сильная, волевая, умная, красивая женщина»,—говорят в письме И. С. Саттарова, Н. И. Мариева, В. Н. Ершова (Тюменская область). К их письму мы еще вернемся. Глубоко личные воспоминания навеял образ Антонины ветерану труда М. Мелькумову из Небит-Дага: «Когда передо мной стоит Каширина, председатель колхоза, передовик сельского хозяйства, мудрая, умная,— я вспоминаю свою покойную жену Александру...»

Читатель увидел основной «стержень» образа Антонины — человека самобытного, неспособного на компромиссы, умеющего понять другого. Образ не оставил равнодушным. Появилось желание поговорить о героине, выяснить особенности ее характера, ее симпатии и антипатии, вглядеться в людей, которые ее окружают. Пристально внимателен читатель к каждому шагу Антонины.

«Мы много говорили и спорили о повести. И решили, что главная ошибка Антонины в уходе только в свою семью, от всех колхозных дел...» — так думает В. Ф. Морозова (Междуреченск, Кемеровская область). А вот сейчас стоит вернуться к письму сотрудниц погрузочного управления И. Саттаровой, Н. Мариевой, В. Ершовой: «...такие Неверовы отнимают руки от любимого дела — и человек теряется...» Это читатели вспомнили страницу жизни героини, когда знаменитый председатель Бирючинского колхоза Антонина Каширина, не без деятельной «помощи» бывшего секретаря райкома Неверова, вынуждена была оказаться не у дел.

Но не такова Антонина, чтобы быть безучастной к жизни родного колхоза. Это рядом с ней рос новый председатель Бирючинского колхоза, прогремевший потом на весь район,— Никитин. («...Она из него человека сделала», — говорит в повести со своей обычной прямотой и резкостью Короткова. «...Каширина мудрее Никитина...» — подмечено в одном читательском письме.)

Но не только семейная драма Никитиных волнует читателей; возникает в письмах разговор о нравственной красоте и чистоте человека, о его достоинстве, о проблеме долга и ответственности друг перед другом, о чуткости, о вере в человека, о коммунистической морали.

Такова уж творческая индивидуальность писателя Анатолия Калинина: выписывать характеры непростые, ставить их в сложные, острые жизненные ситуации, выявлять общечеловеческое звучание проблемы, вызывая споры, раздумья. Однако писатель никогда не «обнадеживает» читателя, а однажды так и сказал: «Не обещаю я «бесспорных» вещей и в будущем. Ибо тогда я не стал бы тем, кто я есть. Ибо и сама жизнь есть постоянный спор. В большом и малом».

Читателям показались правдивыми герои повести, они нашли, что силою таланта автор сумел «вызвать» их к жизни, и зачастую в письмах звучит твердое убеждение: «Ведь повесть взята из жизни, и автор должен знать дальнейшую судьбу всех героев». Так написали нам читатели Уколова, Полянцева, Ивонина из Ухты. А тов. Минакова из Воронежа просит, обращаясь к автору, «сообщить, что это, конечно, быль, переложенная вами в этой трогательной повести». А есть даже и такое письмо: «Остался ли Никитин председателем колхоза, или же вновь выбрали Каширину?..»

Иные читатели огорчены, что автор так и не разложил «по полочкам» судьбы героев. Следует ли, читатель, упрекать в этом автора, следует ли ждать от него «оргвыводов» по отношению к своим героям или пригласительного билета во Дворец бракосочетаний? Это тоже творческая особенность автора, работающего, что называется, «на полутонах», не расставлять точки над всеми «и», сознательно зачастую как бы отступать на задний план, оставляя за читателем право самому разобраться и в героях и в нахлынувших чувствах...

Часто в письмах звучит вопрос: будет ли продолжение повести? Можем только сказать, что настойчиво «постучался» к писателю старый знакомый — «Цыган», и автор сейчас работает над четвертой частью этой повести.

И еще один вопрос, на который читатели хотят получить ответ: существовали ли прототипы героев повести? Односложно ответить на этот вопрос трудно.

Есть в Ростовской области станица Раздорская. Стоит она на берегу Дона. Живут в ней колхозники, агрономы, учителя, рыбаки. В шести километрах от нее — хутор Пухляковский. Там 26 лет живет и работает писатель Анатолий Вениаминович Калинин. В один из мартовских вечеров этого года жители станицы Раздорской собрались в библиотеке на читательскую конференцию по новой повести своего земляка. Раздорцы спорили, рассуждали, вспоминали... Все выступления приводить сейчас нет возможности, но хочется остановиться на одном. Оно поможет читателям разобраться в вопросе о прототипах. Вот что говорила тогда Л. И. Рожкова — секретарь парторганизации Раздорской средней школы:

— Анатолий Вениаминович долгие годы живет рядом с нами. Его повести, романы, очерки как бы писала сама жизнь. Герои его произведений — это жители нашего района. Мы узнаем их по внешнему облику, по характеру, складу мыслей, действиям. Вот и в повести «Возврата нет» — наши земляки, мы узнали их сразу. Ибо герои правдивы, ненадуманны, такие, какие встречаются в жизни, с их хорошими и плохими сторонами. Написана повесть мастерски, увлекает читателей...

В повести действуют люди живой мысли, твердой убежденности. Такие, как Антонина Каширина, преданная Родине, смелая, гордая, умеющая безгранично любить и сохранить в чистоте свое чувство тогда, когда, казалось бы, надо ненавидеть...

Повесть заставляет оглянуться назад, вспомнить, сколько было в войну на руководящей работе женщин, таких волевых и умелых! В одном только нашем районе работало до десяти женщин — председателей колхозов. И что это были за женщины! Вспомните Матрену Андреевну Григорьеву, Февронью Никитичну Сошникову, Зою Ивановну Инютину, Евдокию Андреевну Шаповалову, Анну Никифоровну Звонареву и других. Все они были без образования, а руководили в те страшные годы колхозами умело, даже талантливо. Часто спрашивают: откуда у этих простых женщин было столько мужества, мудрости и умения?! Надо безгранично любить родную землю, чтобы вынести, будучи председателем колхоза, все тяготы военных лет. Это поистине героини! И о каждой из них можно писать целые романы.

Мы, люди пожилого возраста, когда читали повесть, в образе Кашириной угадали черты бывших председательниц колхозов, и поныне живущих в районе. При встречах невольно (разговаривая о повести) вспоминали детали, подробности и то, как в мешках носили семенное зерно с элеваторов, как пахали на коровах, как выполняли планы хлебозаготовок...

Все эти люди хорошо известны и писателю. Он был участником заседаний правлений колхоза, партийных собраний, поддерживал теплым, бодрым словом. И сейчас Анатолий Вениаминович навещает бывших руководителей хозяйств, принимает самое деятельное участие в жизни района. Вот откуда он черпает жизненную силу своих произведений.

А письма все идут...

Л. НАТОЧАННАЯ

РЕПОРТАЖ ПОД ГРОМ ОРУДИЙ

В кратком авторском предисловии к своей новой книге «Сокрушение «Тайфуна» Борис Полевой пишет: «В дни Великой Отечественной войны я, тогда военный корреспондент «Правды» на разных фронтах, в свободные минуты вел дневник. Когда было время — подробно, когда времени не хватало — бегло, конспективно старался записать все, что казалось наиболее существенным и интересным...» Эти записи, сделанные наспех, послужили впоследствии автору основой для создания книг, доставивших ему широкую известность: «Повесть о настоящем человеке», «Доктор Вера», «Глубокий тыл», «Золото». Эти же записи дали возможность впоследствии выпустить книги военных репортажей: «В большом наступлении» и «В конце концов». Третья книга из этой серии, недавно вышедшая, «Сокрушение «Тайфуна»,— репортаж о событиях на правом фланге великой битвы под Москвой, о двух операциях Калининского фронта, окончившихся освобождением старинных русских городов Калинина и Великих Лук.

Возможно, книжные гурманы скажут: репортаж — стоит ли говорить о нем как о значительном произведении литературы? Да, репортаж! Но ткань фактографического повествования прошита золотыми нитями тонких и умных наблюдений, кратких, но верных и точных характеристик, ярких описаний фронтовой жизни, наполненной тяжелым, сверхчеловеческим солдатским трудом, итогом которого является воинский подвиг, бой, сражение, победоносная военная операция.

Привлекательность книги состоит еще и в том, что в ней постоянно ощущаешь не только факторы **личного присутствия**, но и фактор личного **участия** автора, который сам прошагал не одну сотню километров по фронтовым дорогам и тропам, по бездорожью и по пояс в снегу, валялся в кюветах под бомбежками и артиллерийским обстрелом, попадал в разные неизбежные для фронтового корреспондента переделки, преодолевал и опасности, и голод, и холод, и всяческие невзгоды, сидел за пулеметом в атакующем «ИЛе», ходил в бой в рядах атакующих бойцов. Сам первоклассный военный корреспондент, он на страницах книги тепло, с любовью и уважением рассказывает о своих «друзьях-товарищах» — военных журналистах, готовых ради единой строки в потрепанном блокноте, ради маленькой заметки идти в любое пекло.

Автор книги не дает исчерпывающих характеристик людям, с которыми он встречался на фронте и о которых рассказывает. Но он умеет схватить какую-то малую, неприметную для других деталь, и она вдруг в сознании читателя становится запоминающейся, неоспоримой, точной. Вот как, например, автор описывает П. А. Ротмистрова, тогда полковника, руководившего боем с танками генерала Готта из разрушенной церковки: «Командир бригады — полковник,

---

Борис Полевой. Сокрушение «Тайфуна». «Советский писатель», 1971.

ШЕЛ В БУХАРУ КАРАВАН...

События гражданской войны не раз привлекали и продолжают привлекать внимание писателей среднеазиатских республик. Этот интерес не случаен. Обращаясь к драматическим эпизодам ожесточенной классовой схватки на землях бывшей окраины Российской империи, писатели стремятся глубже осмыслить на исторически конкретном материале тот коренной поворот в судьбах некогда забитых, бесправных народов и племен, результатом которого было их освобождение от социального и национального гнета.

В ряду этих писателей прозаик и драматург Клыч Кулиев занимает особое место. Ученый, кандидат исторических наук, член - корреспондент республиканской академии, он, кроме того, несколько лет занимал дипломатические посты в странах, граничащих с его родиной, Туркменистаном. И, быть может, это обстоятельство определило творческие интересы писателя, последовательно, от книги к книге, раскрывающего страницы национально-освободительного движения туркменского народа и его ближайших соседей.

В новом романе «Черный караван» Клыч Кулиев рисует сложную обстановку, сложившуюся летом 1918 года в районе Закаспия, на территории нынешней Туркменской ССР. Подстрекаемые английскими империалистами, эсеры и меньшевики вкупе с местными баями и буржуазными националистами подняли контрреволюционный мятеж. Над Ашхабадом спустились кровавые сумерки. Новое марионеточное «правительство Закаспия», чувствуя непрочность своего положения и опасаясь народного гнева, призвало на помощь британские войска.

В это время в Персии, в Мешхеде, где образовался штаб английской военной миссии во главе с генералом Маллесоном, началась лихорадочная подготовка к вооруженному вторжению в пределы Средней Азии. При этом ставка делалась на внутреннюю контрреволюцию. Маллесон признает, что ему дадут не более трех-четырех батальонов. Значит, наставлял он своих агентов, до перехода границы необходимо привести в действие «внутренние ресурсы».

«Сначала разжечь огонь, а тогда уже спешить на помощь»,— инструктирует генерал полковника военной разведки Чарлза Форстера перед тем, как направить его в Афганистан, Бухару и Хиву. Обстоятельный рассказ о рискованном путешествии Форстера и есть фабула романа, написанного от лица этого отлично подготовленного диверсанта.

Хитрый, расчетливый, хладнокровный враг азиатских народов, отъявленный расист, полковник Форстер не брезгует никакими средствами, чтобы объединить, сплотить в один кулак все силы контрреволюции для разгрома Советской власти. Сопровождая черный караван, экипированный на афганской земле колониальными разбойниками, он вербует бегущих за кордон русских аристократов и белогвардейцев, натравливает дайхан-мусульман против «гяуров»-большевиков, щедро раздает посулы местным баям и бекам, изо всех сил пытается гальванизировать живые трупы бухарского эмира и хивинского хана. Прибыв в Ашхабад, куда перекочевала и военная миссия Маллесона, судорожно цепляется за последнюю надежду — заставить беспомощное «правительство» мятежников и авантюристов мобилизоваться.

В конце концов интервенты приходят к неутешительному для себя выводу: даже на охваченной огнем контрреволюционных мятежей земле им не на кого опереться.

Лицемерно обнадеживая закаспийских правителей, колонизаторы тайно покидают Ашхабад. Однако их агентура не складывает своего отравленного оружия, продолжает провоцировать вооруженные конфликты в соседних странах, пуская в ход все средства, чтобы удержать их в колониальной зависимости, помешать распространению великих освободительных лозунгов первой в мире социалистической революции. Еще изощреннее действуют в этом направлении современные охотники до чужих территорий. Вот почему роман К. Кулиева, повествующий о событиях давних, приобретает особую актуальность и в наши дни.

Задумываясь над причинами поражения английской военной миссии в Закаспии, полковник Форстер вынужден признать, что в мире появилась новая, необоримая сила, опрокидывающая все заслоны империалистов на пути национально - освободительного движения стран Азии и Востока. Эта сила — **ленинизм, ленинская национальная политика**, провозгласившая право всех наций и народов на свободу и независимость.

Черным караванам колониального разбоя теперь уже заказаны пути не только на Советский Восток, но и в другие восточные страны, освободившиеся от колониальной зависимости. Об этом еще раз напоминает писатель Клыч Кулиев, летописец ныне процветающей социалистической нации, строящей вместе с другими народами Советского Союза коммунизм.

С. НИКОЛАЕВ

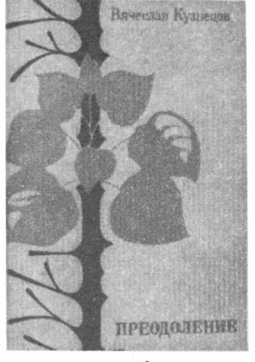
Клыч Кулиев. Черный караван. Авторизованный перевод с туркменского Бориса Турганова. «Роман-газета» № 4, 1972.

в больших очках в черной оправе, с серым от усталости, но чисто выбритым лицом, на котором выделяются аккуратно подстриженные усики. Обликом своим он напоминал больше научного работника, чем военного. Выслушивал рапорты, хрипловатым баритоном отдавал приказания, кого-то вызывал по ожившему наконец полевому телефону, кого-то распекал, и все это уверенно, спокойно, будто сидел он не в разрушенной церквушке, а в штабном кабинете». Он внимательно всматривается, уже не по-репортерски, а по-писательски, в лицо маршала Жукова: «Разве спутаешь с кем-нибудь эту характерную лобастую голову, это мужественное лицо, на котором каждый мускул говорит о твердости, о воле? Эти глаза, зорко смотрящие из-под нависающего на них лба, и, наконец, эту продолговатую ямку на подбородке, добродушную ямку, которая так контрастирует со всеми остальными чертами этого сурового, собранного лица».

У Бориса Полевого в его книге нет главных и второстепенных лиц. Герой — советский народ, все народы Советского Союза: русские, украинцы, узбеки, казахи... Каждый народ приносил свою жертву на алтарь будущей победы. Нет у него и лихого «шапкозакидательства» в описаниях противника, чем немало грешили некоторые литераторы в свое время. Солдат вермахта был дисциплинирован, хорошо обучен, хорошо вооружен. Тем славнее и полнее вырисовывается подвиг солдата Советской страны.

Много написано книг о Великой Отечественной войне и еще будет немало написано, ибо сама тема ее неисчерпаема и поистине грандиозна. Но в этой обильной и многообразной библиотеке славы, составленной из книг уже написанных и тех, которые уже пишутся или еще только задумываются, «Сокрушение «Тайфуна» Бориса Полевого займет свое прочное и достойное место — репортаж под гром орудий, книга честная, правдивая, которую автор, как он сам сообщает, писал «с моим тогдашним видением и мироощущением, не модернизируя, не переосмысливая, не приспосабливаясь к моему сегодняшнему пониманию войны».

Ник. КРУЖКОВ

«ПРЕОДОЛЕНЬЕ — ЯРОСТНОЕ СЛОВО...»

В новом сборнике стихов Вячеслава Кузнецова есть небольшое стихотворение, которое называется «Поле»:

Лишь колосья да — небо...
Россия!..
Вековая мечта
и судьба!..
Эта звонкая, добрая сила —
золотые, как брага, хлеба.

Сколько познано гнева
и скорби;
сколько крови и пота —
в пыли...
...Не колосья,
а звонкие копья
удивительной нашей земли!

Глубокая, серьезная мысль, гордое патриотическое чувство нашли здесь выражение в форме простой и строгой, в наглядном и точном поэтическом образе.

Поэт умеет сказать о многом коротко и зримо, его образы естественны, просты и очень емки. Вот, например, «Праздник спуска корабля»:

Сошел он со стапеля,
словно с ладони,
с тяжелой ладони рабочей
руки.

Острое, сильное переживание, возникшее на Пискаревском кладбище в Ленинграде, передано поэтом так: «...и память болит, словно пулей пробита».

О чем бы ни писал Вячеслав Кузнецов — а тематика его стихов бесконечно разнообразна,— его не оставляет чувство ответственности за все, что происходит в мире, потому что он высоко понимает задачи поэзии и назначение поэта в жизни общества. Вновь и вновь звучит в стихах Кузнецова тема борьбы, тема преодоления: от взгляда в прошлое нашей страны, на «Кострому — страну Сусанина», через целый ряд произведений о героях Великой Отечественной войны, «одним рывком преодолевших смерть» и «шагнувших в бессмертье», вплоть до беспощадной требовательности к самому себе — преодолеть минутные сомнения и усталость, преодолеть любые трудности, чтобы сказать людям те слова, в которых «бьется кровь», которые «и впрямь из солнца!..».

Эту ведущую тему поэт подчеркнул сам, дав своей книге заголовок одного из центральных стихотворений — «Преодоление».

Стихи последних лет, составляющие новый сборник Вячеслава Кузнецова, дышат подлинной гражданственностью и свидетельствуют о зрелом поэтическом мастерстве автора.

Н. ЦВЕТКОВА

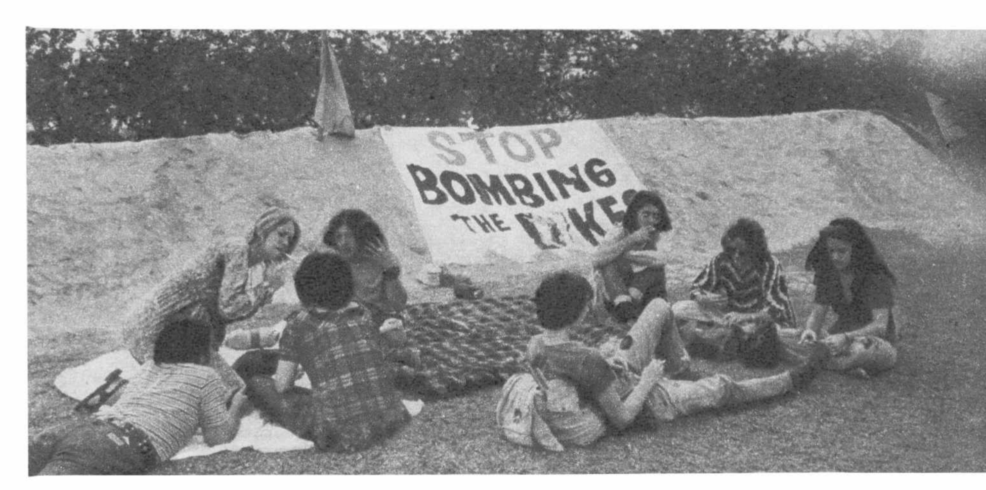
Вячеслав Кузнецов. Преодоление. Новая книга стихов. Лениздат, 1971.

ТАК БЫЛО

Недавно в американском курортном городке Майами-Бич (штат Флорида) состоялся съезд демократической партии США. Как сообщает печать, здание, где проходил съезд, было обнесено колючей проволокой. Город охранялся многими тысячами полицейских и солдат национальной гвардии. На содержание армии и полиции в этом районе власти израсходовали 3,5 миллиона долларов. В августе здесь же, в Майами-Бич, будет проходить съезд правящей республиканской партии США. В качестве корреспондента АПН на съезде демократической партии побывал Генрих Боровик, фотографии которого, специально подготовленные для журнала «Огонек», мы публикуем ниже.

В майамском парке «Фламинго». Здесь собрались не делегаты, а молодежь и ветераны войны во Вьетнаме, которые приехали со всех концов страны требовать прекращения войны во Вьетнаме.

Ребята из парка «Фламинго» насыпали возле здания конвента песчаную дамбу вроде тех, которые бомбят во Вьетнаме американские самолеты и разрушают, чтобы вода затопила посевы и уничтожила деревни. Это чтобы напомнить о преступлении, которое не прекращается.

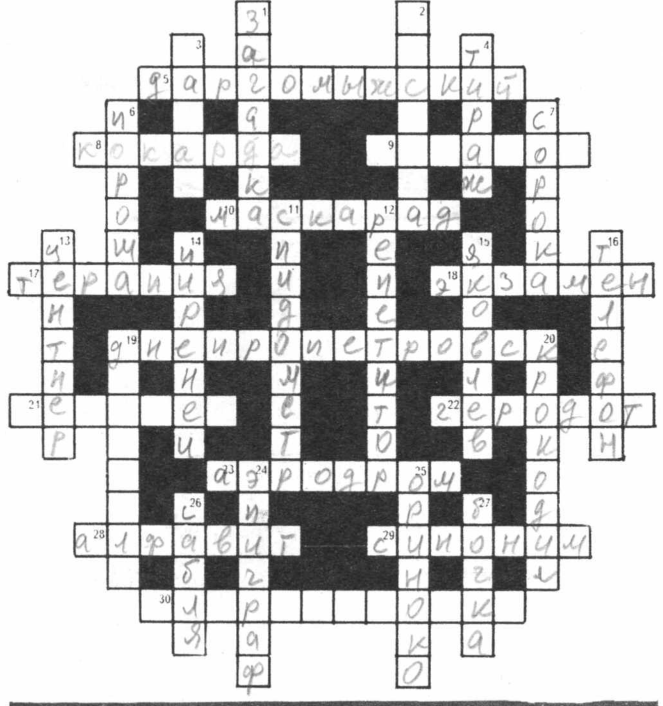
Майамская полиция готова ко всяким «неожиданностям»...

Одно из развлечений делегатов во время работы съезда: на кого выльется содержимое стаканчика пепси-колы?

В зале заседаний — после окончания съезда.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский композитор. 8. Значок на форменном головном уборе. 9. Рыба отряда окунеобразных. 10. Драма М. Ю. Лермонтова. 17. Отрасль медицины. 18. Проверочные испытания. 19. Областной центр в УССР. 21. Озеро в Швеции. 22. Древнегреческий историк. 23. Площадка для взлета и посадки самолетов. 28. Азбука. 29. Слово, отличающееся от другого по звучанию, но совпадающее с ним по значению. 30. Фольклорный жанр.

По вертикали: 1. Иносказательное выражение. 2. Кондитерское изделие. 3. Сладкий картофель. 4. Количество экземпляров печатного издания. 6. Только что выпавший снег. 7. Птица семейства вороновых. 11. Прибор, указывающий скорость автомобиля и пройденный путь. 12. Рассказ А. П. Чехова. 13. Мера веса. 14. Горная система в Европе. 15. Советский авиаконструктор. 16. Устройство, преобразующее электрические колебания в звуковые. 19. Азербайджанский драматург. 20. Водное пресмыкающееся тропических стран. 24. Цитата, изречение перед текстом. 25. Река в Южной Америке. 26. Холодное оружие. 27. Фигура высшего пилотажа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали: 7. Депо. 8. Горький. 9. Лама. 10. Медальон. 11. «Пуритане». 12. Барабан. 15. Пихта. 17. Падеж. 18. Беллетристика. 21. Песня. 23. Анкер. 25. Сенявин. 28. Барельеф. 29. Курчатов. 30. Диод. 31. Октябрь. 32. Край.

По вертикали: 1. Сторона. 2. Примула. 3. Метеорит. 4. Кобальт. 5. Плотина. 6. Амундсен. 13. Рентген. 14. Борисов. 16. Аллея. 17. Прима. 19. Державин. 20. Чернотал. 22. Нереида. 24. Насадка. 26. Елецкий. 27. Изумруд.

На первой странице обложки: Ансамбль «Рязанские ложкари» из 44-й рязанской школы. Слева направо: Саша Хобачев.— На концерт! — «Барыня». Солисты: Олег Казарин, Игорь Хохлов, Миша Афонцев.— Колхозник из села Вакино Яков Иванович Фадюхин изготавливает для ансамбля рожки, Сережа Первушин «принимает» работу.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Варшавянка. Внизу: эти варшавские дома построены на одном из советских домостроительных комбинатов, закупленных Польшей в СССР.

Фото Ст. Чарногурского и Р. Бронярека (журнал «Пшиязнь»).

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 10/VII-72 г. А 00716. Подп. к печ. 25/VII-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1623. Тираж 2 125 000 экз. Заказ № 3203.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

«ЭТО ИГРАЛ НЕ СПАССКИЙ!»

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Теоретическая подготовка в матче на первенство мира имеет особенно большое значение. Если удастся поймать противника на новинку, это может сильно воздействовать на него не только в данной партии, но и в следующих. Но не всегда это удается. Вспомним хотя бы первую партию матча Петросян — Фишер в Буэнос-Айресе. Фишер попался на теоретическую разработку и оказался в трудном положении. Но он не только вырвался из тисков Петросяна, но даже сумел выиграть эндшпиль. В таких случаях основание для огорчений только на стороне изобретателя: потеряно очко и к тому же ценная новинка.

Почти такая же неприятность произошла со Спасским в четвертой партии в Рейкьявике. Отличная новинка чемпиона мира в сицилианской защите застала американского гроссмейстера настолько врасплох, что после 23-го хода Фишер находился в явном нокауте.

Угрозу Спасского 24...h3 Фишеру крайне трудно парировать: на 24. Ке4 Ф : е5 25. К : с5 Ф : с5 26. h3 последует 26...Лb8, и у черных преимущество. И это был еще лучший выход из положения для белых. Но Фишер сыграл:

24. h2—h3	Сс5 — е3
25. Фе2 — g4	Фg5 : е5

По мнению многих знатоков, вполне достаточно для выигрыша был размен на g4 с последующим 26...h3. Но Спасский, видимо, хотел решать исход борьбы в атаке.

26. Фg4 : h4	g7—g5

Очень туго пришлось бы Фишеру в случае 26...Сg5 27. Фd4 Ф : d4 28. Л : d4 Сf6.

27. Фh4 — g4	Се3 — с5
28. Кd6 — b5	Крg8 — g7
29. Кb5 — d4	Лf8 — h8

В. Смыслов указал, что правильно было 29...Лd8! 30. с3 Лh8 31. Кf3 С : f3 32. Ф : f3 Сd6 33. Крg1 Лh4. Важно вызвать ход 30. с3, чтобы отнять у ферзя поле с3, как было в партии, которая продолжалась так:

30. Кd4 — f3	Са8 : f3
31. Фg4 : f3	Сс5 — d6
32. Фf3 — с3	Фе5 : с3

И партия закончилась вничью.

Как видно, в этой партии Спасский был весьма близок к цели, но, как принято выражаться в футболе, завершающего удара не последовало.

В чужую душу, как известно, трудно заглянуть, особенно на большом расстоянии. Но можно не сомневаться, что Спасский был расстроен этой спортивной и творческой неудачей.

Несчастье редко приходит одно. Неудача в этой партии, конечно, повлияла на настроение и игру чемпиона мира в пятой и шестой партиях.

Дело не только в том, что Спасский допустил грубый зевок в пятой партии. Это бывало и с другими чемпионами мира. Но, к великому сожалению, в обеих партиях мы не видим присущего ему упорства и находчивости.

Достаточно процитировать высказывание аргентинского гроссмейстера М. Найдорфа: «Это играл не Спасский!»

Частые цейтноты — первый признак плохой спортивной формы. Спасский пока еще не смог избавиться от этой неприятной шахматной болезни. Недавно я имел возможность побеседовать с Виктором Корчным. Он рассказал об одном любопытном случае из его последней встречи с Фишером в 1967 году:

«Я думал минут сорок, прежде чем пожертвовать ему пешку. Затем Фишер подошел к доске и, не подумав и минуты, пешку не взял. Мне даже было обидно, зачем я так долго ломал голову. После партии, которая закончилась вничью, я спросил Фишера: «Почему вы не взяли пешку?» Фишер ответил: «Зачем? Вы же все просчитали. Я вам поверил».

Это называется полезный практицизм, экономия сил для следующей партии!

Ю. Авербах считает, что секрет Фишера заключается в том, что он быстро принимает решения и не тратит времени на обдумывание такого хода, который ему кажется бесполезным. В пятой партии Спасский минут 35 считал варианты с жертвой фигуры. Как на это реагировал Фишер? Он так же, как и Корчному, поверил Спасскому, и не принял жертвы.

Мы в эти дни часто читаем сообщения о том, что Фишер опоздал на шесть, на десять минут. Опоздание на партию считается плохим тоном, актом неуважения к партнеру и публике. Но чисто практически для Фишера эти несколько минут не имеют никакого значения, ибо он играет очень быстро. В пятой партии обоим гроссмейстерам пришлось решать очень сложные стратегические проблемы. На всю партию Фишеру понадобилось всего 1 час 17 минут, а Спасский потратил 2 часа 10 минут.

Спортивный и творческий конфликт в Рейкьявике развивается, как и ожидал шахматный мир, очень напряженно.

Одна из загадок старта — выбор дебюта со стороны чемпиона мира в пятой партии. Непонятно, куда смотрел секундант Спасского Геллер, который допустил применение варианта, в котором не так давно сам с треском был разгромлен Фурманом...

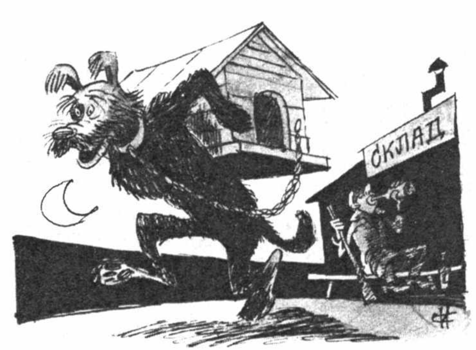
Кривить душой и успокаивать читателей не следует. Ведь и читатели понимают, что счет 3,5—2,5 в пользу Фишера — факт не из приятных. Что же делать? Посыпать голову пеплом? Нет, конечно! Мы надеемся, что Спасский войдет в форму и начнет играть быстрее и, главное, лучше. В этом заинтересованы миллионы и миллионы любителей шахмат.

Третий — не лишний!

— Подвезти! Или вы своим ходом до вытрезвителя дойдете!

Терпение лопнуло!

Узник.

РИСУНКИ И. СЫЧЕВА.

— Товарищ старшина, это не наезд! Это я дыхнул на товарища контролера!..

«Подстольная».

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.